

НАУЧНАЯ АРТЕЛЬ

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

16+

ISSN (p) 2712-9497

ISSN (e) 2542-1034

№ 5/2025

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«EO IPSO»**

Москва
2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «EO IPSO»

Учредитель:
Общество с ограниченной ответственностью «Издательство
«Научная артель»

ISSN (p) 2712-9497
ISSN (e) 2542-1034

Периодичность: 1 раз в месяц

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке
elibrary.ru по договору №511-08/2015 от 06.08.2015

Журнал размещен в международном каталоге
периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Верстка: Мартиросян О.В.
Редактор/корректор: Мартиросян Г.В.

Учредитель, издатель и редакция
научного журнала «EO IPSO»
Академическое издательство «Научная артель»:
+7 (495) 514 80 82
<https://sciartel.ru>
info@sciartel.ru
450057, ул. Салавата 15

Подписано в печать 04.05.2025 г.
Формат 60x90/8
Усл. печ. л. 06.60
Тираж 500.

Отпечатано
в редакционно-издательском отделе академического издательства
«Научная артель»
<https://sciartel.ru>
info@sciartel.ru
+7 (495) 514 80 82

Цена свободная. Распространяется по подписке.

Все статьи проходят экспертную проверку. Точка зрения редакции не
всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за
сам факт их публикации. Редакция не несет ответственности перед
авторами и/или третьими лицами за возможный ущерб, вызванный
публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов, опубликованных в
научном журнале, ссылка на журнал обязательна

Главный редактор:

Сукиасян Асатур Альбертович, к.э.н.

Редакционный совет:

Абидова Гулмира Шухратовна, д.т.н.

Авазов Сардоржон Эркин угли, д.с.-х.н.

Агафонов Юрий Алексеевич, д.м.н.

Алейникова Елена Владимировна, д.гос.упр.

Алиев Закир Гусейн оглы, д.фил.агр.н.

Ашрапов Баходурджон Пулотович, к.фил.н.

Бабаян Анжела Владиславовна, д.пед.н.

Баишева Зилия Вагизовна, д.фил.н.

Булатова Айсылу Ильдаровна, к.соц.н.

Бурак Леонид Чеславович, к.т.н., PhD

Ванесян Ашот Саркисович, д.м.н.

Васильев Федор Петрович, д.ю.н., член РАЮН

Вельчинская Елена Васильевна, д.фарм.н.

Виневская Анна Вячеславовна, к.пед.н.

Габрусь Андрей Александрович, к.э.н.

Галимова Гузалия Абкадировна, к.э.н.

Гетманская Елена Валентиновна, д.пед.н.

Гимранова Гузель Хамидулловна, к.э.н.

Григорьев Михаил Федосеевич, к.с.-х.н.

Грузинская Екатерина Игоревна, к.ю.н.

Гулиев Игбал Адилевич, к.э.н.

Датий Алексей Васильевич, д.м.н.

Долгов Дмитрий Иванович, к.э.н.

Дусматов Абдурахим Дусматович, к. т. н.

Ежкова Нина Сергеевна, д.пед.н.

Екшикеев Тагер Кадырович, к.э.н.

Епхиева Марина Константиновна, к.пед.н., проф. РАЕ

Ефременко Евгений Сергеевич, к.м.н.

Закиров Мунавир Закиевич, к.т.н.

Зарипов Хусан Баходирович, PhD.

Иванова Нионила Ивановна, д.с.-х.н.

Калужина Светлана Анатольевна, д.х.н.

Канарейкин Александр Иванович, к.т.н.

Касимова Дилара Фаритовна, к.э.н.

Киравосян Сусана Арсеновна, к.ю.н.

Киркимбаева Жумагуль Слямбековна, д.вет.н.

Кленина Елена Анатольевна, к.филос.н.

Клещина Марина Геннадьевна, к.э.н.,

Козлов Юрий Павлович, д.б.н., заслуженный эколог РФ

Кондрашихин Андрей Борисович, д.э.н.

Конопацкова Ольга Михайловна, д.м.н.

Куликова Татьяна Ивановна, к.псих.н.

Курбанаева Лилия Хамматовна, к.э.н.

Курманова Лилия Рашидовна, д.э.н.

Ларионов Максим Викторович, д.б.н.

Мальшкина Елена Владимировна, к.и.н.

Маркова Надежда Григорьевна, д.пед.н.

Мещерякова Алла Брониславовна, к.э.н.

Мухамадеева Зинфира Фанисовна, к.соц.н.

Мухамедова Гулчехра Рихсибаевна, к.пед.н.

Набиев Тухтамурод Сахобович, д.т.н.

Песков Аркадий Евгеньевич, к.полит.н.

Половения Сергей Иванович, к.т.н.

Пономарева Лариса Николаевна, к.э.н.

Почивалов Александр Владимирович, д.м.н.

Прошин Иван Александрович, д.т.н.

Саттарова Рано Кадыровна, к.биол.н.

Сафина Зилия Забировна, к.э.н.

Симонович Николай Евгеньевич, д.псих.н., академик РАЕН

Сирик Марина Сергеевна, к.ю.н.

Смирнов Павел Геннадьевич, к.пед.н.

Старцев Андрей Васильевич, д.т.н.

Танаева Замфира Рафисовна, д.пед.н.

Терзиев Венелин Кръстев, д.э.н., член РАЕ

Умаров Бехзод Тургунпулатович, д.т.н.

Хайров Расим Золимхон углы, к.пед.н.

Хамзаев Иномжон Хамзаевич, к. т. н.

Хасанов Сайдинаби Сайдвалиевич, д.с.-х.н.

Чернышев Андрей Валентинович, д.э.н.

Чиладзе Георгий Бидзиневич, д.э.н., д.ю.н., член РАЕ

Шилкина Елена Леонидовна, д.соц.н.

Шкирмонтов Александр Прокопьевич, д.т.н., член-РАЕ

Шляхов Станислав Михайлович, д.физ.-мат.н.

Шошин Сергей Владимирович, к.ю.н.

Юсупов Рахимьян Галимьянович, д.и.н.

Яковишина Татьяна Федоровна, д.т.н.

Янгиров Азат Вазирович, д.э.н.

Яруллин Рауль Рафаэлович, д.э.н., член РАЕ

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕМАТИКА

- Куконков Е.А.** 8
ГИПОТЕЗА ГОЛЬДБАХА

ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИЯ

- Avezimbetov S.** 13
INNOVATIVE TEACHING STRATEGIES IN LEGAL EDUCATION: FROM CASE METHOD TO DIGITAL SIMULATION
- Myshiyev N., Annayev Sh.** 14
INNOVATIVE TEACHING STRATEGIES IN ENGINEERING EDUCATION: BRIDGING THEORY, PRACTICE, AND EMERGING TECHNOLOGIES
- Розыев Г.Х., Дурдыев П., Касымова С., Алыева О.** 16
ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНАЯ ЭЛЕКТРОНИКА И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ
- Хуммаева О.Х., Эсенова О.Г., Джумабердиева А.М.** 18
ПЕРЕДОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА ПОЛУПРОВОДНИКОВ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Handurdyev O., Hojageldiyev S., Hojalyev D., Hojammedov Ch.** 22
ANALYSIS OF MARKET STRUCTURES: REVISITING RESEARCH ON MONOPOLISTIC COMPETITION
- Matkerimova A., Nyuzammamedova T., Mammetgulyyeva L., Rozyyeva E.** 23
BEHAVIORAL ECONOMICS AND CONSUMER DECISION-MAKING: A REVIEW OF EXPERIMENTAL STUDIES
- Батыров Н.** 25
АНАЛИЗ НАПРАВЛЕНИЙ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА УГЛЕРОДНОГО ВОЛОКНА В ТУРКМЕНИСТАНЕ
- Батыров Н.** 27
СБОР ДАННЫХ О ТЕНДЕНЦИЯХ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА УГЛЕРОДНОГО ВОЛОКНА В ТУРКМЕНИСТАНЕ
- Высоцкая А.И., Очеретяная Д.В.** 30
СПЕЦИФИКА РАЗРАБОТКИ ФИРМЕННОГО СТИЛЯ ДЛЯ КОМПАНИЙ НА РЫНКЕ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
- Ишангулыева О., Баратов У., Алтыбаева Б.** 32
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА
- Мурриков Д., Ишанова Дж., Аманова Г.** 34
ПОНЯТИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА
- Сердарова Н.С., Оразова М.Д., Байрамов М.Э.** 37
КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ

Турсунбоев М.М. 39
РАЗВИТИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА И ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Турсунбоев М.М. 41
ФИНАНСОВЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОБЪЕКТ ОЦЕНКИ И АНАЛИЗА

Умаров М.А. 44
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ И АУДИТА

Умаров М.А. 47
УПРАВЛЕНИЕ ЗАТРАТАМИ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ФИЛОСОФИЯ

Атаев К.А. 55
ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ РАЗУМА И БЫТИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ

ФИЛОЛОГИЯ

Akhmedova A.Kh. 55
COMPARATIVE ANALYSIS OF MORPHOLOGICAL FEATURES OF SOME TAJIK AND ENGLISH
INTERJECTIONS

Akramova M.A. 57
ON THE ISSUE BESET WITH MOTIVATION OF THE SCO LANGUAGE POLICY

Korieva R.Gh. 60
THE POLITICAL SITUATION OF THE ARABIAN PENINSULA IN THE PRE-ISLAMIC ERA

Mahmudova F.F. 63
COMPARATIVE ANALYSIS OF MORPHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE ENGLISH PREPOSITION AT AND
ITS TAJIK EQUIVALENTS

Mirusmonova R.O. 66
COMPARATIVE ANALYSIS OF DRAGON AND BIRD`S SYMBOLS IN CHINESE AND IRANIAN MYTHS

Абдыкадырова С.Р., Медетбек к.А. 69
ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЫРГЫЗСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ

Ашрапова А.И. 73
К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ ОРАТОРОВ И ТУРИСТОВ ИЗ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Ибрагимова Р.А., Тошматов Д. 76
ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

ПЕДАГОГИКА

Bayliyev B., Yoldashov G., Bayramova B. 80
INNOVATIVE PEDAGOGICAL APPROACHES IN TEACHING SOCIAL SCIENCES

Косумова А., Bashimova O. INNOVATIVE TEACHING STRATEGIES IN UNIVERSITY EDUCATION: FOSTERING CRITICAL THINKING AND ENGAGEMENT	81
Muhammetgulyyev A., Bayramberdiyeva G. INNOVATIVE TEACHING PRACTICES IN HIGH SCHOOL: SHAPING CRITICAL THINKING AND PERSONAL GROWTH	83
Myratdurdyyev N., Chommulova M., Jepbargulyyeva G. THE ROLE OF ENGLISH IN EQUINE VETERINARY PRACTICE: COMMUNICATION, DOCUMENTATION, AND GLOBAL STANDARDS	84
Myratdurdyyev N., Abayev M., Ashyrgeldiyeva A. THE ROLE OF ENGLISH IN INTERNATIONAL HORSE BREEDING AND EQUESTRIAN TRAVEL	86
Myratdurdyyev N., Shihmamedova G., Purmammedova O. VETERINARY TERMINOLOGY IN ENGLISH AND LATIN: LANGUAGE PRECISION IN ANIMAL HEALTH COMMUNICATION	88
Pigammyradova M., Yoldashov G., Bayramdurdyyeva M. EXPERIMENTAL RESEARCH IN THE NATURAL SCIENCES: PRINCIPLES, PRACTICES, AND TECHNOLOGICAL ADVANCEMENTS	89
ВЕТЕРИНАРИЯ	
Chayyrov A., Tejenova O., Gurbandurdyyeva Sh. THE ROLE OF CHEMISTRY IN VETERINARY MEDICINE	93
ПСИХОЛОГИЯ	
Валуйских Ю.В. АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СВЯЗИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И ПРОЯВЛЕНИЙ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ	96
Мередов М. ПСИХОЛОГИЯ ЦВЕТА: КАК КРАСКИ ВЛИЯЮТ НА НАШИ ЭМОЦИИ И ВОСПРИЯТИЕ	99
Сапарова Дж. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ РАЗУМА У ИБН СИНЫ И АЛЬ-ФАРАБИ, И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТЕОРИЮ ПОЗНАНИЯ	101
СОЦИОЛОГИЯ	
Bayliyev B., Yoldashov G., Bayramgulyyeva O. THE ROLE OF SOCIAL SCIENCES IN ADDRESSING CONTEMPORARY GLOBAL CHALLENGES	105
Berdiyev K., Amanov M., Aylyyeva G. MODERN RESEARCH METHODOLOGIES IN THE SOCIAL SCIENCES: INTEGRATING QUALITATIVE AND QUANTITATIVE APPROACHES	106

АРХИТЕКТУРА

Ishanov M., Atayev D., Charyyeva S., Bashimov M. HIGH ARCHITECTURE IN THE 21ST CENTURY: INNOVATION, IDENTITY, AND URBAN EXPRESSION	109
Ishanov M., Ozbekov N., Kakabayeva M., Bazarova M. INNOVATIVE CONSTRUCTION OF SMART BUILDINGS: INTEGRATING TECHNOLOGY, EFFICIENCY, AND HUMAN-CENTRIC DESIGN	110

МАТЕМАТИКА

ГИПОТЕЗА ГОЛЬДБАХА

Гипотеза Гольдбаха (проблема Эйлера, бинарная проблема Гольдбаха) утверждение о том, что любое чётное число, начиная с 4, можно представить в виде суммы двух простых чисел.

Так как все простые числа, за исключением 2 и 3, могут быть представлены в виде $(6k+1)$ или $(6k-1)$, имеет смысл сосредоточиться только на числах, которые можно выразить в такой форме.

Найдём количество чисел, которые можно представить в виде $6k + 1$ или $6k - 1$.

Числа, которые можно представить в виде $(6k + 1)$ или $(6k - 1)$, представляют собой те числа, которые при делении на 6 дают остатки 1 или 5.

Рассмотрим все возможные остатки от деления целых чисел на 6:

- Остаток 0: $(6k)$
- Остаток 1: $(6k + 1)$
- Остаток 2: $(6k + 2)$
- Остаток 3: $(6k + 3)$
- Остаток 4: $(6k + 4)$
- Остаток 5: $(6k - 1)$

Из всех этих остатков только 1 и 5 соответствуют формам $(6k + 1)$ и $(6k - 1)$. Это значит, что среди любых шести последовательных целых чисел два числа будут иметь нужный вид.

Таким образом, количество чисел, которые можно представить в виде $(6k+1)$ или $(6k-1)$, составляет $2/6$ или $1/3$ от всех целых чисел.

$$Y = \frac{N}{3} - 1 \approx \frac{N}{3}$$

Где: N - все целые числа от 1 до заданного числа, для которого и проверяется гипотеза.

y - количество чисел, которые можно представить в виде $(6k+1)$ или $(6k-1)$

1 – вычитаем единицу которую также имеющую остаток от деления на 6 равный 1.

Выясним, как складываются числа, которые можно представить в виде $(6k+1)$ или $(6k-1)$.

$$N \bmod 6 = 0$$

$$N = (6K_1 + 1) + (6K_2 - 1) \cup (6K_1 - 1) + (6K_2 + 1)$$

$$(N - 2) \bmod 6 = 0$$

$$N = (6K_1 + 1) + (6K_2 + 1)$$

$$(N + 2) \bmod 6 = 0$$

$$N = (6K_1 - 1) + (6K_2 - 1)$$

Обратите внимание, что при сложении чисел, которые можно представить в виде $(6k+1)$ или $(6k-1)$: для $(N+2)$ или $(N-2) \bmod (6) = 0$ используются не все числа вида $(6k_1 - 1) + (6k_2 - 1)$, а только некоторые из них. (Половина из них.)

Т.е. число вида $N \bmod (6) = 2$, не может быть представлено в виде $(6k_1 - 1) + (6k_2 - 1)$, количество пар составляет половину от всех количество чисел, которые можно представить в виде $(6k+1)$ или $(6k-1)$. $(y)/2$.

Давайте определим минимальное количество простых чисел, необходимых для подтверждения гипотезы.

Для этого нужно найти количество пар чисел, которые можно представить в виде $(6k+1)$ или $(6k-1)$. Также следует учесть числа, которые не могут быть представлены в таком виде. После этого

достаточно добавить одно простое число, чтобы хотя бы раз образовалась пара простых чисел, сумма которых равна N.

$$N \bmod 6 = 0$$

$$\frac{y}{2} + 2 + 1 \approx \frac{N}{3} / 2 + 3 \approx \frac{N}{6} + 3$$

Где: (+2) - это простые числа не представимых в виде $6k + 1$ или $6k - 1$, (+1) - одно простое число которое и обеспечивает выполнение гипотезы.

$$(N - 2) \nu(N + 2) \bmod 6 = 0$$

Так, как используются не все числа вида $6k + 1$ или $6k - 1$, а только половина из них, тогда для гарантированного образования пары, состоящей из простых чисел, следует учесть не используемые числа вида $6k + 1$ или $6k - 1$, что составляет половину от y.

$$\frac{1}{2} y$$

Из полученного количества, найдём количество пар чисел, которые можно представить в виде $(6k+1)$ или $(6k-1)$, поскольку нам необходимо найти пары, мы делим количество используемых чисел вида $(6k+1)$ или $(6k-1)$ на 2.

$$\frac{1}{2} y / 2 = \frac{1}{4} y$$

Соответственно:

$$\frac{1}{2} y + \frac{1}{4} y = \frac{3}{4} y$$

Необходимо чтобы количество простых превышало, количество не использованных чисел вида $6k+1$ и $6k-1$ и половину от использованных. Также следует учесть числа, которые не могут быть представлены в таком виде. После этого достаточно добавить одно простое число, чтобы хотя бы раз образовалась пара простых чисел, сумма которых равна N.

$$\frac{3}{4} y + 2 + 1 \approx \frac{N}{3} * \frac{3}{4} + 3 = \frac{N}{4} + 3$$

где (+2) - это простые числа не представимых в виде $6k + 1$ или $6k - 1$, (+1) - одно простое число которое и обеспечивает выполнение гипотезы.

Давайте сократим количество простых, необходимых для подтверждения гипотезы.

Для этого исключим из рассмотрения заведомо непростые числа, которые не участвуют в образовании пар.

$$(N - 2) \nu(N + 2) \bmod 6 = 0$$

$$\frac{N / 3 - \pi(N) + 2}{2}$$

Где $\pi(N)$ — это количество простых чисел, которые не превышают число N.

$$\left(\frac{N}{4} + 3\right) - \frac{N/3 - \pi(N) + 2}{2} \leq \pi(N)$$

Чтобы найти минимальное количество простых чисел, необходимых для подтверждения гипотезы, исключим числа вида $6k + 1$ или $6k - 1$, пары которых в сумме дают N и состоят из составных чисел.

$$(N - 2) \nu(N + 2) \bmod 6 = 0$$

$$\left(\frac{N}{4} + 3\right) - \frac{N/3 - \pi(N) + 2}{2} - \frac{x}{2}$$

x - количество чисел (вида $6k + 1$ или $6k - 1$) дающие в сумме N и являющиеся составными.

$$N \bmod 6 = 0$$

$$\frac{y}{2} + 3 - \frac{x}{2} \approx \frac{N}{6} + 3 - \frac{x}{2}$$

Найдем минимальное количество пар простых чисел, дающих в сумме N .

Для этого вычтем из количества простых до N , минимальное количество простых для выполнения гипотезы.

$$(N - 2) \nu(N + 2) \bmod 6 = 0$$

$$\pi(N) - \left(\left(\frac{N}{4} + 3\right) - \frac{N/3 - \pi(N) + 2}{2} - \frac{x}{2}\right)$$

$$N \bmod 6 = 0$$

$$\pi(N) - \left(\frac{N}{6} + 3 - \frac{x}{2}\right)$$

Минимальное количество пар простых чисел дающие в сумме N , для выполнения гипотезы Гольбаха, должна составлять не менее одной.

$$(N - 2) \nu(N + 2) \bmod 6 = 0$$

$$\pi(N) - \left(\left(\frac{N}{4} + 3\right) - \frac{N/3 - \pi(N) + 2}{2} - \frac{x}{2}\right) \geq 1$$

$$N \bmod 6 = 0$$

$$\pi(N) - \left(\frac{N}{6} + 3 - \frac{x}{2}\right) \geq 1$$

Предположим, что гипотеза не верна, тогда все простые числа будут в паре с составными, а из оставшихся составных чисел, будут созданы пары. X_{\min} - количество составных чисел, которые и образуют эти пары.

$$(N - 2)v(N + 2) \bmod 6 = 0$$

$$X_{\min} = \frac{N/3 + \pi(N) + 3}{2} - \frac{\pi(N)}{2} + 1$$

$$N \bmod 6 = 0$$

$$X_{\min} = N/3 + \pi(N) + 3 - \pi(N) + 1$$

Подставив (X_{\min}) в уравнение, проверим, существует ли такое чётное натуральное число, которое будет являться решением, если такого числа не найдется, значит гипотеза верна.

$$(N - 2)v(N + 2) \bmod 6 = 0$$

$$(N - 2)v(N + 2) \bmod 6 = 0$$

$$\pi(N) - \left(\left(\frac{N}{4} + 3 \right) - \frac{N/3 - \pi(N) + 2}{2} - \frac{\frac{N/3 + \pi(N) + 3}{2} - \frac{\pi(N)}{2} + 1}{2} \right) = 0$$

Данное уравнение не имеет решений, значит гипотеза верна.

$$N \bmod 6 = 0$$

$$\pi(N) - \left(\frac{N}{6} + 3 - \frac{N/3 + \pi(N) + 3 - \pi(N) + 1}{2} \right) = 0$$

Данное уравнение не имеет решений, значит гипотеза верна.

Вывод: гипотеза Гольбаха верна.

© Куконков Е.А., 2025

ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИЯ

Avezimbetov S., lecturer.

Turkmen State Border Service Institute
Ashgabat, Turkmenistan

INNOVATIVE TEACHING STRATEGIES IN LEGAL EDUCATION: FROM CASE METHOD TO DIGITAL SIMULATION

Abstract

Legal education is undergoing significant transformation to meet the demands of a dynamic legal landscape. While traditional methods such as the Socratic method and case-based instruction continue to play a central role, new approaches are reshaping how future lawyers are trained. This article explores innovative teaching strategies in legal education, including experiential learning, digital courtroom simulation, interdisciplinary casework, and the integration of legal technology. Emphasis is placed on developing not only doctrinal knowledge but also critical thinking, advocacy skills, and ethical awareness. The article also discusses the challenges of legal curriculum reform and the need for alignment with contemporary professional realities.

Keywords:

legal education, case method, experiential learning, legal technology, clinical training, digital simulation.

Introduction: Rethinking Legal Pedagogy for the 21st Century

Legal education has long relied on the case method and the Socratic dialogue as its pedagogical pillars. These approaches develop students' ability to interpret judicial decisions, reason through legal issues, and construct persuasive arguments. However, in an era of technological disruption, globalization, and increasing demand for access to justice, legal educators are rethinking how lawyers should be trained. Beyond mastering doctrine, modern legal professionals must understand digital tools, adapt to hybrid legal systems, and apply legal knowledge in socially and economically diverse contexts.

The shift toward experiential and practice-oriented learning reflects this need. Legal education is being enriched by clinical programs, moot court competitions, and collaborative projects that expose students to the realities of client interaction and legal decision-making. This article outlines the emerging strategies in legal pedagogy and explores how they contribute to the development of well-rounded legal professionals.

Modern Teaching Strategies in Legal Education

One of the most transformative developments in legal education is the growth of clinical legal **education**. Clinics provide students with supervised, real-world legal experience, representing clients in areas such as immigration, housing, family law, or public interest advocacy. Through clinics, students apply theoretical knowledge in practice, develop empathy, and learn the professional responsibilities of legal work. Clinics also foster reflection on ethics and the social impact of legal systems.

Simulations and moot courts offer another powerful experiential tool. By engaging in mock trials, arbitration hearings, and appellate advocacy, students sharpen their research, writing, and oral argumentation skills. Digital courtroom platforms now allow for remote participation, enabling students to practice litigation strategies using modern technologies.

Problem-based and interdisciplinary learning is also gaining traction. Law students collaborate with peers from business, public policy, or health disciplines to address complex societal problems. This mirrors the real-world context in which lawyers must navigate legal issues with economic, ethical, and scientific dimensions. For instance, a simulation on data privacy law might involve legal analysis, software development insights, and regulatory risk assessment.

Moreover, **legal technology** is now an essential part of modern law practice. Courses introducing students to tools such as legal research platforms, document automation, contract analytics, and e-discovery software are being introduced across law schools. As artificial intelligence and digital platforms reshape legal services, future lawyers must be fluent in the tools that will define their professional environment.

Challenges and Future Directions in Legal Education

Despite growing innovation, legal education faces institutional and philosophical challenges. Traditional curricula often resist change, and some educators remain skeptical of reducing emphasis on doctrinal rigor. There are also concerns about ensuring equitable access to experiential learning opportunities, especially in resource-constrained settings.

To stay relevant, law schools must continuously reassess learning outcomes and align them with the competencies needed in modern legal practice. This includes fostering emotional intelligence, negotiation skills, and adaptability—qualities that are increasingly valued in legal employers. Furthermore, integrating **ethics, diversity, and global legal systems** into the core curriculum will prepare students for practice in an interconnected and complex world.

Future directions include greater use of **blended and online learning, AI-driven legal training platforms, and global legal internships**. These innovations will help bridge theory and practice, expand access to legal education, and ensure that law graduates are not only skilled interpreters of the law but also proactive agents of justice and reform.

References

1. Sullivan, W. M., et al. (2007). *Educating Lawyers: Preparation for the Profession of Law*. Jossey-Bass.
2. Stuckey, R., et al. (2007). *Best Practices for Legal Education*. Clinical Legal Education Association.
3. Moliterno, J. (2013). The Future of Legal Education: Rethinking the Casebook Method. *Legal Education Review*, 23(1), 1–18.
4. Katz, D. M., & Bommarito, M. (2014). Legal Analytics and the New Legal Economy. *Michigan State Law Review*, 2014(3), 831–850.
5. Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching. (2006). *The Formation of Professional Identity in Law Students*.

© Avezimbetov S., 2025

Myshiyev H., lecturer.

Annayev Sh., lecturer.

Turkmen State Border Service Institute

Ashgabat, Turkmenistan

INNOVATIVE TEACHING STRATEGIES IN ENGINEERING EDUCATION: BRIDGING THEORY, PRACTICE, AND EMERGING TECHNOLOGIES

Abstract

Engineering education is evolving rapidly in response to technological advancements, industry demands, and the need for interdisciplinary problem-solving. Traditional methods rooted in theoretical instruction and laboratory exercises are now complemented by project-based learning, digital simulation, and industry partnerships. This article explores innovative strategies in engineering pedagogy that aim to

enhance student engagement, creativity, and real-world readiness. It discusses the integration of design thinking, collaborative learning, and emerging technologies such as AI and IoT in engineering curricula. The article also addresses challenges in implementation and presents future directions for developing adaptive and socially responsible engineers.

Keywords:

engineering education, project-based learning, design thinking, digital simulation, interdisciplinary teaching, technology integration.

Introduction: The Changing Landscape of Engineering Education

Engineering as a discipline has traditionally emphasized mathematical rigor, technical analysis, and laboratory experimentation. However, the rapid transformation of industries and the growing complexity of global challenges now require engineers to possess not only technical expertise but also creativity, adaptability, and strong communication skills. This shift has prompted educational institutions to rethink how engineering is taught—moving from static lecture formats to dynamic, hands-on learning environments.

Modern engineering education must prepare students to innovate, collaborate across disciplines, and apply their knowledge in real-world contexts. Universities are therefore integrating new teaching models that combine theoretical foundations with experiential learning, digital tools, and cross-sector engagement. This article explores how these approaches are reshaping engineering programs and equipping students for success in the 21st century.

Core Strategies for Modern Engineering Instruction

Project-Based Learning (PBL) has emerged as one of the most effective methods in engineering education. In this model, students work on real-world engineering challenges, often in interdisciplinary teams, applying their technical knowledge to design, prototype, and test solutions. PBL fosters problem-solving skills, critical thinking, and collaboration—essential qualities for modern engineers. For example, students might design an energy-efficient water purification system, integrate IoT sensors into smart home prototypes, or develop low-cost medical devices for underserved communities.

Design Thinking is another increasingly popular pedagogical approach. It emphasizes empathy, ideation, and iterative prototyping, encouraging students to address user-centered problems creatively. In engineering programs, design thinking often complements capstone projects or entrepreneurship modules, allowing students to consider not just functionality and cost, but also usability and social impact.

Digital simulation tools and virtual laboratories are transforming how students interact with engineering principles. Software such as MATLAB, SolidWorks, and AutoCAD enable learners to model complex systems, simulate performance, and visualize outcomes. These tools make abstract concepts more tangible and support experimentation beyond the physical limits of traditional labs. With the rise of AI and machine learning, students are also being trained to use predictive analytics and automation platforms relevant to engineering contexts.

Collaborative and interdisciplinary instruction is becoming the norm, as engineers must increasingly work with professionals from business, computer science, biology, and social sciences. Integrating case studies, guest lectures from industry professionals, and collaborative research opportunities helps students develop a holistic understanding of engineering problems and solutions.

Challenges and Future Outlook

Despite these innovations, engineering educators face significant challenges. Updating curricula to include emerging technologies while maintaining core engineering fundamentals is a delicate balance. Faculty training, access to digital infrastructure, and maintaining academic rigor in project-based environments are also ongoing concerns.

Additionally, promoting diversity, ethics, and environmental responsibility within engineering programs remains essential. Future engineers must be equipped to consider the broader impact of their work on society and the environment. Courses on sustainability, ethical design, and global engineering practices are thus becoming standard components of forward-thinking programs.

Looking ahead, the future of engineering education lies in adaptive learning environments, AI-enhanced instruction, and global collaboration platforms. Virtual and augmented reality (VR/AR) will enable immersive learning, while AI tutors can offer personalized guidance. International partnerships and open-source project networks will allow students to engage with global challenges in real time.

References

1. Sheppard, S. D., Macatangay, K., Colby, A., & Sullivan, W. M. (2009). *Educating Engineers: Designing for the Future of the Field*. Jossey-Bass.
2. Dym, C. L., Agogino, A. M., Eris, O., Frey, D. D., & Leifer, L. J. (2005). Engineering Design Thinking, Teaching, and Learning. *Journal of Engineering Education*, 94(1), 103–120.
3. Prince, M., & Felder, R. (2006). Inductive Teaching and Learning Methods: Definitions, Comparisons, and Research Bases. *Journal of Engineering Education*, 95(2), 123–138.

© Myshiyev H., Annayev Sh., 2025

УДК 621.3

Розыев Гурбанмухаммет Хыдырович

Преподаватель,

Государственный энергетический институт Туркменистана

Дурдыев Пир

Студент,

Государственный энергетический институт Туркменистана

Касымова Сульгун

Студент,

Государственный энергетический институт Туркменистана

Алыева Огульшат

Студент,

Государственный энергетический институт Туркменистана

г. Мары, Туркменистан

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНАЯ ЭЛЕКТРОНИКА И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ

Аннотация

Рост потребности в электроэнергии и обеспокоенность изменением климата стимулируют развитие энергоэффективной электроники и интеграцию альтернативных источников энергии. В статье рассматриваются современные достижения в области энергосбережения в электронной технике и анализируются перспективы использования возобновляемых источников энергии для питания электронных устройств.

Ключевые слова

энергоэффективность, электроника, альтернативные источники энергии, возобновляемая энергетика, устойчивое развитие

Rozyyev Gurbanmuhammet H.

Teacher,
The State Energy Institute of Turkmenistan

Durdyyev Pir

Student,
The State Energy Institute of Turkmenistan

Kasymova Sulgun

Student,
The State Energy Institute of Turkmenistan

Alyyeva Ogulshat

Student,
The State Energy Institute of Turkmenistan
Mary, Turkmenistan

ENERGY-EFFICIENT ELECTRONICS AND ALTERNATIVE ENERGY SOURCES

Abstract

The increasing demand for electricity and concerns about climate change are driving the development of energy-efficient electronics and the integration of alternative energy sources. The article examines current advancements in energy conservation in electronic devices and analyzes the prospects for using renewable energy sources to power electronic devices.

Keywords:

energy efficiency, electronics, alternative energy sources, renewable energy, sustainable development.

Введение

Мировое потребление электроэнергии продолжает расти, что сопровождается увеличением выбросов парниковых газов и истощением ископаемых ресурсов. В этой связи перед научным сообществом и промышленностью стоит задача разработки технологий, способствующих повышению энергоэффективности. Электроника, как одна из наиболее динамично развивающихся отраслей, играет ключевую роль в этом процессе. Важным направлением является также интеграция альтернативных источников энергии — солнечной, ветровой, термоэлектрической и других — в электронные системы.

Энергоэффективная электроника

Энергоэффективная электроника направлена на минимизацию энергопотребления без ущерба для производительности устройств. К основным стратегиям повышения энергоэффективности относятся:

Миниатюризация компонентов. Использование технологий нанолитографии позволяет уменьшать размеры транзисторов, снижая энергопотребление на логическую операцию.

Энергосберегающие архитектуры. Применение многоядерных процессоров с возможностью динамического управления тактовой частотой (DVFS) и технологии выключения неактивных блоков (Power Gating).

Оптимизация программного обеспечения. Энергоэффективное программирование позволяет минимизировать время выполнения задач и тем самым сократить энергозатраты.

Использование новых материалов. Разработка полупроводников на основе арсенида галлия (GaAs), нитрида галлия (GaN) и других материалов, обладающих высокой подвижностью носителей заряда и меньшими потерями энергии.

Примеры практического применения включают энергоэффективные микроконтроллеры для интернета вещей (IoT), смартфоны с интеллектуальным управлением энергией и процессоры для центров обработки данных с оптимизированным тепловым режимом.

Альтернативные источники энергии для электроники

Альтернативные источники энергии становятся важной частью систем автономного питания:

Солнечная энергетика. Фотовольтаические элементы используются для зарядки портативных устройств, обеспечения работы датчиков и маломощных систем.

Энергия ветра. Миниатюрные ветрогенераторы могут применяться в изолированных электронных системах.

Термоэлектрические генераторы. Используют разницу температур для получения электричества, что особенно актуально для носимой электроники и промышленных датчиков.

Заключение

Энергоэффективная электроника и альтернативные источники энергии являются ключевыми элементами устойчивого технологического развития. Их совместное использование открывает новые горизонты для создания автономных, экологичных и высокоэффективных электронных систем. Интенсивные научные исследования и междисциплинарное сотрудничество необходимы для преодоления существующих барьеров и построения энергетически эффективного будущего.

Список использованной литературы:

1. M. Pedram, J. Rabaey. Power Aware Design Methodologies. Springer, 2002.
2. B. Parhami. Computer Architecture: From Microprocessors to Supercomputers. Oxford University Press, 2019.
3. S. Roundy, P. K. Wright, J. Rabaey. Energy Scavenging for Wireless Sensor Networks. Springer, 2004.

© Розыев Г.Х., Дурдыев П., Касымова С., Алыева О., 2025

УДК 621.382

Хуммаева Огулкейик Ходжабердиевна

Преподаватель,

Государственный энергетический институт Туркменистана

Эсенова Огулсенем Гуванджовна

Студент,

Государственный энергетический институт Туркменистана

Джумабердиева Айнур Мердановна

Студент,

Государственный энергетический институт Туркменистана

Научный руководитель: Чарыев Оразлы Ходжабердиевич

Государственный энергетический институт Туркменистана

г. Мары, Туркменистан

ПЕРЕДОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА ПОЛУПРОВОДНИКОВ

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые передовые технологии производства полупроводников:

литография с экстремальным ультрафиолетом (EUV), архитектуры транзисторов следующего поколения (FinFET → GAAFET), материалы и методы осаждения тонких пленок, продвинутая упаковка (2.5D/3D-интеграция) и применение искусственного интеллекта для оптимизации технологических процессов. Обсуждаются текущие достижения, основные вызовы и перспективы дальнейшего развития этих направлений.

Ключевые слова

полупроводники, EUV, GAAFET, ALD, 3D-интеграция, искусственный интеллект, литография.

Hummayeva Ogulkeyik H.

Teacher,
The State Energy Institute of Turkmenistan

Esenova Ogulsenem G.

Student,
The State Energy Institute of Turkmenistan

Jumaberdiyeva Aynur M.

Student,
The State Energy Institute of Turkmenistan

Supervisor: Charyyev Orazly H.

The State Energy Institute of Turkmenistan
Mary, Turkmenistan

ADVANCED SEMICONDUCTOR MANUFACTURING TECHNOLOGIES

Abstract

The article discusses key advanced semiconductor manufacturing technologies: extreme ultraviolet lithography (EUV), next-generation transistor architectures (FinFET → GAAFET), thin film deposition materials and methods, advanced packaging (2.5D/3D integration), and the application of artificial intelligence for optimizing technological processes. Current achievements, major challenges, and prospects for further development in these areas are discussed.

Keywords

semiconductors, EUV, GAAFET, ALD, 3D integration, artificial intelligence, lithography.

Введение

Современная полупроводниковая отрасль продолжает следовать закону Мура, требующему ежегодного удвоения числа транзисторов на кристалле, что влечёт за собой существенные технологические вызовы при масштабировании до суб-7 нм и ниже. Высокая сложность современных узлов и растущие потребности в вычислительных мощностях при поддержке ИИ, 5G и высокопроизводительных вычислений стимулируют разработку новых методов литографии, материалов, архитектур и управления процессами.

Литография

EUV

Литография с экстремальным ультрафиолетовым излучением (EUV, $\lambda = 13,5$ нм) стала ведущей технологией для узлов 7 нм и младше, позволяя создавать узоры с разрешением до нескольких нанометров при использовании многопаттернинга и улучшенных фотоматериалов.

High-NA EUV

Появление систем High-NA EUV с увеличенной числовой апертурой открывает путь к узлам порядка 2 нм и даже меньше, однако сталкивается с рядом технических и экономических препятствий: высокая стоимость литографов (~\$380–400 млн), сложности с полями экспозиции и требованиями к фоторезистам.

Архитектуры транзисторов

Переход от FinFET к GAAFET

Технология FinFET достигла предела при масштабировании под 5 нм, что привело к внедрению транзисторов Gate-All-Around (GAAFET), обеспечивающих лучшую электростатическую управляемость каналом и сниженные утечки.

Коммерческий выпуск и перспективы

Samsung и Intel активно внедряют собственные варианты GAAFET (MBCFET), а TSMC планирует массовое производство узла N3/N2 с такими архитектурами уже в 2025 г.

Материалы и осаждение

Фоторезистивные материалы

Разработка новых фотоматериалов для EUV-литографии сосредоточена на снижении стохастических дефектов и повышении чувствительности. Предлагаются металлосодержащие и неконгруэнтные не-химически амплифицированные резисты, обеспечивающие высокую разрешающую способность и устойчивость к коллапсу структур.

Atomic Layer Deposition (ALD)

ALD позволяет осаждать ультратонкие пленки с атомарной точностью, обеспечивая превосходную выравненность и однородность металлов и диэлектриков при температурах 200–300 °С. Это критично для формирования высококачественных барьеров и затворных структур в современных узлах.

Передовая упаковка и 3D-интеграция

Технологии 2.5D и 3D-упаковки (использование промежуточных подложек, силиконовых мостов, вертикальной стекирования) позволяют достичь высокой плотности I/O, увеличить пропускную способность и снизить энергопотребление системы. Открытые стандарты, такие как UCIe 2.0, упрощают межчиплетное взаимодействие и повышают гибкость дизайна.

Заключение

Передовые технологии производства полупроводников — сочетание литографии EUV/High-NA, GAAFET-архитектур, ALD-методов, 3D-интеграции и ИИ-управления процессом — формируют основу дальнейшего развития микроэлектроники для удовлетворения растущих потребностей в области ИИ, 5G и высокопроизводительных вычислений.

Список использованной литературы:

1. «Extreme Ultraviolet (EUV) Lithography Market to Hit USD 35.70 Billion by 2032...», SNS Insider, 21.03.2025.
2. Laura Peters, «Key Technologies To Extend EUV To 14 Angstroms», Semiconductor Engineering, 29.07.2024.
3. Bao Tran, «Semiconductor Fabrication: Top 10 Most Advanced Fabs...», PatentPC, 14.04.2025.
5. «Samsung Foundry Unveils Updated Roadmap: BSPDN and 2 nm...», AnandTech, 06.2024.
6. Riikka L. Puurunen et al., «Surface chemistry of atomic layer deposition...», Journal of Applied Physics, 2005.

© Хуммаева О.Х., Эсенова О.Г., Джумабердиева А.М., 2025

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Handurdyev Orazgeldi, student,
The Turkmen State Institute of Finance

Hojageldiyev Sapa, student,
The Turkmen State Institute of Finance

Hojalyyev Dovran, student,
The Turkmen State Institute of Finance

Hojammedov Charymuhammet, lecturer,
The Turkmen State Institute of Finance

ANALYSIS OF MARKET STRUCTURES: REVISITING RESEARCH ON MONOPOLISTIC COMPETITION

Abstract

This paper revisits the theoretical and empirical research on monopolistic competition, a market structure characterized by product differentiation, numerous firms, and free entry and exit. By synthesizing foundational theories and contemporary studies, the analysis explores the equilibrium dynamics, efficiency implications, and comparative outcomes relative to monopoly markets. Key findings highlight the role of non-price competition, short-run profit maximization, and long-run equilibrium adjustments. The review underscores the persistent relevance of monopolistic competition in explaining real-world market behaviors, while critiquing its allocative inefficiencies.

Introduction

Monopolistic competition, first formalized by Chamberlin (1933) and Robinson (1933), occupies a unique position between monopoly and perfect competition. This market structure is defined by differentiated products, low entry barriers, and firms' limited pricing power. Despite its prevalence in industries such as retail, food services, and consumer goods, debates persist about its efficiency and welfare implications. This paper systematically reviews recent advancements in monopolistic competition theory, focusing on equilibrium models, comparative market outcomes, and policy relevance.

Literature Review

Chamberlin's (1933) seminal work introduced product differentiation as the cornerstone of monopolistic competition, arguing that firms leverage branding, quality, and advertising to capture market share. Robinson (1933) concurrently emphasized imperfect competition, linking demand elasticity to firms' pricing strategies. Subsequent studies, such as Parenti et al. (2018), expanded these models to incorporate heterogeneous firm productivity, demonstrating how differentiation sustains market diversity even under free entry.

Recent research integrates dynamic adjustments in monopolistic competition. Dhingra and Morrow (2019) model long-run equilibria where firms optimize product variety under cost heterogeneity, revealing trade-offs between consumer surplus and production efficiency. Luo (2019) identifies asymmetric demand shifts in digital markets, where online platforms amplify product differentiation through algorithmic recommendations. Bilbiie et al. (2019) reconcile monopolistic competition with macroeconomic growth, showing how innovation-driven differentiation enhances aggregate productivity.

Characteristics of Monopolistic Competition

Firms distinguish products through functional features (e.g., smartphone specifications), quality tiers (e.g., organic vs. conventional foods), and branding (e.g., Nike vs. Adidas). Differentiation creates downward-sloping demand curves, granting firms marginal pricing power while maintaining substitutability.

The absence of significant entry barriers allows new firms to enter when incumbents earn super-

normal profits. Over time, market saturation erodes individual demand curves, driving economic profits to zero in the long run.

Advertising and promotional activities dominate competition, as firms seek to amplify perceived differentiation. For instance, Coca-Cola and Pepsi invest heavily in marketing to cultivate brand loyalty, despite near-identical product functions.

Equilibrium Analysis

Firms optimize output where marginal revenue (MR) equals marginal cost (MC), setting prices above MC due to differentiated demand. Short-run profits attract entrants, shifting incumbent demand curves leftward.

While product diversity enhances consumer choice, monopolistic competition is criticized for deadweight loss (price > MC) and redundant marketing expenditures. Luo (2019) estimates that 15–20% of retail prices in differentiated markets cover promotional costs rather than production value.

Conclusion

Monopolistic competition remains a vital framework for analyzing industries where differentiation and competition coexist. While its inefficiencies are well-documented, the structure's capacity to drive innovation and consumer choice underscores its economic significance. Future research should explore digital platforms' role in reshaping product differentiation and equilibrium dynamics.

References

1. Chamberlin, E. H. (1933). *The theory of monopolistic competition*. Harvard University Press.
2. Dhingra, S., & Morrow, J. (2019). Monopolistic competition and optimum product diversity under firm heterogeneity. *Journal of Political Economy*, 127(1), 196–232.
3. Luo, Y. (2019). Product differentiation and market performance in monopolistic competition. *Economic Modelling*, 78, 1–12.
4. Parenti, M., Ushchev, P., & Thisse, J. F. (2018). Toward a theory of monopolistic competition. *Journal of Economic Theory*, 167, 86–115.

© Handurdyev O., Hojageldiyev S., Hojalyev D., Hojammedov Ch., 2025

Matkerimova Aynur

Student, The Turkmen State Institute of Finance

Nyazmammedova Toty,

Student, The Turkmen State Institute of Finance

Mammetgulyyeva Leyli

Student, The Turkmen State Institute of Finance

Rozyyeva Enesh

Lecturer, The Turkmen State Institute of Finance

BEHAVIORAL ECONOMICS AND CONSUMER DECISION-MAKING: A REVIEW OF EXPERIMENTAL STUDIES

Abstract

Behavioral economics challenges traditional economic assumptions of rational decision-making by incorporating cognitive, emotional, and social factors into the study of consumer behavior. This review synthesizes findings from experimental studies to explore how heuristics, biases, and contextual factors

systematically influence choices. Key themes include the role of prospect theory in explaining loss aversion, the impact of nudges and framing effects, and the interplay of time preferences and social norms. The paper highlights methodological advancements in experimental design and discusses implications for policymakers and marketers seeking to align strategies with empirically observed behaviors.

Introduction

Traditional economic models assume consumers are rational actors who maximize utility through objective cost-benefit analyses. However, behavioral economics, grounded in psychological insights, demonstrates that decision-making is often irrational and context-dependent. Experimental studies have revealed systematic deviations from rationality, driven by cognitive biases, emotional states, and social influences. This review examines how experimental methodologies have advanced our understanding of these phenomena, focusing on four areas: (1) theoretical frameworks, (2) cognitive and emotional drivers, (3) social and contextual factors, and (4) implications for policy and practice.

Theoretical Frameworks in Behavioral Economics

Kahneman and Tversky's prospect theory posits that individuals evaluate outcomes relative to a reference point, with losses perceived as more impactful than equivalent gains. Experimental studies show consumers are willing to pay a premium to avoid losses (e.g., insurance purchases) and disproportionately favor default options.

Dual process theory distinguishes between intuitive (System 1) and deliberative (System 2) decision-making. Heuristics, such as availability and representativeness, dominate System 1, leading to biases like overestimating the likelihood of salient events (e.g., plane crashes). Experimental designs using time constraints have shown that consumers under pressure rely more on heuristics, often resulting in suboptimal choices.

Thaler and Sunstein's nudge theory emphasizes how subtle changes in choice architecture can guide behavior without restricting freedom. For example, placing healthier foods at eye level increases their selection, illustrating the "salience" effect.

Cognitive Biases and Heuristics in Consumer Behavior

Consumers often anchor on initial information, such as listed prices, and adjust insufficiently.

Individuals disproportionately prefer current states over alternatives. Experimental auctions reveal that participants demand higher prices to relinquish owned items (endowment effect), challenging neoclassical indifference curves.

Consumers prioritize immediate rewards over larger future gains, a tendency modeled by hyperbolic discounting equations. Experiments involving intertemporal choices (e.g., \$50 today vs. \$100 in a year) highlight this myopic behavior, which has implications for savings and addiction studies.

Emotional and Social Influences

Positive emotions increase risk-taking, while negative emotions enhance caution. Experimental gambling tasks show that induced moods alter investment choices, independent of cognitive assessments.

Consumers often mimic peers to reduce uncertainty. Saito (2021) observed that sequential purchases in supermarkets amplified herd effects, particularly for promotional items.

Conclusion

Behavioral economics redefines consumer decision-making as a contextually bound process shaped by cognitive limitations and social dynamics. Experimental studies have not only debunked the myth of perfect rationality but also provided actionable tools for improving welfare and commercial outcomes. Future

research should expand methodological diversity and explore ethical boundaries of behavioral interventions.

References

1. Dhar, R., & Simonson, I. (1999). Making complementary choices in consumption episodes: Highlighting versus balancing. *Journal of Marketing Research*, 36(1), 29–44.
2. Foxall, G. R. (1990). *Consumer psychology in behavioural perspective*. Routledge.
3. Reisch, L. A., & Zhao, M. (2017). Behavioural economics, consumer behaviour, and consumer policy: State of the art. *Behavioural Public Policy*, 1(2), 190–206.
4. Saito, Y. (2021). *Understanding consumer behavior based on behavioral economics findings: Empirical analysis using new purchase behavior data*. Keio University.

© Matkerimova A., Nyuzammamedova T., Mammetgulyyeva L., Rozyyeva E., 2025

УДК 33

Батыров Новруз

Студент факультета маркетинг

Туркменский государственный институт экономики и управления

г. Ашхабад, Туркменистан

АНАЛИЗ НАПРАВЛЕНИЙ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА УГЛЕРОДНОГО ВОЛОКНА В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Аннотация

В данной статье представлен краткий обзор о об анализах направлений и эффективности организации производства углеродного волокна в Туркменистане, а также введен обзор об основных терминах, касающихся главной теме статьи.

Ключевые слова:

углеродное волокно, материал, углепластика, недостаток, прочность,
карбон, производство, завод, техника.

Batyrov Novruz

Student of the Faculty of Marketing

Turkmen State Institute of Economics and Management

Ashgabat, Turkmenistan

ANALYZING DIRECTIONS AND EFFECTIVENESS OF CARBON FIBER PRODUCTION ORGANIZATION IN TURKMENISTAN

Abstract

This article provides a brief overview of the analysis of the directions and efficiency of organizing carbon fiber production in Turkmenistan, and also introduces an overview of the main terms related to the main topic of the article.

Keywords:

carbon fiber, material, carbon fiber plastic, disadvantage, strength, carbon, production, plant, technology.

Углеродное волокно и полимеры, армированные углеродным волокном (CFRP), являются стратегическими материалами в глобальном переходе к низкоуглеродной энергетике. Благодаря превосходным характеристикам (например, высокая прочность, низкая плотность и простота интеграции для консолидации деталей) углеродное волокно играет важную роль в различных отраслях промышленности, таких как аэрокосмическая, автомобильная, аккумуляторная и ветроэнергетическая. В частности, сообщалось, что углеродное волокно, используемое в лопастях ветряных турбин (ВТ), повышает эффективность генерации электроэнергии, увеличивает выход энергии и снижает общий вес ВТ. По сравнению с армированным стекловолокном полимером, внедрение композита CFRP в лопасти ветроэнергетических установок длиной 60 м, как прогнозируется, снизит вес лопасти и общую стоимость на 38% и 14% соответственно. Таким образом, применение углеродного волокна в ветроэнергетической промышленности может способствовать экономии материалов и увеличению срока службы, что в конечном итоге снижает выбросы парниковых газов. Однако, с другой стороны, производство углеродного волокна по-прежнему требует длительного времени цикла и не может избавиться от энергоемких термических процессов. Потребление энергии и выбросы ПГ при производстве углеродного волокна составляют от 100 до 900 МДж/кг и 24 кг CO₂ экв./кг произведенных волокон соответственно, что значительно выше, чем при производстве стали (20–30 МДж/кг и 1,7–2,1 кг CO₂ экв./кг) и производстве стекловолокна. Поэтому в ответ на растущий спрос на продукцию из углеродного волокна будет постоянно возникать противоречие между достоинствами применения и воздействием производства на окружающую среду. Чтобы предотвратить проблемы перехода путем вытеснения выбросов ПГ с фазы использования на более высокие этапы, крайне важно признать воздействие на окружающую среду, спрос на энергию и основные горячие точки в производстве углеродного волокна.

Углеродное волокно – основа для наиболее современной и перспективной группы композитных материалов – углепластиков. Другое общепринятое название этого семейства материалов – карбон. Это композитный материал, в котором в качестве армирующей основы используется углеродное волокно, а наполнителем выступает эпоксидная или полиэфирная смола.

Главным преимуществом углепластиков является уникальное сочетание их механических свойств: высокая прочность, жесткость, легкость и жаропрочность.

Недостатки – высокая зависимость свойств от направления приложения внешнего воздействия, чувствительность материала к точечным ударам, а также высокая цена.

Карбон – материал, который широко используется в различных инновационных продуктах (корпуса электромобилей, аэрокосмическая техника, легкие и современные спортивные яхты, велосипедные рамы и многое другое). Использование карбона дало мощный импульс развитию новой отрасли – ветровой электроэнергетики. Лопасти генераторов изготавливаются из углепластика.

Ожидается, что потребление карбонового волокна в мире в ближайшем десятилетии будет активно расти: с \$3,5 млрд. в 2018 году до \$8 млрд. в 2026.

Ключевыми драйверами роста станут цифровые, высокотехнологичные отрасли. Отдельно необходимо выделить бионику (биомеханику) – производство протезов нового поколения, управляемых «силой мысли», за счет считывания и обработки нервных импульсов. Преимуществом карбона здесь является не только его легкость, но и очень высокая био совместимость.

Производство углеродного волокна – это сложный и высокотехнологичный процесс. Как следствие, основные экспортные объемы этого материала, а также других близких по технологии изделий из графита, поставляются компаниями промышленно развитых стран – США, Германии, Японии.

Важные примеры здесь – Вьетнам и Румыния, сумевшие за последние 10 лет создать

существенный потенциал поставок углеродного волокна на экспорт.

Развитие этой отрасли может не только укрепить высокотехнологичный экспорт, но и простимулировать развитие внутри страны производств современной, высокотехнологичной и конкурентоспособной продукции, использующей в конструкции карбоновые пластики.

Хотя во многих приложениях CFRP часто имеют экологические преимущества по сравнению с другими материалами, есть основания искать возможности для дальнейшего улучшения. Основные текущие направления развития технологий включают усилия по переходу на биоматериалы или переработанные материалы в соответствии с идеями биоэкономики или экономики замкнутого цикла. Оба эти варианта возможны для углеродных волокон в композитах. В частности, некоторые текущие усилия по развитию технологий рассматривают лигнин или комбинацию лигнина и биополимеров в качестве сырья для производства углеродного волокна (например, проекты GreenLight (2016) и LIBRE (2016)). Текущие усилия также рассматривают переработку либо материала CFRP, либо углеродных волокон, отделенных от матричного материала. Однако, несмотря на то, что на сегодняшний день опубликовано значительное количество оценок жизненного цикла углепластиков, только в одном исследовании сравниваются волокна на основе лигнина и ПАН в композитах, и лишь в нескольких сравнивается использование первичных и вторичных углеродных волокон в композитах.

Список использованной литературы:

1. Газета «Туркменистан», 27 августа 2023 г.
2. Программа развития нефтегазовой отрасли Туркменистана на 2030 год, Ашхабад, 2006.

© Батыров Н., 2025

УДК 33

Батыров Новруз

Студент факультета маркетинг
Туркменский государственный институт экономики и управления
г. Ашхабад, Туркменистан

**СБОР ДАННЫХ О ТЕНДЕНЦИЯХ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА
УГЛЕРОДНОГО ВОЛОКНА В ТУРКМЕНИСТАНЕ**

Аннотация

В статье рассматриваются направления и эффективность создания производства углеродного волокна в Туркменистане. В нем также описывается соответствующая информация и приложения по данной теме.

Ключевые слова:

углеродное волокно, материал, углепластика, недостаток, прочность,
карбон, производство, завод, техника.

Batyrov Novruz

Student of the Faculty of Marketing
Turkmen State Institute of Economics and Management
Ashgabat, Turkmenistan

**DATA COLLECTION ON THE TRENDS AND EFFECTIVENESS OF CARBON
FIBER PRODUCTION IN TURKMENISTAN**

Abstract

This article describes the directions and effectiveness of establishing carbon fiber production in Turkmenistan. It also provides relevant information and applications on the topic.

Keywords:

carbon fiber, material, carbon fiber plastic, disadvantage, strength, carbon, production, plant, technology.

Увеличение использования композитов в промышленности в сочетании с ограничениями Европейского союза по утилизации отходов привело к острой необходимости разработки ресурсоэффективных технологий переработки. Целью данной работы было моделирование потребности в электроэнергии при фрезеровании как варианта переработки композита из углеродного волокна. Разделив вклады в общую энергию, требуемую станком, энергию резки материала и скорость удаления материала, можно теоретически рассчитать потребность в энергии при переработке композита из углеродного волокна для любого процесса фрезерования. Модель была подтверждена экспериментально путем сравнения теоретической потребности в энергии с измеренной потребностью в энергии фрезерного станка промышленного масштаба. Было обнаружено, что при скорости обработки (переработки) 10 кг/ч удельная энергия была значительно меньше, чем воплощенная энергия чистого углеродного волокна (2,03 МДж/кг по сравнению с приблизительно 200 МДж/кг). Хотя форма переработанных волокон (короткие, отдельные нити и пучки) значительно отличалась от их первичных эквивалентов (непрерывные жгуты), разница в энергии подчеркивает потенциальную экологическую выгоду от использования переработанных волокон вместо первичных в композитах с короткими волокнами, где механические характеристики менее критичны. Также была рассчитана связь между удельной энергией переработки и скоростью обработки, что показало, что дополнительная экономия энергии может быть достигнута при более высоких скоростях обработки. Эта работа принципиально важна для предоставления новых наборов данных для оценки жизненного цикла с целью оценки потенциальных экологических выгод от использования переработанных волокон.

Экологические оценки технологий на ранних стадиях разработки затруднены из-за низкой доступности соответствующей информации. Это вызывает особую озабоченность, поскольку на этих стадиях делается много важных выборов, которые могут существенно повлиять на экологические показатели этих технологий, выборов, которые могут быть даже необратимыми из-за результирующей блокировки различными типами инвестиций или структур, которые внедряются. Иногда это описывается как дилемма Коллингриджа. Коллингридж описал «уловку-22» между информацией и контролем; последствия трудно предсказать, когда технология еще не полностью разработана и используется, в то время как изменения становятся более сложными, когда технология становится более укоренившейся (Collingridge, 1980). В оценке жизненного цикла окружающей среды (ОЖЦ) новых технологий эта дилемма становится очевидной, особенно когда цель состоит в том, чтобы направлять разработку технологий. Проблемы проведения таких перспективных ОЖЦ в целом были описаны Арвидссоном и др. (2018). В настоящей статье даются рекомендации о том, как частично преодолеть нехватку информации на ранних этапах путем добычи и уточнения информации из более ранних LCA из схожих контекстов. Стандартные форматы обзоров более ранних LCA являются качественными и/или полуколичественными. Однако также предпринимаются усилия в области метаанализа и систематических количественных обзоров, и Журнал промышленной экологии

посвятил этой теме специальный выпуск в 2012 году (Lifset, 2012). С тех пор количество опубликованных метаанализов LCA значительно возросло. Нормализация данных из разных исследований к одной и той же функциональной единице является одним из возможных подходов в метаанализе для выявления горячих точек и сравнения систем продуктов. Примером является исследование Арчера и др. (2018), где данные инвентаризации из исследований жизненного цикла биодизеля на основе пальмового масла были нормализованы до 1000 кг. Другой пример — Лоренц и др. (2019), которые пересчитали функциональную единицу различных исследований производства молока на кг «молока с поправкой на жир и белок», чтобы иметь возможность сравнивать разные системы. Хотя настоящее исследование также нормализует данные исследований жизненного цикла к той же функциональной единице, оно отличается от традиционных метаанализов, поскольку различные системы также собираются для формирования понимания систем, которые еще не существуют в больших масштабах. Метод применяется к случаям лигниновых и переработанных углеродных волокон в композитах, тем самым сравнивая систему «от колыбели до ворот» традиционного производства с системами для переработки продукции и производства альтернативного сырья. Таким образом, настоящая статья дает конкретные рекомендации как разработчикам технологий, так и практикам LCA в этих контекстах. Статья вносит важный вклад как в (1) скрининговый метод LCA для новых технологий, так и в (2) экологические рекомендации по разработке технологий в области лигниновых или переработанных углеродных волокон в композитах.

Полимеры, армированные углеродным волокном (CFRP), являются материалами, приобретающими все большую значимость из-за их легкого веса в сочетании со структурной прочностью, основным поставщиком которой являются углеродные волокна. Например, CFRP, как оказалось, обладают большей прочностью на изгиб и усталостными свойствами, чем соответствующая стальная конструкция, при этом имея только одну треть жесткости и 20% плотности. Углеродные волокна производятся путем прядения полимера в волокна-предшественники, которые затем карбонизируются в энергоемком процессе. За этим следует поверхностная обработка волокон для получения желаемых физических свойств. При производстве CFRP полимерный матричный материал и некоторые добавки добавляются к углеродным волокнам, которые были расположены желаемым образом, например, сотканы в ткань. Затем CFRP формируется в желаемую форму, например, путем формования листов. Наконец, деталь CFRP вводится в предполагаемое применение, в котором она обычно обеспечивает либо функцию облегчения, либо функцию армирования. Когда углепластики используются для облегчения веса, целью обычно является снижение потребления энергии, а также связанного с этим воздействия на окружающую среду на этапе использования. Когда углепластики используются для армирования, это обычно не влияет на воздействие на окружающую среду на этапе использования таким же образом, поскольку может не потребоваться техническое обслуживание или затраты энергии на эксплуатацию. Экологический выигрыш в течение жизненного цикла тогда достигается за счет длительного использования или улучшенной функциональности. Заключительная фаза жизненного цикла углепластика — это окончание срока службы. Если окончание срока службы подразумевает переработку углепластика, это может потенциально снизить общее воздействие на окружающую среду за счет сокращения использования первичных материалов в углепластике или в других продуктах.

Отправной точкой этого исследования была идея о том, что информацию из более ранних исследований LCA можно добывать и уточнять не только для формирования понимания общих экологических возможностей и проблем в этой области, но и для получения информации для новых контекстов, которые представляют собой новые технологические пути. Это можно определить как форму оценки мета-жизненного цикла (мета-LCA) для целей скрининга. В этой статье сообщается об

использовании такого метода для лигниновых и переработанных углеродных волокон в композитах, чтобы пролить свет на экологические проблемы и возможности на ранних стадиях разработки технологий.

Список использованной литературы:

1. Программа развития нефтегазовой отрасли Туркменистана на 2030 год, Ашхабад, 2006.
2. Журнал Туркменистана «Наука и технологии» №5, (235), Ашхабад 2023 г.
3. Закон Туркменистана «О предпринимательстве» // Данные Меджлиса Туркменистана, 2000 г.

© Батыров Н., 2025

Код УДК 33

Высоцкая Арина Игоревна, студент
Очеретяная Дарья Владимировна, к.э.н.
Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

**СПЕЦИФИКА РАЗРАБОТКИ ФИРМЕННОГО СТИЛЯ ДЛЯ КОМПАНИЙ НА РЫНКЕ
ГРУЗОПЕРЕВОЗОК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация

Фирменный стиль в сфере грузоперевозок в России играет важную роль в формировании узнаваемости бренда, доверия клиентов и конкурентных преимуществ компании. В тексте рассматриваются особенности разработки визуальной и коммуникационной идентичности для логистических компаний с учётом специфики отрасли: требования к надёжности, технологичности, универсальности и адаптивности. Освещаются ключевые элементы стиля — логотип, цветовая палитра, типографика, брендинг транспорта, цифровая среда и документация, а также поднимаются вопросы эмоционального восприятия и устойчивого позиционирования.

Ключевые слова:

фирменный стиль, грузоперевозки, логистика, брендинг, логотип,
визуальная идентичность, транспорт, дизайн.

Vysotskaya Arina Igorevna, student
Ocheretyanaya Darya Vladimirovna, PhD in Economics
Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia
e-mail: arinajey@gmail.com

**SPECIFICITY OF DEVELOPING A CORPORATE IDENTITY FOR COMPANIES
IN THE CARGO TRANSPORTATION MARKET IN MODERN RUSSIA**

Abstract

Corporate identity in the freight transportation industry in Russia plays an important role in shaping brand recognition, customer trust and competitive advantages of the company. The text examines the specifics of developing a visual and communication identity for logistics companies, taking into account the specifics of the industry: requirements for reliability, technology, versatility and adaptability. Key elements

of style are highlighted - logo, color palette, typography, transport branding, digital environment and documentation, and issues of emotional perception and sustainable positioning are raised.

Keywords:

corporate identity, freight transportation, logistics, branding, logo, visual identity, transport, design.

Фирменный стиль (или корпоративный стиль) — это совокупность визуальных и графических элементов, а также принципов, которые помогают идентифицировать и отличать организацию или бренд от других. Он формирует первый и зачастую самый важный впечатление о компании, определяя восприятие ее имиджа, ценностей и философии.

Разработка фирменного стиля для компаний на рынке грузоперевозок в России требует особого подхода, учитывающего как специфику отрасли, так и потребности целевой аудитории. Прежде всего, важно понимать, что рынок логистики и грузоперевозок ассоциируется с надёжностью, точностью, скоростью и безопасностью. Следовательно, фирменный стиль должен транслировать эти качества во всех элементах визуальной и вербальной коммуникации.

Цветовая палитра играет ключевую роль: часто используются оттенки синего, серого, чёрного и красного, символизирующие доверие, технологичность, силу и энергичность. Однако важно не копировать устоявшиеся решения, а найти индивидуальное цветовое сочетание, которое будет выделять компанию на фоне конкурентов. Логотип должен быть лаконичным, легко масштабируемым и узнаваемым, поскольку он будет размещаться как на визитках, так и на габаритных транспортных средствах. Простые геометрические формы, символизирующие движение, направления, груз или транспортные средства, часто становятся основой визуального решения.

Типографика также должна быть строгой, читаемой и современной — особенно важно, чтобы фирменный шрифт хорошо воспринимался как в цифровом, так и в печатном формате, включая нанесение на автомобили и униформу. Отдельное внимание уделяется разработке графических элементов: иконок, паттернов, схем маршрутов и визуализаций, которые могут быть использованы в маркетинговых материалах, презентациях и на веб-сайте.

Кроме визуальной составляющей, фирменный стиль включает тон коммуникации — он должен быть уверенным, информативным, иногда с элементами заботы, особенно если компания работает с международными перевозками или с ценными грузами. Все материалы — от сайта до упаковки документов — должны быть выдержаны в едином стиле, подчёркивающем профессионализм, чёткую организацию и технологическую оснащённость.

Особенность отрасли — это также работа с разными аудиториями: от B2B-клиентов до конечных потребителей. Поэтому фирменный стиль должен быть универсальным, но при этом адаптируемым под разные каналы коммуникации и форматы подачи. Важно предусмотреть версии логотипа и фирменных элементов для различных сред: транспорта, мобильных приложений, социальных сетей, а также унифицированные шаблоны для деловой документации.

Таким образом, создание фирменного стиля для логистической компании — это не просто подбор цветов и шрифтов, а стратегическая задача, направленная на формирование доверия, повышение узнаваемости бренда и визуальное выражение его ключевых ценностей.

Список использованной литературы:

1. Азарян, Е. М. Разработка и реализация BTL-акций: учебное пособие / Е. М. Азарян, А. А. Криковцев. — Донецк: ДонНУЭТ имени Туган-Барановского, 2021. — 131 С. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/202676> (дата обращения: 07.11.2024). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
2. Профессиональные коммуникации: от термина к дискурсу. Сборник научных трудов по

материалам конференции: Международная научно-практическая конференция «Профессиональные коммуникации: от термина к дискурсу» (2021-2022 гг.): сборник научных трудов / под редакцией О. А. Казачковой, М. А. Назаренко. - Москва: РТУ МИРЭА, 2023. - 831 с. - ISBN 978-5-7339-2019-1.— Текст: электронный // Лань : электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/398159> (дата обращения: 07.11.2024). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

3. Цивилизация знаний: российские реалии: материалы конференции. — Москва: РосНОУ, 2019. — 1385 с. — ISBN 978-5-89789-139-9. - Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — UR: <https://e.lanbook.com/book/162166> (дата обращения: 07.11.2024). — Режим доступа: для авториз. пользователей.

©Высоцкая А.И., Очеретяная Д.В., 2025

Ишангулыева Огулгерек

Преподаватель,
Туркменский сельскохозяйственный университет имени С.А. Ниязова
Ашхабад, Туркменистан

Баратов Умитджан

Студент,
Туркменский сельскохозяйственный университет имени С.А. Ниязова
Ашхабад, Туркменистан

Алтыбаева Байрамбиби

Студент,
Туркменский сельскохозяйственный университет имени С.А. Ниязова
Ашхабад, Туркменистан

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА

Аннотация

Статья посвящена анализу современных тенденций и проблем в сфере бухгалтерского учёта. В ней рассмотрены ключевые направления развития: цифровизация учётных процессов, внедрение международных стандартов (МСФО), усиление роли управленческого учёта, учёт аспектов устойчивого развития. Также проанализированы основные проблемы, включая недостатки нормативного регулирования, дефицит квалифицированных кадров, угрозы кибербезопасности и необходимость адаптации к новым форматам работы. Автор подчёркивает значимость трансформации бухгалтерского учёта в аналитический инструмент управления, соответствующий требованиям современной экономики.

Ключевые слова:

бухгалтерский учёт, цифровизация, МСФО, управленческий учёт, устойчивое развитие, нормативное регулирование, кибербезопасность, автоматизация

Ishangulyyeva Ogulgerek, lecturer,
S.A. Niyazova Turkmen agricultural university
Ashgabat, Turkmenistan

Baratov Umitjan, student,
S.A. Niyazova Turkmen agricultural university
Ashgabat, Turkmenistan

Altybayeva Bayrambibi, student,
S.A. Niyazova Turkmen agricultural university
Ashgabat, Turkmenistan

MODERN TRENDS AND PROBLEMS OF ACCOUNTING

Abstract

This article examines the current trends and challenges in the field of accounting. It covers key areas such as the digitalization of accounting processes, the adoption of International Financial Reporting Standards (IFRS), the growing importance of management accounting, and the integration of sustainability reporting. The article highlights major issues including regulatory inconsistencies, shortage of qualified professionals, cybersecurity threats, and the need to adapt to new work formats. The author emphasizes the transformation of accounting into a strategic analytical tool aligned with the demands of the modern economy.

Keywords:

accounting, digitalization, IFRS, management accounting, sustainability,
regulation, cybersecurity, automation

Бухгалтерский учёт — важнейшая составляющая системы управления любым хозяйствующим субъектом. В условиях цифровизации, глобализации и ужесточения нормативных требований роль бухгалтерского учёта возрастает, а его содержание претерпевает значительные изменения. Современные тенденции в этой области формируются под влиянием технологий, экономических реформ, международных стандартов, а также потребностей бизнеса и общества. Вместе с тем отрасль сталкивается с рядом серьёзных проблем, которые требуют комплексного анализа и поиска эффективных решений.

Цель статьи — проанализировать ключевые современные тенденции и проблемы бухгалтерского учёта, обозначить направления его дальнейшего развития.

1. Цифровизация бухгалтерского учёта. Одной из важнейших тенденций является широкомасштабная цифровизация учётных процессов. Всё больше предприятий переходят на электронный документооборот, используют облачные технологии и программные комплексы (1С:Бухгалтерия, SAP, Oracle и др.). Это позволяет:

- автоматизировать рутинные операции (учёт, расчёты, отчётность);
- минимизировать риск ошибок, связанных с человеческим фактором;
- ускорить обработку информации и принятие решений;
- обеспечить доступ к данным в режиме реального времени.

С помощью искусственного интеллекта и машинного обучения уже реализуются решения по автоматической классификации операций, составлению отчётности и аналитике. В ближайшей перспективе эти технологии могут радикально изменить роль бухгалтера — от исполнителя к аналитику и консультанту.

2. Внедрение международных стандартов (МСФО). Глобализация экономики требует

унификации учётных подходов. В связи с этим всё большее значение приобретает переход на Международные стандарты финансовой отчётности (МСФО). Многие российские организации (особенно публичные и с иностранным капиталом) уже обязаны формировать отчётность по МСФО наряду с национальными стандартами.

МСФО требуют более глубокого анализа операций, оценки активов и обязательств, учёта справедливой стоимости. Это способствует:

- большей прозрачности и сопоставимости отчётности;
- улучшению инвестиционного климата;
- усилению контроля за финансовым положением компаний.

Однако переход к МСФО требует серьёзной подготовки персонала, адаптации программного обеспечения и изменения корпоративной культуры.

3. Увеличение роли управленческого учёта. Современный бизнес нуждается не только в учёте фактов, но и в прогнозировании, анализе и моделировании. В этом контексте значительно возрастает роль управленческого учёта как инструмента внутреннего контроля и стратегического планирования.

Ключевые задачи:

- калькуляция себестоимости;
- анализ рентабельности продукции и подразделений;
- план-фактный анализ;
- бюджетирование и контроль отклонений.

Управленческий учёт не регулируется законодательством и формируется с учётом специфики организации. Это даёт свободу в разработке гибких систем учёта, адаптированных под цели конкретного бизнеса.

Список использованной литературы:

1. Савицкая Г.В. «Анализ хозяйственной деятельности предприятия». – Минск: ИП Экоперспектива, 2022.
2. Шеремет А.Д., Суйц В.П. «Теория экономического анализа». – М.: ИНФРА-М, 2021.
3. Ковалев В.В. «Финансовый учет: концепции, методы и процедуры». – М.: Проспект, 2021.

©Ишангулыева О., Баратов У., Алтыбаева Б., 2025

Мурриков Даянчмурат, преподаватель,
Туркменский сельскохозяйственный университет имени С.А. Ниязова
Ашхабад, Туркменистан
Ишанова Дженнет, преподаватель,
Туркменский сельскохозяйственный университет имени С.А. Ниязова
Ашхабад, Туркменистан
Аманова Гульджемал, студент,
Туркменский сельскохозяйственный университет имени С.А. Ниязова
Ашхабад, Туркменистан

ПОНЯТИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА

Аннотация

В статье раскрывается сущность бухгалтерского учёта как упорядоченной системы сбора,

регистрации и анализа информации о хозяйственной деятельности организации. Рассматриваются основные функции, принципы и виды бухгалтерского учёта, а также его значение в условиях современной экономики. Подчеркивается роль бухгалтерского учёта в управлении предприятием, принятии управленческих решений и соблюдении финансовой дисциплины. Особое внимание уделяется современным тенденциям и влиянию цифровых технологий на развитие учётной системы.

Ключевые слова:

бухгалтерский учёт, финансовая отчётность, учётные принципы, функции учёта, управление, цифровизация, МСФО.

Murrikov Dayanchmyrat

Lecturer,

S.A. Niyazova Turkmen agricultural university
Ashgabat, Turkmenistan

Ishanova Jennet

Lecturer,

S.A. Niyazova Turkmen agricultural university
Ashgabat, Turkmenistan

Amanova Guljema

Student,

S.A. Niyazova Turkmen agricultural university
Ashgabat, Turkmenistan

THE CONCEPT OF ACCOUNTING

Abstract

This article explores the concept of accounting as a structured system for collecting, recording, and analyzing information about an organization's economic activities. It examines the main functions, principles, and types of accounting, as well as its significance in the context of the modern economy. The article highlights the role of accounting in enterprise management, decision-making, and maintaining financial discipline. Particular attention is paid to current trends and the impact of digital technologies on the development of accounting systems.

Keywords:

accounting, financial reporting, accounting principles, accounting functions, management, digitalization, IFRS.

В условиях современной экономики бухгалтерский учёт представляет собой неотъемлемую часть управления предприятием. Его роль невозможно переоценить, поскольку именно бухгалтерский учёт обеспечивает сбор, регистрацию и анализ финансовой информации, необходимой для принятия эффективных управленческих решений. Учёт охватывает весь жизненный цикл предприятия — от момента создания до ликвидации, сопровождая каждую финансовую операцию. Правильная организация бухгалтерского учёта способствует устойчивому развитию бизнеса, оптимизации затрат, соблюдению налоговой дисциплины и обеспечению прозрачности перед государственными органами и инвесторами.

Цель данной статьи — раскрыть суть понятия бухгалтерского учёта, его основные функции, принципы и значение в экономике.

1. Сущность бухгалтерского учета. Бухгалтерский учет — это система наблюдения, измерения и регистрации фактов хозяйственной деятельности в денежном выражении с целью формирования полной и достоверной информации о финансовом состоянии и результатах деятельности организации. Он представляет собой основу для подготовки финансовой отчетности и является средством контроля и анализа деятельности предприятия.

Бухгалтерский учет выполняет следующие основные функции:

2.1. Информационная функция. Она заключается в сборе, обработке и предоставлении информации о деятельности предприятия. Информация используется для составления финансовой отчетности, анализа состояния активов, оценки доходности и эффективности управления ресурсами.

2.2. Контрольная функция. Бухгалтерский учет позволяет осуществлять контроль за сохранностью имущества, правильностью расходования материальных и денежных средств, своевременным выполнением обязательств перед контрагентами, бюджетом и другими заинтересованными сторонами.

2.3. Аналитическая функция. На основе данных бухгалтерского учета проводится финансовый анализ деятельности предприятия. Он включает расчет различных показателей, позволяющих судить о ликвидности, рентабельности, оборачиваемости активов и других характеристиках.

2.4. Правовая функция. Бухгалтерский учет обеспечивает документальное подтверждение хозяйственных операций, что имеет юридическую силу при возникновении споров, а также при проведении проверок со стороны контролирующих органов.

2.5. Налоговая функция. Данные бухгалтерского учета служат основой для расчета налогов и формирования налоговой отчетности. При этом важно соблюдение норм налогового и бухгалтерского законодательства.

3. Основные принципы бухгалтерского учета. Бухгалтерский учет строится на ряде принципов, которые обеспечивают его достоверность, объективность и сопоставимость. Основные из них:

3.1. Принцип двойной записи. Каждая операция отражается одновременно по дебету одного и кредиту другого счета на одинаковую сумму, что обеспечивает сохранение баланса.

3.2. Принцип непрерывности деятельности. Предприятие рассматривается как непрерывно действующее в обозримом будущем, если нет оснований считать иначе.

Бухгалтерский учет — это основа финансовой системы любой организации. Он обеспечивает сбор, регистрацию, анализ и обобщение информации, необходимой для эффективного управления и принятия решений. Надежность и точность бухгалтерского учета имеют решающее значение для стабильной работы предприятия, его развития и соответствия требованиям законодательства. В условиях цифровизации и глобализации бухгалтерский учет продолжает развиваться, внедряя современные технологии и адаптируясь к новым вызовам. Компетентность бухгалтеров, соблюдение принципов учета и использование передовых решений позволяют бизнесу быть прозрачным, эффективным и конкурентоспособным.

Список использованной литературы:

1. Савицкая Г.В. «Анализ хозяйственной деятельности предприятия». – Минск: ИП Экоперспектива, 2022.
2. Шеремет А.Д., Суйц В.П. «Теория экономического анализа». – М.: ИНФРА-М, 2021.
3. Ковалев В.В. «Финансовый учет: концепции, методы и процедуры». – М.: Проспект, 2021.

©Мурриков Д., Ишанова Дж., Аманова Г., 2025

УДК 338

Сердарова Нурана Сердаровна

Государственный энергетический институт Туркменистана

Оразова Мерджен Доврановна

Государственный энергетический институт Туркменистана

Байрамов Мухамметали Эзизович

Государственный энергетический институт Туркменистана

Научный руководитель: Хамраев Азат Мурадович

Государственный энергетический институт Туркменистана

г. Мары, Туркменистан

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ**Аннотация**

В современном цифровом обществе вопросы кибербезопасности приобретают особую важность. Угрозы информационной безопасности непосредственно влияют на финансовую устойчивость компаний и государств. В статье рассматриваются основные виды киберугроз, их влияние на экономику и подходы к минимизации рисков.

Ключевые слова

экономика, риск, атака, сеть, инженерия, фишинг.

Serdarova Nurana S.

The State Energy Institute of Turkmenistan

Orazova Merjen D.

The State Energy Institute of Turkmenistan

Bayramov Muhammetaly E.

The State Energy Institute of Turkmenistan

Supervisor: Hamrayev Azat M.

The State Energy Institute of Turkmenistan

Mary, Turkmenistan

CYBERSECURITY AND ECONOMIC RISKS**Abstract**

In modern digital society, cybersecurity issues are of particular importance. Information security threats directly affect the financial stability of companies and states. The article discusses the main types of cyber threats, their impact on the economy, and approaches to risk minimization.

Keywords

economy, risk, attack, network, engineering, phishing.

Введение

Развитие информационных технологий значительно ускорило процессы обмена данными и сделало бизнес-процессы более эффективными. Однако с ростом зависимости от цифровых технологий увеличилась и уязвимость организаций к киберугрозам. Экономические последствия кибератак могут быть катастрофическими: от прямых финансовых потерь до утраты репутации и

нарушения функционирования целых отраслей.

Основные киберугрозы и их экономическое воздействие

1. Атаки на корпоративные сети

Целенаправленные атаки на корпоративные информационные системы могут привести к утечке конфиденциальных данных, шпионажу, саботажу и даже полной остановке деятельности предприятия. Финансовые потери включают расходы на восстановление систем, штрафы регуляторов и компенсации пострадавшим.

2. Программное обеспечение-вымогатель (ransomware)

Ransomware-атаки блокируют доступ к данным до момента выплаты выкупа. Средний размер выкупа за последние годы вырос в разы, а расходы на восстановление после атаки могут превышать первоначальные убытки.

3. Фишинг и социальная инженерия

Манипулирование пользователями для получения доступа к системам или данным приводит к мошенничеству, краже интеллектуальной собственности и потере конкурентных преимуществ.

4. Нарушение цепочек поставок

Кибератаки на поставщиков критических компонентов могут вызвать массовые перебои в поставках, что напрямую влияет на производственные процессы и ведет к экономическим потерям.

Оценка экономических рисков от киберугроз

Экономические риски кибератак выражаются в:

Прямых финансовых убытках (украденные средства, оплата выкупа, судебные издержки);

Косвенных потерях (ущерб репутации, потеря клиентов, снижение стоимости акций);

Росте затрат на обеспечение безопасности;

Утраченном потенциале роста из-за временного прекращения деятельности.

Методы снижения киберэкономических рисков

Разработка стратегии кибербезопасности

Комплексная стратегия должна включать оценку уязвимостей, классификацию данных, определение критически важных систем и планирование мер реагирования на инциденты.

Инвестирование в технологии защиты

Шифрование данных, системы обнаружения вторжений, управление правами доступа и резервное копирование являются важными техническими мерами.

Обучение сотрудников

Наиболее частой причиной киберинцидентов остаются человеческие ошибки. Регулярное обучение сотрудников основам кибербезопасности существенно снижает вероятность успешной атаки.

Страхование киберрисков

Страховые продукты, покрывающие последствия кибератак, становятся важной частью стратегий управления рисками.

Заключение

Кибербезопасность является неотъемлемой частью экономической устойчивости любой современной организации. Игнорирование угроз может привести к серьезным финансовым потерям, тогда как грамотное управление киберрисками повышает конкурентоспособность и защищает бизнес от глобальных угроз цифровой эпохи.

Список использованной литературы:

1. Anderson, R. (2020). Security Engineering: A Guide to Building Dependable Distributed Systems. Wiley.
2. Symantec Corporation (2024). Internet Security Threat Report.

3. PwC (2024). Global Economic Crime and Fraud Survey.
4. World Economic Forum (2024). The Global Risks Report.

© Сердарова Н.С., Оразова М.Д., Байрамов М.Э., 2025

УДК 657

Турсунбоев Маъруф Мурод угли,

студент 2 курса,

Ташкентский педагогический и экономический институт,

г. Ташкент, Узбекистан

РАЗВИТИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА И ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация

В статье рассматривается установление особенностей применения современных приемов бухгалтерского учета в процессе использования финансовых ресурсов бюджетными учреждениями и раскрытие взаимосвязи между учетными принципами и методами учета.

Ключевые слова

учетная политика, финансовые ресурсы, бюджетные учреждения, хозяйственные операции, мемориально-ордерная форма.

Tursunboev Maruf Murod ugli,

2nd year student,

Tashkent Pedagogical and Economic Institute,

Tashkent, Uzbekistan

DEVELOPMENT OF ACCOUNTING AND INTERNAL CONTROL IN BUDGETARY INSTITUTIONS

Annotation

The article examines the establishment of the features of the application of modern accounting techniques in the process of using financial resources by budgetary institutions and the disclosure of the relationship between accounting principles and accounting methods.

Key words:

accounting policy, financial resources, budgetary institutions, business transactions, memorial-order form.

Приемы бухгалтерского учета вместе со способами и процедурами в определенной последовательности и взаимосвязи формируют бухгалтерский процесс и прописываются в учетной политике на предприятиях, в учреждениях и организациях. Постоянная изменчивость законодательной базы методики осуществления учетных процедур и методов учета побуждает к поиску научных обоснований и их прикладного применения в учетной деятельности субъектов хозяйствования.

Очевидно, что нововведения последнего времени требуют уяснения особенностей применения приемов бухгалтерского учета процесса использования финансовых ресурсов бюджетными учреждениями.

Бухгалтерский процесс как процесс выполнения бухгалтерских процедур с применением взаимосогласованных инструментов, приемов и способов в определенной последовательности и взаимозависимости происходит от начала регистрации хозяйственных операций до составления отчетности [1].

При организации и выполнении бухгалтерского процесса должное внимание уделяется приемам, методам и принципам бухгалтерского учета. Правильная организация бухгалтерского процесса использования финансовых ресурсов в бюджетных учреждениях является важным фактором повышения эффективности их деятельности, ведь она способствует не только получению достоверной, своевременной и беспристрастной информации, но и порядка ведения бухгалтерского учета и системе внутреннего и внешнего контроля использования бюджетных средств.

Учетные приемы – основа рациональной организации учета процесса использования финансовых ресурсов в бюджетных учреждениях.

Таковыми приемами считаются первичное наблюдение (документирование и инвентаризация), стоимостное измерение (оценка и калькуляция), текущее группирование и регистрация информации (счета и двойная запись), итоговое обобщение информации (баланс и отчетность). В совокупности они чаще всего известны как элементы метода бухгалтерского учета. В то же время, в связи с изменениями законодательства и развитием информационных технологий в мире реформируются некоторые приемы бухгалтерского учета, в частности, наблюдаются изменения в документировании, отчетности и перечне счетов бухгалтерского учета деятельности бюджетных учреждений.

Рассматривая приемы бухгалтерского учета в целом, следует подчеркнуть популярность аддитивного подхода и их признание в научных кругах. Согласно этому подходу, все учетные приемы рассматриваются как единое целое (метод бухгалтерского учета) и отдельно (элементы метода бухгалтерского учета). Это документирование и инвентаризация, оценка и калькулирование, счета и двойная запись, а также баланс и отчетность, касающиеся всех аспектов учета процесса использования финансовых ресурсов бюджетными учреждениями.

Следует упомянуть и менее распространенный процедурный подход, согласно которому все приемы бухгалтерского учета рассматриваются как поэтапные учетные процедуры. Так, процесс учета использования финансовых ресурсов бюджетными учреждениями начинается с первичного наблюдения фактов до стоимостного измерения обменных и необменных операций бюджетных учреждений, которое предшествует текущему группированию и регистрации релевантной информации в учете и завершает такой учетный цикл итоговым обобщением информации о фактах использования финансовых ресурсов бюджетным учреждением.

Так, первоначальное наблюдение за фактами использования финансовых ресурсов бюджетными учреждениями является начальным этапом его учета. Посредством документирования в бюджетном учреждении осуществляется первичное сплошное отражение финансовых ресурсов в учете их использования. На каждую операцию или группу однородных операций использование финансовых ресурсов составляет подтверждающий документ, который является носителем первичной учетной информации и служит в дальнейшем основанием для регистрации фактов использования финансовых ресурсов по счетам бухгалтерского учета бюджетного учреждения.

При этом процесс учета документирования фактов использования финансовых ресурсов бюджетными учреждениями в системе казначейского обслуживания тесно переплетен с бюджетным процессом. Так, финансовое подразделение бюджетного учреждения осуществляет экономические расчеты для проекта сметы, то есть учитываются потребности и нормы расходов по содержанию бюджетного учреждения.

Использование финансовых ресурсов бюджетными учреждениями осуществляется только из

утвержденного в установленном бюджетным законодательством порядке, сметы бюджетного учреждения [2].

Прием документирования в мемориально-ордерной форме учета предусмотрены соответствующие формы первичных и сводных документов для деятельности бюджетных учреждений с соблюдением требований законодательства относительно электронных документов и электронного документооборота.

Применение приема инвентаризации в первичном наблюдении за процессом использования финансовых ресурсов бюджетными учреждениями предусматривает периодическую проверку фактического наличия финансовых ресурсов и соответствующих обязательств бюджетного учреждения, а также сопоставление полученных данных о состоянии финансовых ресурсов с данными учетных показателей, последующее уточнение их в случае выявленных расхождений на определенную дату. В то же время, проведение инвентаризации фактов использования финансовых ресурсов в бюджетном учреждении относится к основным способам контроля за его финансово-расчетной дисциплиной. Бюджетные учреждения составляют отдельные инвентаризационные описания на находящиеся в их распоряжении финансовые ресурсы с соответствующим распределением по обменным и необменным операциям.

Выводы. Таким образом, отдельные приемы учета использования финансовых ресурсов бюджетными структурами, а также принципы и методы тесно взаимосвязаны и в совокупности составляют методическое обеспечение бухгалтерского учета в бюджетных учреждениях.

Эффективное функционирование бюджетных организаций невозможно без учета современных приемов бухгалтерского учета процесса использования финансовых ресурсов.

Список использованной литературы:

1. Толпегина О.А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. - М., - 2015.
2. Касьянова Г.Ю. Бухгалтерский учет в бюджетных учреждениях. - М., - 2016.

© Турсунбоев М.М., 2025

УДК 657

Турсунбоев Маъруф Мурод угли,

студент 2 курса,

Ташкентский педагогический и экономический институт,

г. Ташкент, Узбекистан

ФИНАНСОВЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОБЪЕКТ ОЦЕНКИ И АНАЛИЗА

Аннотация

В статье рассматривается изучение проблем практического применения учетных положений, регулирующих оценку и признание в учете и отчетности доходов и расходов и обоснование альтернативных вариантов их решения.

Ключевые слова

Хозяйственная деятельность, риск, финансовая поддержка, некоммерческие организации, эффект.

Tursunboev Maruf Murod ugli,
2nd year student,
Tashkent Pedagogical and Economic Institute,
Tashkent, Uzbekistan

FINANCIAL RESULT OF THE ENTERPRISE AS AN OBJECT OF ASSESSMENT AND ANALYSIS

Annotation

The article examines the study of the problems of practical application of accounting provisions governing the assessment and recognition of income and expenses in accounting and reporting and justification of alternative solutions.

Key words:

economic activity, risk, financial support, non-profit organizations, effect.

Хозяйственная деятельность – деятельность хозяйствующих субъектов в сфере общественного производства, направленная на изготовление и реализацию продукции, выполнение работ или предоставление услуг стоимостного характера, имеющих ценовую определенность.

Составляющей хозяйственной деятельности является предпринимательство – самостоятельная, инициативная, систематическая, на свой риск хозяйственная деятельность, осуществляемая субъектами хозяйствования (предпринимателями) с целью достижения экономических и социальных результатов и получения прибыли.

Итак, хозяйственная деятельность – объединяющий признак функционирования юридических лиц, источниками финансирования которых являются как внешняя финансовая поддержка, так и собственные производственные ресурсы.

Основные принципы предпринимательства – это выбор по собственному усмотрению и риску: видов и программы предпринимательской деятельности; поставщиков и потребителей работ (товаров, услуг); привлечение материально-технических, финансовых и других видов ресурсов; расчета цен на продукцию и услуги в соответствии с законом; найма работников (с учетом законодательного ограничения трудовых прав иностранных граждан и лиц без гражданства); использование прибыли, остающейся после уплаты обязательных налогов и сборов [1].

Субъектов хозяйственной деятельности с целью обобщения методических подходов учета доходов и расходов их деятельности целесообразно разделить на две группы:

- субъекты предпринимательской деятельности: предприятия всех форм собственности (включая их объединение), государственные и негосударственные банковские учреждения;
- субъекты непредпринимательской деятельности: самостоятельно хозяйствующие неприбыльные организации, которым присвоен признак неприбыльности.

Среди некоммерческих организаций, в свою очередь, можно выделить, две группы:

- бюджетные некоммерческие организации: бюджетные учреждения, в частности: органы государственной власти; организации, созданные органами государственной власти, содержащиеся за счет государственного бюджета; органы местного самоуправления; организации, созданные органами местного самоуправления, которые полностью содержатся за счет местного бюджета;
- внебюджетные некоммерческие организации: общественные объединения, политические партии, религиозные, благотворительные организации, пенсионные фонды, объединения совладельцев многоквартирного дома, ассоциации владельцев жилых домов, жилищно-строительные кооперативы. Такие неприбыльные организации финансируются вкладами учредителей

(участников), собственными поступлениями, однако превышение доходов над расходами, связанными с их получением, хотя и учитываются на счетах прибыли, однако, не могут быть распределены, а учитываются из-за корректировки статей доходов (расходов) в смете деятельности следующего периода.

Операции предпринимательского характера, целью которых является компенсация понесенных расходов, могут проводить все юридические лица, в том числе неприбыльные организации при условии, если это предусмотрено их учредительными документами и соблюдение статуса неприбыльности.

Учет формирования финансовых результатов хозяйственной деятельности регламентируется учетными положениями, в частности:

- для субъектов предпринимательской деятельности и внебюджетных неприбыльных организаций;
- для субъектов непредпринимательской деятельности (кроме внебюджетных неприбыльных организаций).

Доход признается при увеличении актива или уменьшении обязательства, что приводит к росту собственного капитала (за исключением роста капитала за счет взносов участников предприятия), при условии, что оценка дохода может быть достоверно определена [2].

Имеют некоторые особенности признания доходов субъектов государственного сектора. По результатам обменных операций (хозяйственных операций по продаже/приобретению активов в обмен на денежные средства, услуги (работы), другие активы или погашение обязательств) доход признается в случае, если существует вероятность поступления субъекту государственного сектора экономических выгод или потенциала полезности, связанных с обменной операцией.

Доход от необменных операций (хозяйственных операций, не предполагающих передачи активов, услуг (работ) в обмен на полученный доход или активы, но могут предусматривать выполнение определенных условий) признается одновременно с получением активов, услуг и работ.

Доход субъектов как предпринимательской, так и непредпринимательской деятельности определяется в зависимости от характера проводимых хозяйственных операций.

Специфика организационно-правовых форм хозяйствования предполагает признание доходов через оценку:

- материальной выгоды (экономическая выгода) – получена начисленная экономическая выгода по операциям хозяйственной деятельности;
- социально-экономического эффекта – признанный потенциал полезности результатов деятельности субъекта, связанный, в первую очередь, с выполнением программ социально-экономического развития. В большинстве случаев это характерно для субъектов государственного сектора экономики.

Эффект – результат, следствие каких-либо действий; полезный результат выражен в стоимостной оценке; результат, следствие какого-либо действия, измеряемого в материальном, денежном или социальном выражении как разница между результатами и затратами, связанными с получением этого результата.

Как объект учета социально-экономический эффект измеряется количественными и качественными показателями, в частности: показателями полного, целевого и рационального освоения целевого финансирования и целевых поступлений, его целесообразности и своевременности; подтверждением социальной необходимости услуг (работ) и т.д.

Социально-экономический эффект может иметь более детальную классификацию: социально-экономический, социально-демографический, социально-административный, социально-

оздоровительный, социально-культурный, социально-экологический и т.д.

Выводы. Учетно-аналитическое обеспечение результатов хозяйственной деятельности как информационная составляющая системы менеджмента субъекта призвана прежде всего по своему содержанию и оперативности его формирования отвечать целевым запросам административного персонала. Рациональная детализация учетных данных, определение и оценка не только экономической эффективности по результатам проведения хозяйственных операций, но и их социально-экономическое влияние на общий результат функционирования субъекта на микро- и макроуровнях позволит обеспечивать полезность форм отчетности (финансовой, управленческой) для внешних и внутренних ее пользователей.

Список использованной литературы:

1. Балабанов И.Т. Анализ и планирование финансов хозяйствующего субъекта. - М., - 2009.
2. Артеменко В.Г., Беллендир М.В. Финансовый анализ. - М., - 2012.

© Турсунбоев М.М., 2025

УДК 657

Умаров Мухаммадризохон Аскарали угли,
студент 2 курса,
Ташкентский педагогический и экономический институт,
г. Ташкент, Узбекистан

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ И АУДИТА

Аннотация

В статье рассматривается раскрытие методологических аспектов оценки аудиторами системы внутреннего контроля на предприятии.

Ключевые слова

внутренний контроль, аудиторские процедуры, комплексная аудиторская проверка, бизнес-процесс, прибыль.

Umarov Muhammadrizokhon Askarali ugli,
2nd year student,
Tashkent Pedagogical and Economic Institute,
Tashkent, Uzbekistan

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF INTERNAL CONTROL AND AUDIT

Annotation

The article considers the disclosure of methodological aspects of the auditors' assessment of the internal control system at the enterprise.

Key words:

Internal control, audit procedures, comprehensive audit, business process, profit.

Проверка аудиторами адекватности разработки внутреннего контроля на предприятии является одной из важнейших аудиторских процедур, необходимых для подтверждения достоверности финансовой отчетности.

Актуальность темы обуславливается необходимостью формирования единой методологии оценивания внешним аудитором действенности системы внутреннего контроля субъектов хозяйствования с целью повышения эффективности аудиторской проверки и выявления важных участков учета, которые могут оказать значительное влияние на формирование финансовой отчетности, а также установление для них аудиторских процедур по существу.

Система внутреннего контроля на предприятии представляет собой процесс, осуществляемый советом директоров, руководством и другим персоналом организации с целью определения событий, которые могут влиять на предприятие и управление, связанные с этими событиями рисков, а также контроль обеспечения гарантии достижения целей предприятия [1].

Внутренний контроль — это процесс, разработанный, внедренный и поддерживаемый теми, кто наделен наивысшими полномочиями, управленческим персоналом, а также другими работниками, для обеспечения достаточной уверенности в достижении эффективности и результативности деятельности, а также соблюдения применимых законов и нормативных актов. Термин "меры контроля" касается каждого отдельного аспекта одного или нескольких компонентов системы внутреннего контроля.

Система внутреннего контроля из ряда элементов, таких как внутренняя среда, постановка целей, контрольные мероприятия, организация информационного и коммуникационного обмена, осуществление мониторинга, также включает такие важные составляющие как идентификация рисков, их процесс разработкой стратегии предприятия и затрагивает всю деятельность предприятия. Он направлен на определение событий, которые могут влиять на предприятие и рисков, связанных с этими событиями.

Аудит системы внутреннего контроля на предприятии, осуществляемый по отдельным бизнес-процессам, предусматривает проверку обеспечения эффективности управления рисками предприятия относительно таких бизнес-процессов в течение определенного периода времени, как составного элемента системы внутреннего контроля.

Комплексная аудиторская проверка системы внутреннего контроля на предприятии относительно достоверности финансовой отчетности во всех существенных аспектах включает проведение аудиторами тестирования внутреннего контроля для достижения основных целей, содержащихся в таких достаточных доказательствах:

- подтверждение мнения аудитора о приемлемости уровня разработки и действенности внутреннего контроля финансовой отчетности;
- адекватность аудиторской оценки риска контроля для целей аудита финансовой отчетности.

Аудит адекватности разработки и эффективности функционирования внутреннего контроля на предприятии целесообразно осуществлять в отношении основных бизнес-процессов предприятия [2].

Этап понимания бизнес-процесса и его основных хозяйственных операций, совокупность которых представляет бизнес-субъекта хозяйствования в целом, невозможно построить правильно без понятия "бизнес-процесс" — это операции, обеспечивающие проектирование, производство и реализацию товаров, работ или услуг предприятия.

Каждый бизнес-процесс состоит из определенного набора соответствующих ему операций, обуславливающих их учет и формирование финансовой отчетности. Так, процесс реализации включает обработку заказа на покупку, оформление соответствующих документов об отгрузке, авторизацию обработанных данных ответственными лицами, проведение оплаты покупателем.

Для полного понимания бизнес-процесса и его основных хозяйственных операций при осуществлении аудиторской проверки финансовой отчетности аудитор должен изучить следующие ключевые аспекты:

- основные бизнес-процессы и потоки операций предприятия, информация о которых необходима для проведения дальнейших аудиторских процедур с целью подтверждения достоверности финансовой отчетности;
- риски, связанные с осуществлением бизнес-процессов и операций на предприятии;
- характер информационных процессов на предприятии, включая ПО и информационно-технологическую среду, а также распределение обязанностей персонала внутри информационной среды.

Важным для аудиторской проверки является разграничение между понятиями "бизнес-процесс", описывающим порядок осуществления операции с помощью установленных этапов, и "контроль", предусматривающий совокупность действий и мер, направленных на предупреждение или выявление несоответствий в процессе. Например, бизнес-процессом является выбор и документирование учетчиком соответствующей модели налогообложения прибыли, которая будет использоваться для реализации договора купли-продажи, а контролем – пересмотр и подтверждение контролером отчета о признании доходов. При этом контролер изучает все условия договора и руководствуется законодательной базой и профессиональными стандартами, а также в отдельных случаях пересматривает и изменяет результаты налогообложения.

Аудитор начинает ознакомление с бизнес-процессом по отслеживанию соответствующих операций и рисков, которые его сопровождают, а также внутреннего контроля предприятия относительно них.

Оформление аудитором понимания бизнес-процесса начинается с его детального рассмотрения посредством пошагового описания выполнения операций от этапа их возникновения в среде бизнес-процесса, включая информационные системы, до отражения их в финансовых отчетах предприятия.

Для описания бизнес-процессов аудитор использует документацию предприятия относительно них, в частности описания бизнеса предприятия, технологические стадии выполнения операций и реестр рисков существенного искажения, формируемый на предприятии для целей внутреннего контроля за процессами предприятия, соответствующими им рисками, их последствиями, с указаниями происхождения информации о риске.

После получения надлежащей информации и документов предприятия начинается этап обновления технологической документации и проверка адекватности ее разработки предприятием. На основе этих действий обновляется риск существенного искажения аудиторской проверки текущего года.

Выводы. От оценки разработки и операционной эффективности внутреннего контроля субъекта проверки, а также установленных рисков отдельных бизнес-процессов зависит планирование следующих аудиторских процедур, по существу, их объем и цели и направленность проведения. Тестирование внутреннего контроля на предприятии в аудиторской проверке имеет ключевое значение для оптимизации сроков проведения, повышения эффективности и качества предоставления аудиторских услуг. Для обеспечения рационального построения процесса аудита следует четко придерживаться установленной методики оценки аудитором внутреннего контроля на предприятии. Тестирование контроля предшествует этап понимания аудитором бизнес-процессов, рисков и элементов контроля, которые им соответствуют на предприятии. Эффективно организованная аудиторская проверка внутреннего контроля на предприятии и отработанная методика его осуществления позволяют оперативно выявлять отклонения и недостатки внутреннего контроля и

принимать соответствующие меры по предотвращению им.

Список использованной литературы:

1. Бровкина Н.Д. Контроль и ревизия. - М., - 2007.
2. Шеремет А.Д. Аудит. - М., - 2002.

© Умаров М.А., 2025

УДК 657

Умаров Мухаммадризохон Аскарали угли,

студент 2 курса,

Ташкентский педагогический и экономический институт,

г. Ташкент, Узбекистан

УПРАВЛЕНИЕ ЗАТРАТАМИ НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация

В статье рассматривается теоретическое обоснование методических аспектов разработки стратегии управления затратами на промышленном предприятии.

Ключевые слова

промышленное предприятие, затраты, эффективность деятельности, финансовые ресурсы, спрос.

Umarov Muhammadrizokhon Askarali ugli,

2nd year student,

Tashkent Pedagogical and Economic Institute,

Tashkent, Uzbekistan

COST MANAGEMENT AT AN INDUSTRIAL ENTERPRISE IN MODERN CONDITIONS

Annotation

The article considers the theoretical substantiation of the methodological aspects of developing a cost management strategy at an industrial enterprise.

Key words:

Industrial enterprise, costs, performance efficiency, financial resources, demand.

Современный уровень экономического развития обуславливает необходимость не только в управлении промышленным предприятием, но и в разработке общего направления развития при влиянии непредсказуемых событий и факторов. Учитывая различные аспекты планирования деятельности промышленного предприятия важнейшим, является процесс управления затратами, т.е. процесс исследования и принятия управленческих решений на всех основных этапах формирования и распределения доходов и осуществления затрат на промышленном предприятии. Управление затратами, обеспечивающее эффективность деятельности, финансовую и экономическую устойчивость промышленного предприятия на рынке, занимает особое место в системе стратегического управления предприятием. Это обуславливает актуальность исследований,

посвященных теоретико-методическим вопросам разработки стратегии управления затратами на промышленном предприятии [1].

В случае отсутствия необходимой информации руководители часто принимают решение интуитивно, следовательно, повышая риск принятия неправильного решения. Поэтому на сегодняшний день существует объективная необходимость усовершенствования систем и методов стратегического управления промышленным предприятием, в частности, стратегии управления затратами. Стратегии предусматривают совокупность мер с большой продолжительностью реализации. Поэтому разработка стратегии управления затратами должна основываться на задачах, составляющих основу общей стратегии развития предприятия. Такими задачами могут быть:

- задачи обновления выпускаемой промышленным предприятием продукции с учетом спроса;
- задачи обновления технологии производства на базе современных технологий;
- задачи привлечения инвестиций.

Аналитическим инструментарием управления затратами являются методы и модели, обеспечивающие решение этих задач при поддержке такого уровня затрат, который позволит достичь желаемой прибыли на каждом отдельном этапе развития промышленного предприятия. Для этого, прежде всего, нужно обеспечить определенную функциональную зависимость между затратами и другими компонентами экономического механизма деятельности промышленного предприятия: объемом производства продукции, финансовыми ресурсами, прибылью.

Технология с высоким уровнем постоянных затрат предполагает сосредоточение на промышленном предприятии всех стадий производственного процесса – от заготовительной до складской.

Технология с низким уровнем постоянных затрат предполагает схему, близкую к технологии складского предприятия.

Выбор того или иного вида технологии производства продукции по фактору затрат проводится с учетом степени влияния соотношения между постоянными и переменными затратами.

При выборе технологии производства следует учесть и фактор устойчивости спроса на продукцию. Чем больше продолжительность спроса, тем экономически эффективной будет технология по постоянным затратам, поскольку от продолжительности спроса зависит продолжительность пребывания продукции в серийном производстве. Следовательно, здесь проявляется закономерность экономии на масштабе, согласно которой постоянные затраты на единицу продукции уменьшаются с увеличением объема ее выпуска, т.е. по своей сути постоянные затраты связаны с созданием и функционированием основных производственных средств предприятия, их обслуживанием, ремонтом, отоплением, арендой, заработной платой производственного персонала и т.д. Следовательно, отношение постоянных затрат к переменным зависит не только от объема выпуска продукции, но и степени использования основных средств [2].

При необеспечении рационального уровня капитала трат может возникнуть нежелательная ситуация в ценовой политике предприятия, когда вследствие высоких постоянных и переменных затрат единственным выходом будет повышение цены, что может привести предприятие к катастрофическому экономическому положению. Поэтому при разработке стратегии управления нужно решить задачу оптимального соответствия между зависимостью и относительной ценой для достижения определенной (запланированной) величины прибыли. Но нужно также учесть, что улучшение использования производственных ресурсов ведет к уменьшению переменных затрат на единицу продукции. Уменьшение переменных затрат происходит вследствие относительного уменьшения общего времени на обслуживание производства, снижение трудозатрат при продолжительном периоде нахождения продукции в серийном производстве. Из эффекта серийности

производства за затратами следуют важные выводы для экономического управления предприятием: частая замена выпускаемой продукции невыгодна предприятию; предприятие должно принимать меры по обеспечению более длительного жизненного цикла продукции через продление срока ее пребывания в серийном производстве.

Учет всех рассмотренных и других факторов влияет на прибыльность промышленного предприятия, однако их влияние на прибыль может быть разным.

Иногда даже при якобы благоприятных условиях влияние различных факторов на затраты может приводить к недополучению или полному отсутствию прибыли. Так, при определенных суммарных затратах предприятие может иметь и убытки, если эти затраты будут превышать выручку. Если затраты будут равны выручке, обеспечивается только безубыточность продукции и промышленное предприятие не получит прибыли. Предприятие становится прибыльным, если выручка превосходит суммарные издержки.

Выводы. Управление затратами можно определить как взаимосвязанный комплекс работ по формированию и контролю затрат при осуществлении хозяйственной деятельности, направленных на достижение оптимального уровня затрат во всех подсистемах промышленного предприятия.

Список использованной литературы:

1. Друри К. Управленческий и производственный учет. Вводный курс. 5-е издание. - М., - 2012.
2. Лебедев В.Г. Управление затратами на предприятии - СПб., - 2009.

© Умаров М.А., 2025

ФИЛОСОФИЯ

УДК 159.947

Атаев Какаджан Амандурдыевич

Заведующий кафедрой обществоведения, кандидат психологических наук,
Государственный медицинский университет Туркменистана имени Мырата Гаррыева
Туркменистан, г. Ашхабад

ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ РАЗУМА И БЫТИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ**Аннотация**

Статья исследует фундаментальные философские идеи, лежащие в основе ключевых психологических концепций, демонстрируя взаимосвязь между пониманием разума и представлениями о бытии. Анализируются онтологические и эпистемологические предпосылки, влияющие на формирование психологических теорий сознания, личности и поведения. Подчеркивается необходимость философского осмысления для углубления понимания природы психических явлений.

Ключевые слова

философия, психология, разум, бытие, основания, концепции, взаимосвязь, онтология, эпистемология, сознание, личность, поведение.

Atayev Kakajan Amandurdyewich

Head of the Department of Social Science, Candidate of Psychological Sciences, State Medical
University of Turkmenistan named after Myrat Garryev
Turkmenistan, Ashgabat

INTERFACES OF MIND AND BEING: PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF PSYCHOLOGICAL CONCEPTS**Annotation**

The article explores the fundamental philosophical ideas underlying key psychological concepts, demonstrating the relationship between the understanding of reason and ideas about being. The ontological and epistemological premises influencing the formation of psychological theories of consciousness, personality and behavior are analyzed. The need for philosophical understanding to deepen the understanding of the nature of mental phenomena is emphasized.

Key words

philosophy, psychology, mind, being, foundations, concepts, relationship, ontology, epistemology, consciousness, personality, behavior.

Современная психология, являясь эмпирической наукой, стремится к объективному изучению психических процессов и поведения человека, опираясь на экспериментальные данные и статистический анализ. Однако, ее теоретические корни глубоко уходят в философскую почву, и многие фундаментальные концепции психологии несут на себе отпечаток многовековых философских размышлений о природе разума, сознания и бытия. Игнорирование этого философского фундамента может привести к поверхностному пониманию психологических теорий и ограничить перспективы дальнейшего развития науки о душе. Настоящая статья посвящена исследованию ключевых философских идей, которые послужили основанием для формирования важнейших психологических концепций, демонстрируя неразрывную связь между пониманием разума и представлениями о бытии человека в мире.

Одним из краеугольных камней как философии, так и психологии является вопрос о природе сознания. Философские дебаты между материализмом и идеализмом, дуализмом и монистическими теориями оказали непосредственное влияние на развитие психологических школ и направлений. Ранние психологи, такие как Вильгельм Вундт, стремились к изучению сознания через интроспекцию, что во многом перекликалось с философскими попытками самопознания. Структурализм и функционализм, возникшие как первые научные школы психологии, несли в себе отголоски философских дискуссий о элементах сознания и его роли в адаптации к окружающей среде. Бихевиоризм, напротив, во многом реакция на субъективизм ранней психологии, склонялся к материалистическому пониманию психики, рассматривая поведение как результат внешних стимулов и подкреплений, что также имеет философские параллели в эмпиризме и позитивизме.

Размышления о природе человеческой личности и ее развитии также глубоко укоренены в философской традиции. Экзистенциальная философия с ее акцентом на свободе воли, ответственности и поиске смысла жизни оказала значительное влияние на гуманистическую психологию, представители которой, такие как Карл Роджерс и Абрахам Маслоу, противопоставляли детерминированным моделям поведения представление о человеке как об активном, саморазвивающемся существе, стремящемся к самоактуализации. Психоаналитическая теория Зигмунда Фрейда, с ее акцентом на бессознательном, влечениях и раннем детском опыте, также имеет философские корни в идеях о темной, иррациональной стороне человеческой природы, хотя сам Фрейд стремился к биологическому обоснованию своих теорий.

Эпистемологические вопросы, касающиеся природы знания и способов его получения, также играют важную роль в психологии. Дебаты между рационализмом и эмпиризмом в философии нашли свое отражение в психологических исследованиях познавательных процессов. Когнитивная психология, с ее фокусом на восприятии, внимании, памяти, мышлении и языке, во многом опирается на идеи о активной роли разума в обработке информации, что перекликается с рационалистическими философскими традициями. С другой стороны, исследования научения и формирования навыков часто опираются на эмпирические принципы ассоциаций и подкреплений.

Таким образом, становится очевидным, что философские идеи не являются лишь историческим фоном для развития психологии, но представляют собой фундаментальные основания для ее теоретических построений. Вопросы о природе сознания, личности, познания и бытия человека в мире, которые на протяжении веков занимали умы философов, продолжают оставаться центральными и для современной психологии. Понимание философских корней психологических концепций позволяет не только глубже осмыслить их сущность и ограничения, но и открывает новые перспективы для дальнейших теоретических разработок и междисциплинарных исследований на стыке философии и психологии. Дальнейшее развитие психологии во многом зависит от осознания и критического осмысления ее философского наследия, что позволит избежать методологических ошибок и обогатить понимание сложной и многогранной природы человеческой психики.

Размышления о природе человеческой мотивации и ценностей также имеют глубокие философские корни. Утилитаризм и деонтология в этике, с их различными подходами к определению морально правильного поведения, находят свое отражение в психологических теориях мотивации и морального развития. Исследования альтруизма, эгоизма и просоциального поведения часто обращаются к философским вопросам о природе человеческой доброты и справедливости. Экзистенциальная психология, как уже упоминалось, акцентирует внимание на поиске смысла и ценностей как ключевых мотивационных факторах человеческой жизни.

Нельзя обойти вниманием и философские дискуссии о свободе воли и детерминизме, которые имеют прямое отношение к психологическому пониманию ответственности и агентности.

Детерминистические взгляды, подчеркивающие причинно-следственные связи в поведении, находят отражение в бихевиоризме и некоторых нейробиологических подходах к психологии. Напротив, гуманистическая и экзистенциальная психология отстаивают идею свободы воли и способности человека к сознательному выбору, что перекликается с либертарианскими философскими концепциями.

Более того, философские представления о природе реальности и нашего места в ней оказывают влияние на психологическое изучение восприятия и сознания. Феноменология, философское направление, фокусирующееся на непосредственном опыте сознания, оказала значительное влияние на развитие гештальтпсихологии и некоторых направлений современной когнитивной психологии. Вопросы о субъективности опыта и соотношении внутреннего мира человека с внешней реальностью остаются актуальными как для философии, так и для психологии.

Таким образом, философские основания пронизывают различные области психологического знания, от изучения базовых когнитивных процессов до исследования сложных аспектов личности, мотивации и социального поведения. Игнорирование этого фундамента может привести к фрагментарному и поверхностному пониманию психических явлений, лишая психологию необходимой глубины и целостности. Обращение к философским идеям позволяет психологам формулировать более глубокие и значимые исследовательские вопросы, разрабатывать более целостные теоретические модели и критически оценивать существующие подходы.

В заключение следует подчеркнуть, что взаимодействие философии и психологии не является односторонним. Психологические исследования, в свою очередь, могут предоставлять эмпирические данные, которые могут быть использованы для проверки или переосмысления философских теорий о природе разума и бытия. Междисциплинарный диалог между философией и психологией обогащает обе науки, способствуя более глубокому и всестороннему пониманию фундаментальных вопросов человеческого существования. Начало формы

Список использованной литературы:

1. Деннет, Дэниел К. Сознание объясненное. Routledge, 1991.
2. Фланаган, Оуэн Дж. Проблемы сознания: Введение в философию разума. 2-е изд., Routledge, 2007.
3. Серл, Джон Р. Открывая сознание заново. MIT Press, 1992.
4. Чалмерс, Дэвид Дж. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. Oxford University Press, 1996.

© Атаев К.А., 2025

ФИЛОЛОГИЯ

Akhmedova Aziza Khurshedjonovna,

Lecturer of the Department of English Language, Faculty of Oriental Languages, SEI “KhSU named after acad. B. Gafurov” (Tajikistan Republic, Khujand)

COMPARATIVE ANALYSIS OF MORPHOLOGICAL FEATURES OF SOME TAJIK AND ENGLISH INTERJECTIONS

This article presents a comparative analysis of the morphological features of interjections in English and Tajik. Interjections, as direct linguistic expressions of emotion, attitude, and cognitive states, are examined for their structural characteristics in these two distinct languages. The study concludes that English primarily relies on simple, often monomorphemic forms, while Tajik employs productive morphological processes like derivation and affixation to create its interjective repertoire.

Keywords:

comparative analysis, morphological features, interjections, English and Tajik.

Ахмедова Азиза Хуршеджановна,

преподаватель кафедры английского языка факультета восточных языков
ГОУ “ХГУ им. акад. Б.Гафурова” (Республика Таджикистан, Худжанд)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕКОТОРЫХ МЕЖДОМЕТИЙ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье представлен сравнительный анализ морфологических особенностей междометий в английском и таджикском языках. Междометия, как прямые языковые выражения эмоций, отношений и когнитивных состояний, рассматриваются с точки зрения их структурных характеристик в этих двух различных языках. Исследование приводит к выводу, что английский язык в основном опирается на простые, часто мономорфемные формы, тогда как таджикский язык использует продуктивные морфологические процессы, такие как деривация и аффиксация, для создания своего междометного репертуара.

Ключевые слова:

сопоставительный анализ, морфологические признаки, междометия,
английский и таджикский языки.

1. Introduction

Interjections, often relegated to the periphery of linguistic inquiry, constitute a fascinating and dynamic part of speech that serves as a direct and often unfiltered linguistic manifestation of emotion, attitude, cognitive state, and speaker stance. These expressions, frequently characterized by their brevity and exclamatory nature, provide a unique window into the interplay between language, cognition, and affect. Defined as words or phrases expressing sudden feelings, reactions, or cognitive states, interjections are marked by their relative syntactic independence and prosodic distinctiveness [1; 2].

1.1. Morphological Analysis

English Interjections: Morphological Simplicity: as it was stated the fact that English interjections are largely characterized by their morphological simplicity. They tend to stand alone as isolated roots.

Monomorphemic Nature: Most English interjections are single morphemes, meaning they are the smallest meaningful units and cannot be broken down further.

Examples: Ugh, Ah, Oh, Yay, Ouch, Hmm, Ew, Phew, Shh, Oops, Wow, Hey, Yuck, Mhmm, Huh, Ahem, Br.

Limited Morphological Processes: While some processes like reduplication and onomatopoeia exist, they are not very productive in creating new interjections.

Reduplication: Usually involves repetition for emphasis or to indicate a repeated action.

Examples: Uh-oh, Bye-bye, No-no, Ha-ha, Tsk-tsk.

Onomatopoeia: Words that imitate sounds. While technically related to morphology, they are more about phonetics and sound symbolism.

Examples: Boom, Crash, Bang, Meow, Woof, Tweet.

Clipping/Blending: Occasionally, interjections might arise from clipped forms or blends, but this is rare.

Examples: Gosh (from God), Jeez (from Jesus), Golly (likely a blend/euphemism involving God).

Phrasal Interjections: Some interjections are phrases rather than single words. They often express more complex emotions or reactions.

Examples: Oh my God, Good heavens, My goodness, What the heck, Oh dear.

Tajik Interjections: Morphological Richness

Tajik interjections display a fascinating contrast to English by leveraging a wider array of morphological processes. This allows them to encode subtle nuances of meaning directly within their structure.

Derivation from Other Parts of Speech: Tajik interjections are frequently derived from other word classes like nouns, verbs, and adjectives, enriching their semantic content.

Nouns:

Дардо! (Dardo!) - "Pain!" (from дард (dard) "pain" + -o (vocative))

Бало! (Balo!) - "Misfortune!" (from бало (balo) "misfortune" + -o)

Худоё! (Khudo-yo!) - "Oh God!" (from Худо (Khudo) "God" + -ё (vocative))

Ҷоно! (Jono!) - "Dear one!" (lit. "Soul!") (from ҷон (jon) "soul" + -o)

Марг! (Marg!) - "Death!" (as an expression of despair or frustration)

Verbs:

Тарс! (Tars!) - "Fear!" (from тарсидан (tarsidan) "to be afraid")

Бас! (Bas!) - "Enough!" (likely related to бастан (bastan) "to close, to stop")

Мон! (Mon!) - "Stop!" (from мондан (mondan) "to leave, to let be")

Рав! (Rav!) - "Go!" (from рафтан (raftan) "to go")

Бин! (Bin!) - "Look!" (from дидан (didan) "to see")

Adjectives:

Бад! (Bad!) - "Bad!" (from бад (bad) "bad")

Хуб! (Khub!) - "Good!" (from хуб (khub) "good")

Зӯр! (Zo'r!) - "Great!" (from зӯр (zo'r) "strong, powerful")

Affixation: Suffixes play a crucial role in forming Tajik interjections.

-o (Vocative): Used to address someone or express a strong emotion related to the noun.

Худоё! (Khudo-yo!) - "Oh God!"

Бало! (Balo!) - "Misfortune!"

-e, -и (sometimes used with interjections, though more common with nouns and adjectives, can denote a state or quality):

It is harder to give clear cut examples as these suffixes are more common in other parts of speech. However, they can contribute to a general feeling or atmosphere that might accompany certain interjections.

Diminutive suffixes:

-ак (-ak) or -ча (-cha). These can be used to soften an interjection, making it less harsh or more affectionate. These are not very common with interjections, but theoretically possible [3].

Other Potential Affixes: Tajik has a rich system of prefixes and suffixes, and while not all are commonly

used with interjections, some might appear in less frequent or more creative uses.

Reduplication: While mentioned as less common in English, reduplication in Tajik also occurs but appears to be limited and similar to English.

Вой-вой! (Voy-voy!) - Expressing great surprise or pain, similar to "Oh no!" or "Oh dear!"

Phrasal Interjections: Similar to English, Tajik also has phrasal interjections, though perhaps less prevalent than single-word derived forms [4].

Худо нигоҳ дорад! (Khudo nigoh dorad!) - "May God protect you!"

Чӣ бадбахтӣ! (Chi badbakhti!) - "What a misfortune!"

Conclusion:

Implications of Morphological Differences

The differences in morphological complexity between English and Tajik interjections have several implications:

1. *Semantic Precision:* Tajik's use of derivation and affixation allows for a greater degree of semantic precision. Interjections can convey more specific meanings related to their source words.

2. *Emotional Nuance:* The ability to modify interjections with suffixes like the vocative or diminutives allows for finer shades of emotion to be expressed.

3. *Cultural Reflection:* The prevalence of interjections derived from religious terms (Худоё!) or concepts of fate (Бало!) in Tajik might reflect cultural values and beliefs.

4. *Linguistic Typology:* This comparison highlights differences in the morphological typology of the two languages. English tends toward isolating morphology (words are often single morphemes), while Tajik leans toward agglutinative morphology (words are built from multiple morphemes with clear boundaries).

References:

1. Ameka, F. K. (1992). Interjections: The universal yet neglected part of speech. *Journal of Pragmatics*, 18(2-3), 101-118.
2. Evans, N., & Levinson, S. C. (2009). The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science. *Behavioral and Brain Sciences*, 32(5), 429-448.
3. Foolen, A. (2020). Interjections, language, and the body. In A. Foolen, U. M. Lüdtke, T.P. Racine, & J. Zlatev (Eds.), *Moving ourselves, moving others: Motion and emotion in intersubjectivity, consciousness, and language* (pp. 371-394). John Benjamins.
4. Norrick, N. R. (2019). Interjections in dialogue. In K. Beeching & U. Detges (Eds.), *Discourse functions at the left and right periphery: Crosslinguistic investigations of language use and language change* (pp. 253-279). Brill.

©Akhmedova A.Kh., 2025

Akramova Munavvar Azamjonovna,

a second-year master's degree student in the faculty of oriental languages, SEI "Khujand State University named after acad. B.Gafurov" (Tajikistan Republic, Khujand)

ON THE ISSUE BESET WITH MOTIVATION OF THE SCO LANGUAGE POLICY

The given article dwells on the language policy of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) within the context of globalization and the increasing importance of language management in international

organizations. Analyzing the SCO's framework, which designates Chinese and Russian as official working languages while utilizing English as a de facto working language, the study explores the interplay between language ideology, organizational principles, and practical communication needs. The SCO's approach thus exemplifies how international bodies navigate linguistic complexity to balance internal cohesion, cultural representation, and external communication objectives.

Keywords:

language policy, Shanghai Cooperation Organization (SCO), globalization,
language ideology, organizational principles.

Акрамова Мунаввар Азамджонова,
магистрант второго курса факультета восточных языков ГОУ «Худжандский государственный
университет имени акад. Б.Гафурова» (Республика Таджикистан, г. Худжанд)

К ВОПРОСУ МОТИВАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ШОС

В данной статье рассматривается языковая политика Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в контексте глобализации и возрастающей значимости управления языковыми вопросами в международных организациях. Анализируя структуру ШОС, в которой китайский и русский языки официально признаны рабочими, а английский язык используется в качестве рабочего де-факто, исследование изучает взаимосвязь между языковой идеологией, организационными принципами и практическими коммуникационными потребностями. Таким образом, подход ШОС демонстрирует, как международные организации решают языковые сложности, чтобы сбалансировать внутреннюю сплоченность, культурное представительство и цели внешней коммуникации.

Ключевые слова:

языковая политика, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), глобализация,
языковая идеология, организационные принципы.

Introduction

Globalization has engendered profound societal transformations, characterized by the expansion of transnational networks, capital, trade, technology, and services, alongside accelerated flows of information and populations. This has intensified interconnectedness across political, economic, social, and cultural domains globally. Consequently, the internationalization and regionalization of language issues have spurred linguistic research to encompass broader contexts, analyzing language policy not only within families and communities but also across various other domains and levels, including international organizations [1].

The formulation of language policy is inherently complex, driven by a confluence of diverse social factors. Illustratively, the language policy framework of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) officially designates Chinese and Russian as its working languages. Additionally, English functions as a de facto working and teaching language. This specific multilingual policy configuration is intrinsically related to the perceived social functions attributed to these languages within the organization's operational context.

Language ideology, defined as the system of beliefs individuals and groups hold regarding language - encompassing perceptions that rationalize linguistic structure and use, associated attitudes, and the representation of specific social interests [2] plays a crucial role. Within international organizations, dominant language ideologies, often implicitly or explicitly endorsed by member states, frequently underpin the conferral of status and privileges upon selected languages. This practice aims to support the designated

languages' use in fulfilling the organization's mandate. The SCO's adoption of Chinese and Russian, supplemented by English, exemplifies this dynamic. Such policies of linguistic coexistence are presented as reflecting the foundational principles of the SCO, emphasizing the recognized cultural significance and functional distinctiveness of language within the international organizational setting.

Diversity constitutes a fundamental characteristic of international organizations. Although such entities generally lack direct jurisdiction over language practices within member states, they typically endeavour to cultivate internal policy environments marked by pluralism and consultation. The SCO, functioning as an interregional organization with varied cooperation frameworks, is guided by the set of principles termed the "Shanghai Spirit," which emphasizes "mutual trust, mutual benefit, equality, consultation, respect for the diversity of civilizations and the pursuit of common development." In accordance with these principles, member states progressively strengthen collaboration in domains such as culture, education, science and technology, healthcare, sports, tourism, and youth initiatives to foster regional development. Notably, the 2005 Memorandum of Understanding between the SCO Secretariat and the Executive Committee of the Commonwealth of Independent States underscores the strategic importance of enhanced cooperation in education and culture as a mechanism for promoting sustainable regional development.

The commitment of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) to multilateral cooperation is further articulated in the September 2013 "Dushanbe Declaration of the Council of Heads of State." This declaration emphasizes continued collaboration among member states in science, technology, humanities, and tourism, aiming to strengthen long-term neighbourly relations, foster mutual understanding, and facilitate intercultural dialogue for the benefit of the region's populations. Implicitly, the declaration supports the protection of linguistic and cultural diversity within the organization, viewing intercultural exchange as foundational for public support and the social basis of the SCO's development.

The SCO's operational philosophy, encapsulated in the "Shanghai Spirit," prioritizes respect for diverse civilizational paths, cultural differences, and traditional heritage, promoting harmonious coexistence and shared development. This principle underpins the organization's approach to language, resulting in a linguistic ideology that values multilingualism. Language is strategically employed as a vital tool for understanding the national contexts, cultures, and values of member states, thereby cultivating positive mutual perceptions, identifying common ground, and fostering an environment of tolerance, trust, and cooperation. The linguistic landscape of the SCO, encompassing the distinct official and inter-ethnic languages of its member states (including China, Russia, Central Asian nations, India, and Pakistan), reflects this commitment. Consequently, the structured use of Chinese, Russian, and English within the SCO serves as a practical manifestation of its pluralistic language ideology and acknowledges the identity functions associated with these languages.

Furthermore, language functions as a primary carrier of culture within the SCO framework. The designation of Chinese as an official language, influenced by China's role as a founding member and its promotion of concepts such as seeking common ground amidst differences ("求同存异") and the vision of a "community with a common future for mankind," reflects the language's role in conveying specific cultural and philosophical perspectives that contribute to the SCO's internal dynamics. Similarly, the status of Russian as a common language of inter-ethnic communication for Russia and Central Asian member states stems from shared historical and cultural legacies, embedding specific cultural traditions within the organization's discourse.

As an outwardly oriented regional organization, the SCO prioritizes external communication and the global dissemination of its principles and objectives. In this context, the English language functions as a key medium for projecting the SCO's narrative and engaging with the wider international community.

Conclusion

In conclusion, the language policy framework of the Shanghai Cooperation Organization emerges as a significant case study illustrating the complex interplay between globalizing forces, organizational ideology, and the pragmatic management of multilingualism within contemporary international bodies. The official designation of Chinese and Russian as working languages, complemented by the de facto operational use of English, is not merely an administrative formality. Rather, it reflects a deliberate strategy deeply rooted in the SCO's guiding principles, particularly the "Shanghai Spirit," which emphasizes mutual respect, consultation, and the recognition of civilizational diversity.

The analysis indicates that this tripartite language configuration serves multiple functions: it acknowledges the significant cultural, historical, and political weight of Chinese and Russian within the SCO's primary regional sphere of influence, aligning with member states' identities and facilitating internal communication rooted in shared legacies or strategic partnerships. Simultaneously, the inclusion of English addresses the practical necessities of external communication and engagement with the broader international community.

Therefore, the SCO's language policy embodies the organization's attempt to navigate the inherent tensions between upholding the linguistic and cultural plurality of its diverse membership and the functional requirements for effective cooperation, mutual understanding, and the pursuit of common development goals outlined in its foundational documents and declarations. This policy framework underscores how language choices in international organizations are strategically deployed to reflect core values, manage internal dynamics, and project a specific identity onto the global stage.

References:

1. Spolsky, B. (2019). A modified and enriched theory of language policy (and management). *Language Policy* 18, 323–338.
2. Silverstein, M. (1979). Language Structure and Linguistic Ideology. In Clyne, P. R. Hanks, W. F. & Hofbauer, C. L. (Eds.), *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels* (pp.193-248). Chicago: Chicago Linguistic Society.

©Akramova M.A., 2025

Korieva Ravzakhon Ghulomjonovna,

a second-year master's degree student in the faculty of oriental languages, SEI "Khujand State University named after acad. B.Gafurov" (Tajikistan Republic, Khujand)

THE POLITICAL SITUATION OF THE ARABIAN PENINSULA IN THE PRE-ISLAMIC ERA

The smallest constituent unit of the tribe, comprising the inhabitants of several tents, was termed the hay. The members belonging to each hay were known as the qawm. A tribe was formed precisely from an aggregation of qawm groups closely related by blood and lineage. From among these qawm, a leader (rais) was selected for the tribe.

Keywords:

literary significance, "Nabighat al-Dhubyani, Arabic literature.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ДОИСЛАМСКУЮ ЭПОХУ**Кориева Равзахон Гуломджоновна,**

магистрант второго года обучения факультета восточных языков
ГОО «Худжандский государственный университет имени акад. Б. Гафурова»
(Республика Таджикистан, г. Худжанд)

Самая маленькая составная единица племени, включающая жителей нескольких палаток, называлась хай. Члены, принадлежащие к каждому хай, были известны как қawm. Племя было сформировано именно из объединения групп қawm, тесно связанных кровью и происхождением. Из числа этих қawm для племени выбирался лидер (rais).

Ключевые слова:

литературное значение, «Набигат ад-Дхубьяни», арабская литература.

1. Introduction

Due to the division of the inhabitants of the Arabian Peninsula into Bedouins (nomads, badyanishinon) and settled populations (hazariyon, town-dwellers), the society of the pre-Islamic era (jahiliyya) primarily existed in two forms. The predominant structure was tribal, alongside a secondary structure comprising small, semi-civilized state-like entities characterized by towns and rudimentary systems of governance. In the pre-Islamic society, where Bedouins constituted the majority of the population, the tribal system held paramount importance.

The tribal leader, referred to as shaykh or sayyid, was expected, in addition to advanced age, to possess qualities such as courage, leadership ability, and strategic foresight. The leader's responsibilities encompassed resolving issues of peace and war with other tribes, adjudicating internal disputes among tribal members, managing access to pastures and water resources, organizing migrations (kuchbandi), and selecting migration destinations, among similar matters. However, prior to declaring a ruling on any issue, consultation with the leaders of the constituent qawm was mandatory, requiring consideration of their viewpoints before a final decision was rendered [3, 14].

The number of Arab tribes was considerable, but among them were prominent tribes that played significant and influential roles in the political and social life of the pre-Islamic era. These tribes are frequently mentioned in literary and historical sources. The Southern Arab tribes primarily originated from the larger tribal confederations of Himyar and Kahlan. Notable tribes descending from Himyar include the Quda'a, Tanukh, Kalb, Juhaynah, and Udhrak. Conversely, the tribes Tayy, Hamdan, Amilah, Judham, Lakhm, and Kindah trace their origins to Kahlan. Furthermore, the tribes of the Ghassanids, Khuza'a, Aws, and Khazraj descended from the Azd tribal group.

Among the Northern Arabs, also known as the Adnani, prominent and well-known tribes included the Mudar, Qays, Aylan, Hawazin, Sulaym, Ghatafan, Tamim, Hudhayl, Kinanah, Quraysh, Rabi'ah, Asad, Wa'il, Bakr, Taghlib, and Banu Hanifa [3, 15].

Among the tribes of the pre-Islamic era (jahiliyya), protracted warfare occurred with frequency. The catalysts for these conflicts included the acquisition of livestock, pastures, wells, and cultivated lands belonging to other tribes, as well as the imperative of blood revenge (qisas) for the killing of a tribal member or highly valued livestock, such as camels or horses. Within the pre-Islamic Bedouin context, exacting vengeance was obligatory; the principle of "blood for blood" was enshrined in tribal law, mandating that a relative of the deceased must inevitably take the life of the perpetrator. The pursuit of vengeance could persist for extended periods, sometimes spanning 40 years or more. During this time, avengers might abstain

from wine, intimate relations, and perfumes, considering them forbidden (haram), and no member of the tribe possessed the right to contravene the code of vengeance [3, 16].

Wars were commonly named after their location or inciting cause and could endure for decades. A notable example is the Harb al-Basus (War of Basus), which erupted between the Bakr and Taghlib tribes towards the end of the 5th century CE and lasted for 40 years. This conflict originated when Kulayb, the leader of the Taghlib tribe, killed a camel belonging to the maternal aunt of Jassas ibn Murrah, a leader of the Bakr tribe. In retaliation for the camel, Jassas killed Kulayb. Warfare and bloodshed among the Arab tribes were proscribed only during four specific months, designated as the sacred months (ashhur al-hurum): Rajab, Dhu al-Qa'dah, Dhu al-Hijjah, and Muharram. Another well-known conflict among the pre-Islamic tribes was the Harb Dahis wa al-Ghabra (War of Dahis and Ghabra). This war commenced due to a competition between two horses, Dahis and Ghabra, after which the conflict is named. Qays ibn Zuhayr, leader of the Abs tribe, and Hudhayfah ibn Badr, leader of the Dhubyan tribe, initiated a horse race. Dahis, the horse belonging to the Abs leader, was nearing victory when an individual from the Dhubyan tribe, lying in ambush, obstructed Dahis, causing it to veer off course. Consequently, Ghabra, the horse of the Dhubyan leader, surpassed Dahis. Qays ibn Zuhayr protested this unsportsmanlike action, demanding the victor's prize, an event which ultimately precipitated a protracted war between the Abs and Dhubyan tribes [8, 100].

The War of Dahis and Ghabra concluded when prominent figures from the Abs tribe, Harim ibn Sinan and Harith ibn Awf, accepted blood money (diyah) from the elders of the Dhubyan tribe as compensation for those killed, thereby consenting to peace between the two tribes. This conflict subsequently formed the basis for the celebrated epic known as the Qissat Antarah (The Romance of Antarah).

Among the local Arab polities of the pre-Islamic era was the Himyarite Kingdom, which existed until the sixth century CE. The last individual known to have ruled this state was Dhu Nuwas (c. 525 CE).

Another significant Arab state during this period was the Lakhmid polity (Manadhirah), headquartered in the city of Al-Hirah in Iraq. Established early in the third century CE, this state operated under the protection and suzerainty of the Sasanian Empire, to whom it paid tribute, and it persisted until the Islamic conquests in Persia and Iraq.

A renowned ruler of this state was Nu'man I ibn Mundhir (r. c. 400-418 CE), a tributary of the Sasanian emperor Bahram V (Bahram Gur), who commissioned the construction of the famous palaces of Khawarnaq and Sadir.

Other notable rulers from this dynasty include Mundhir III, known as Ibn Ma' al-Sama' ("Son of the Sky Water," r. c. 505-554 CE), and Amr ibn Hind (Amr III ibn al-Mundhir, r. c. 554-569 CE), whose names are frequently mentioned in both Arab and Persian poetry. Another Arab polity of the pre-Islamic period was the domain of the Ghassanids in Syria (Sham), with its capital reportedly situated in the city of Chalcis [Translator's Note: Ghassanid capitals shifted; precise location often debated, Jabiya and Bosra are also prominent]. The Ghassanid rulers were under the protection and suzerainty of the Roman (Byzantine) Empire.

One of the most famous Ghassanid kings was Al-Harith II ibn Jabalah, known as al-A'raj ("the Lame," r. c. 529-569 CE), who is stated [in this source] to have captured Al-Hirah in a renowned battle [Translator's Note: Historically known as Yawm Halima, where the Ghassanids defeated the Lakhmids, typically dated near Chalcis/Qinnasrin, not necessarily resulting in the capture of Al-Hirah itself]. This ruler gathered numerous poets at his court during his reign. An additional state of this era was the Kingdom of Kindah, located in Najd, which endured for approximately one century (c. 450-540 CE). The celebrated pre-Islamic Arab poet Imru' al-Qays is considered to be from this royal lineage [3, 17].

In conclusion, the Arabian Peninsula, which today largely corresponds to Saudi Arabia, is currently [one of the] powerful states. As previously discussed, due to being surrounded by seas, it was historically termed

a peninsula (Shibh Jazira). As indicated above, the political, scientific, and economic conditions of pre-Islamic Arabia faced certain limitations. The land's low fertility and scarce rainfall created unfavorable conditions for agriculture and pastoralism, and the population experienced shortages of potable water. The state of science and literature during the Jahiliyyah period is described [here] as moderate, with few formal schools available for children's education. Nevertheless, despite these shortcomings, many individuals reportedly pursued advanced learning, furthering their education with the great literary figures of that era.

References

1. Blachère, R. (1966). Histoire de la Littérature Arabe des origines à la fin du XVe siècle de J.-C. Maisonneuve.
2. Ibn Qutaybah, A. (1992). Kitab al-Shi'r wa-al-Shu'ara'. Dar al-Hadith.
3. Lyons, M. C. (1990). The Arabian Epic: Heroic and Oral Story-telling. Cambridge University Press.
4. Monroe, J. T. (2003). Oral Composition in Pre-Islamic Poetry. Journal of Arabic Literature, 24(1), 1-53.
5. Nicholson, R. A. (1907). A Literary History of the Arabs. T. Fisher Unwin.
6. Stetkevych, J. (1986). The Ritha' of Ta'abbata Sharran: A Study of Blood-Vengeance in Early Arabic Poetry. Journal of Semitic Studies, 31(1), 27-45.
7. Stetkevych, S. P. (1993). The Mute Immortals Speak: Pre-Islamic Poetry and the Poetics of Ritual. Cornell University Press.

©Korieva R.Gh., 2025

Mahmudova Farzona Farhodjonovna,

Assistant of the Department of Foreign Languages, Institute of
Economics and Trade of the Tajik State University of Commerce

COMPARATIVE ANALYSIS OF MORPHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE ENGLISH PREPOSITION AT AND ITS TAJIK EQUIVALENTS

The given article dwells on the morphological peculiarities of linguistic units used in Tajik to convey meanings typically expressed by the English preposition at. This study utilizes a comparative-contrastive methodology, analyzing instances from Sadriiddin Aini's seminal work "Reminiscences". The analysis focuses on identifying Tajik equivalents for *at* in contexts of location, time, direction, and state, and meticulously examines their morphological composition.

Keywords:

preposition, Tajik language, morphological analysis, comparative linguistics, case system.

Махмудова Фарзона Фарходджонова,

ассистент кафедры иностранных языков Института экономики и торговли
Таджикского государственного университета коммерции

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛИЙСКОГО ПРЕДЛОГА AT И ЕГО ТАДЖИКСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

В данной статье рассматриваются морфологические особенности языковых единиц, используемых в таджикском языке для передачи значений, обычно выражаемых английским

предлогом *at*. В этом исследовании используется сравнительно-сопоставительная методология, анализируются примеры из основополагающего труда Садриддина Айни «Воспоминания». Анализ фокусируется на выявлении таджикских эквивалентов для *at* в контекстах местоположения, времени, направления и состояния, а также тщательно изучается их морфологический состав.

Ключевые слова:

предлог, таджикский язык, морфологический анализ, сравнительная лингвистика, падежная система.

1. Introduction

Prepositions constitute a fundamental word class in many languages, primarily serving to express grammatical and semantic relationships between a complement (typically a noun phrase) and another element in the clause [2; 3]. In English, prepositions like *at*, *in*, *on*, *to*, etc., form a closed class of largely invariable words that carry significant functional load, encoding complex spatial, temporal, and abstract relations. The English preposition *at* is particularly polysemous, indicating point location (at the station), specific time (at 5 o'clock), direction (look at the picture), state (at peace), activity (good at math), and more [4; 5]

This study aims to bridge this gap by conducting a comparative morphological analysis of the English preposition 'at' and its functional equivalents in Tajik.

2. Methods

This study employs a qualitative approach based on comparative-contrastive analysis and descriptive linguistics. The core methodology involves the following steps:

1. Corpus Selection: The primary source of Tajik data is Sadriddin Aini's "Reminiscences". This work was chosen for its significance in Tajik literature, its rich narrative style providing diverse linguistic contexts, and its availability.

2. Data Collection: Instances in the Tajik text expressing semantic notions typically conveyed by the English preposition 'at' (point location, specific time, direction towards a point, presence in a state or activity) were identified. This involved careful reading and semantic interpretation of the Tajik original.

3. Morphological Analysis:

The English preposition 'at' was analyzed as a morphologically simple, invariable free morpheme.

Each identified Tajik equivalent underwent morphological decomposition. This involved identifying the root/stem and any affixes (prefixes, suffixes, case endings). For case endings like *-да*, the analysis focused on its status as a bound morpheme attached to a nominal base. For prepositions like *дар*, its status as a free morpheme was noted.

3. Results

The analysis of Sadriddin Aini's "Reminiscences" revealed several distinct morphological strategies in Tajik for expressing meanings corresponding to the English preposition *at*. The most prominent are the preposition *дар* and the locative case suffix *-да*.

3.1. The Preposition `дар` (dar)

The preposition *дар* is a frequent equivalent for English 'at' (and often 'in'), typically indicating location or time. Morphologically, *дар* is a free morpheme, an invariable word, much like English prepositions.

Example 1: Location

Вақте ки ман *дар мактаб* будам, падарам маро ба назди муаллими дигар бурд - When I was *at school*, my father took me to another teacher [1, p. 45].

Tajik: *дар* (preposition, free morpheme, invariable) + *мактаб* (noun, 'school', stem). The preposition precedes the noun. **English:** *at* (preposition, free morpheme, invariable) + *school* (noun, stem). The preposition precedes the noun. In this instance, the morphological structure is analogous. Both *дар* and *at* are invariable prepositions (free morphemes) preceding the noun.

Example 2: Time (Point/Period)

Мо дар вақти намози шом ба хона расидем - We arrived home *at* the time of the evening prayer [1, p.90].

Tajik: *дар* (preposition, free morpheme, invariable) + вақт (noun, 'time', stem) + -и (izofat marker) + намоз (noun, 'prayer') + -и (izofat marker) + шом (noun, 'evening'). *дар* governs the entire noun phrase.

English: *at* (preposition, free morpheme, invariable) + the time of the evening prayer (noun phrase). Again, *дар* functions as an invariable free morpheme, morphologically similar to *at* in its invariability. The complexity lies in the Tajik noun phrase structure (using izofat), not in the preposition itself.

3.2. The Locative Case Suffix `да` (-da)

A significant point of morphological divergence arises with the use of the locative case suffix -да. This suffix attaches directly to nouns or pronouns, marking location or time. This is an agglutinative feature absent in English prepositional syntax.

Example 3: Location

Падарам хонада набуд - My father was not *at home* [1, p.120].

Tajik: хона (noun, 'home', stem) + -да (locative case suffix, bound morpheme). The meaning of location is encoded by a suffix attached to the noun itself. **English:** *at* (preposition, free morpheme, invariable) + home (noun, stem). The meaning of location is encoded by a separate word preceding the noun. This shows a stark morphological contrast. Tajik uses a bound morpheme (-да) attached to the noun stem, altering the word's form (хона -> хонада). English uses a free morpheme (*at*) which remains separate and invariable. This highlights the agglutinative nature of Tajik case marking versus the analytic nature of English prepositional phrases.

4. Discussion

The results clearly demonstrate that the morphologically simple and invariable English preposition 'at' corresponds to morphologically diverse structures in Tajik. The primary contrast lies between the analytic strategy dominant in English (using a separate, invariable function word 'at') and the mixed strategies in Tajik, which include both analytic means (the invariable preposition *дар*) and agglutinative means (the locative case suffix -да).

The use of the preposition *дар* presents a morphological parallel to English 'at'. Both are free morphemes functioning as relational markers preceding their complements. This reflects the analytic aspect of Tajik grammar, likely influenced by historical developments and contact with other languages [5].

However, the existence and frequent use of the locative case suffix -да represent a significant morphological and typological divergence. Where English requires a separate word ('at') to indicate location or time, Tajik can encode this meaning directly onto the noun or nominal element by appending a suffix. This process of agglutination – adding suffixes to a stem without significantly changing the stem itself – is a hallmark feature absent in this domain of English grammar [2; 3; 4; 5]. The analysis of examples like *хонада* (*khonada*) and *дастамда* (*dastamda*) from Aini's text vividly illustrates this structural difference. The word form itself changes in Tajik to incorporate the locative meaning, whereas in English, the noun form remains constant ('home', 'hand'), and the relation is marked externally by 'at'.

5. Conclusion

This comparative analysis revealed significant morphological divergence in the expression of meanings corresponding to the English preposition 'at' in Tajik. While the invariable English *at* represents an analytic strategy, Tajik employs both an analogous analytic structure with the invariable preposition *дар* and a distinct agglutinative strategy using the locative case suffix -да. This suffix, attaching directly to nominal stems, fundamentally alters the word's morphology in a way that has no parallel in the English prepositional phrase headed by 'at'.

References:

1. Айни С. Ёддоштҳо. Ҷ. I. Душанбе; Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1949. 255 с.
2. Граматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с.
3. Iriskulov, A. T. (2017). Comparative analysis of semantic features of spatial prepositions in English and Uzbek languages. *International Journal of Research in Social Sciences and Humanities*, 7 (4), 1-10.
4. Lorenz, M. (2012). Tajik. In G. Windfuhr (Ed.), *The Iranian Languages*. pp. 560-609. Routledge.
5. Rakhimov, M. (2018). Functional-semantic analysis of prepositions in Tajik and English languages. *Science and Education*, 2 (5), 450-453.

©Mahmudova F.F., 2025

Mirusmonova Rukhshona Ozodjonovna,

a second-year master's degree student in the faculty of oriental languages, SEI "Khujand State University named after acad. B.Gafurov" (Tajikistan Republic, Khujand)

COMPARATIVE ANALYSIS OF DRAGON AND BIRD`S SYMBOLS IN CHINESE AND IRANIAN MYTHS

The given article dwells on the issues of a comparative analysis of dragon and bird`s symbols in Chinese and Iranian myths. A fundamental divergence lies in the overarching cosmological framework within which these animal narratives are situated. Chinese mythology frequently emphasizes harmony, equilibrium (Yin and Yang), and cyclical renewal. Conversely, Iranian mythology, particularly under the influence of Zoroastrianism, often depicts a dualistic cosmic struggle between good (Ahura Mazda) and evil (Angra Mainyu).

Keywords:

comparative analysis, dragon and bird`s symbols, Chinese and Iranian myths.

Мирусмонова Рухшона Озоджонова,

магистрант второго курса факультета восточных языков
ГОО «Худжандский государственный университет имени акад. Б. Гафурова»
(Республика Таджикистан, г. Худжанд)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИМВОЛОВ ДРАКОНА И ПТИЦЫ В КИТАЙСКИХ И ИРАНСКИХ МИФАХ

В данной статье рассматриваются вопросы сравнительного анализа символов дракона и птицы в китайских и иранских мифах. Фундаментальное расхождение заключается в общей космологической структуре, в которой находятся эти рассказы о животных. Китайская мифология часто подчеркивает гармонию, равновесие (Инь и Ян) и циклическое обновление. Напротив, иранская мифология, особенно под влиянием зороастризма, часто изображает дуалистическую космическую борьбу между добром (Ахура Мазда) и злом (Ангра-Майнью).

Ключевые слова:

сравнительный анализ, символы дракона и птицы, китайские и иранские мифы.

1. Introduction

Chinese and Iranian myths, although geographically and culturally distinct, both utilize animals to embody abstract concepts, convey moral lessons, and populate their cosmological landscapes. However, the roles, symbolism, and narrative functions attributed to these animals differ significantly, reflecting distinct cultural values, worldviews, and historical experiences. This comparative analysis examines how environmental factors, social structures, and religious beliefs have shaped these distinct animal narratives.

Key differences emerge in the representation of animal symbols:

– **Dragons:** Chinese dragons symbolize benevolent power, wisdom, and life-giving rain, while Iranian dragon-like figures (e.g., Azi Dahaka) are often malevolent and destructive, representing chaos, oppression, and the forces of darkness.

– **Birds:** The Chinese Phoenix embodies cyclical renewal and harmony, while the Iranian Huma symbolizes divine blessing and kingship.

2. Main results

2.1. Cosmological Framework and Animal Symbolism:

A fundamental divergence lies in the overarching cosmological framework within which these animal narratives are situated. Chinese mythology frequently emphasizes harmony, equilibrium (Yin and Yang), and cyclical renewal. Conversely, Iranian mythology, particularly under the influence of Zoroastrianism, often depicts a dualistic cosmic struggle between good (Ahura Mazda) and evil (Angra Mainyu). This contrasting worldview influences the representation of even superficially similar creatures:

– *Dragon-like creatures:* The Chinese dragon, symbolizing benevolent power, wisdom, and life-giving rain, contrasts sharply with the often malevolent and destructive dragon-like figures (e.g., Azi Dahaka) in Iranian literature, which represent chaos, oppression, and the forces of darkness. This distinction underscores contrasting approaches to understanding natural forces and their role within the cosmos.

– *Auspicious birds:* While both cultures feature prominent birds associated with divinity and kingship, their specific attributes and functions differ. The Chinese Phoenix embodies cyclical renewal and harmony, whereas the Iranian Huma symbolizes divine blessing and kingship, reflecting differing cultural priorities and interpretations of the relationship between the earthly and divine realms.

2.2. Environmental Influences:

Geographic and ecological factors likely played a role in shaping the animal narratives of these cultures.

– *Chinese River Systems and Monsoonal Climate:* The association of the Chinese dragon with water, rain, and flooding reflects the significance of these elements for Chinese agriculture and daily life. The reverence for mountains and rivers as sacred sites further contributed to the elevated status of the dragon.

– *Arid and Mountainous Iranian Landscapes:* The prevalence of creatures such as the Simurgh, dwelling atop mythical mountains, and the Huma, perpetually soaring in the sky, may reflect the importance of mountains and the sky in the Iranian worldview. The presence of dangerous creatures like snakes and wolves in harsh landscapes also contributed to their ambivalent symbolism.

2.3. Social Structures and Political Ideologies:

The social and political structures of these societies also influenced the development of animal narratives.

– *Imperial Authority in China:* The association of the dragon with the emperor and imperial power solidified its status as a symbol of authority, prosperity, and the divine mandate. The Phoenix, often paired with the dragon, represented the empress and feminine power within the imperial structure.

– *Kingship and Heroism in Iran:* The Simurgh's role in guiding and protecting heroes in the Shahnameh reflects the importance of heroic figures and divine intervention in the Iranian epic tradition. The Huma's association with kingship reinforces the divine right of rulers.

2.4. Religious and Philosophical Underpinnings:

Religious and philosophical beliefs profoundly shaped the ethical and symbolic aspects of animal narratives.

– *Daoism and Confucianism*: The emphasis on harmony, balance, and interconnectedness of nature in Daoism and Confucianism influenced the generally benevolent portrayal of animals in Chinese mythology.

– *Zoroastrianism*: The dualistic worldview of Zoroastrianism, with its emphasis on the cosmic struggle between good and evil, shaped the portrayal of animals as either allies of Ahura Mazda or servants of Angra Mainyu. This ethical framework contributed to a more polarized representation of individual animals in Iranian mythology.

2.5. Cross-Cultural Exchange:

Despite their differences, it is important to acknowledge the potential for cross-cultural exchange and influence between these traditions, particularly along the Silk Road. Further research could investigate the transmission of animal motifs and narratives between China and Iran, and the ways in which they were adapted and interpreted within each respective cultural context.

By analyzing these various factors, we can gain a deeper understanding of the complex and nuanced ways in which animals have become integrated into the mythological landscapes of Chinese and Iranian cultures. This comparative approach illuminates not only the distinct characteristics of each tradition but also the shared human impulse to seek meaning and understanding through the symbolic power of the animal world.

3. Discussion

The cosmological framework significantly influences these narratives. Chinese mythology emphasizes harmony and cyclical renewal, whereas Iranian mythology, particularly under Zoroastrian influence, often depicts a dualistic cosmic struggle between good and evil. This contrast impacts the portrayal of even seemingly similar creatures.

Environmental factors, such as the river systems in China and mountainous landscapes in Iran, also contribute to the shaping of animal narratives. The association of Chinese dragons with water reflects the importance of rivers and monsoons for agriculture, while the prevalence of Simurgh in Iranian myths mirrors the significance of the mountains and sky. Social structures and political ideologies also affect animal lore.

The association of the dragon with the Chinese emperor reinforces its status as a symbol of imperial power. The role of the Simurgh in guiding heroes in the Shahnameh reflects the importance of heroic figures in Iranian epic tradition. Religious beliefs, such as Daoism and Confucianism in China and Zoroastrianism in Iran, have profoundly shaped the moral and symbolic aspects of animal narratives.

4. Conclusion

Thus, a comparative analysis of animal narratives in Chinese and Iranian mythology reveals the profound impact of cultural context on shaping human perceptions and representations of the animal world. This research underscores the diverse functions of animal symbolism – from conveying moral lessons and embodying abstract concepts to explaining natural phenomena and reinforcing social hierarchies. By understanding these narratives, we gain valuable insight into the cultural values, beliefs, and worldviews of these two ancient civilizations.

References:

1. Campbell, J. (2008). *The Hero with a Thousand Faces*. New World Library. 418 pp.
2. Davis, D. (2007). *“Shahnameh”: The Persian Book of Kings (Abridged translation)*. Penguin Classics. 886 pp.
3. Eliade, M. (1963). *Myth and Reality*. Harper & Row. 279 pp.
4. Hall, S. (Ed.). (1997). *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. Sage. 307 pp.

©Mirusmonova R.O., 2025

Абдыкадырова Сюита Рысбаевна
Медетбек кызы Акжибек
Ошский государственный университет
г. Ош, Кыргызстан

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЫРГЫЗСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация

В данной работе речь идет о гендерном факторе, который универсально проявляется во всех языках и культурах. Актуальность данного исследования выражена возрастающим интересом к проблеме гендера в языке, так как мы все являемся частью общества, а значит, испытываем влияние гендерных стереотипов на себе. В исследовании рассмотрена гендерная концептосфера в фольклорных текстах кыргызского народа. С нашей точки зрения, материалов и работ, посвященных взаимодействию концептологических явлений гендера, довольно мало, особенно если учесть это с точки зрения жанра сказки. Цель исследования – провести анализ гендерных особенностей в кыргызских народных сказках. В работе использованы методы исторического анализа, описательный и аналитический метод. Анализ фольклора с точки зрения проявления в нем гендерного фактора позволяет взглянуть на язык как на средство выражения гендерных стереотипов и на способ их оформления.

Ключевые слова:

фольклор, гендер, культура, язык, сказка.

Abdykadyrova Siuita Rysbaevna
Medetbek kyzy Akzhibek
Osh State University
Osh, Kyrgyzstan

GENDER FEATURES OF KYRGYZ FOLKLORE TEXTS

Abstract

This paper deals with the gender factor, which is universally manifested in all languages and cultures. The relevance of this study is expressed by the growing interest in the problem of gender in language, since we are all part of society, and therefore experience the influence of gender stereotypes on ourselves. The study examines the gender conceptual sphere in the folklore texts of the Kyrgyz people. From our point of view, there are very few materials and works devoted to the interaction of conceptual phenomena of gender, especially if we take this into account from the point of view of the fairy tale genre. The purpose of the study is to analyze gender characteristics in Kyrgyz folk tales. The work uses methods of historical analysis, descriptive and analytical methods. Analysis of folklore from the point of view of the manifestation of the gender factor in it allows us to look at language as a means of expressing gender stereotypes and the way they are designed.

Keywords:

folklore, gender, culture, language, fairy tale

В настоящее время в Кыргызстане становится все больше современной лингвистической литературы, которая посвящена изучению взаимоотношений и взаимовлияний гендера и языка, и это

вызвано, как минимум, двумя причинами. Во-первых, в Кыргызстане до конца 1990-х гг. соответствующего направления исследований в целом не существовало. В связи с этим представляется естественной попытка отечественных ученых восполнить данный пробел. Во-вторых, закономерным является их стремление ввести в научный оборот и адаптировать обширную западную, прежде всего англоязычную, традицию гендерно-ориентированных исследований.

Следует также упомянуть, что гендер относится к факторам, всегда в той или иной мере присутствующим в коммуникации: в некоторых контекстах он ощутим явно, в других – как имеющий значение фон. Возникший во второй половине XX века в гуманитарных науках антропоориентированный подход обозначил повышенный интерес к различным параметрам человеческой личности, в том числе к человеку как социально обусловленному мыслительному конструкту. Анализ языка не как системы, но как результата речевой деятельности человека способствует глубокому проникновению в пространство культуры; при этом повышается значение изучения языковой личности.

Гендерные исследования – сравнительно новый подход к изучению языковых явлений. Большой вклад в изучение данной проблематики внесли такие отечественные ученые как О.Л. Антинескул; А.А. Григорян; И.В. Грошев; И.А. Гусейнова; М.А. Дмитриева; И.А. Жеребкина; Н.Н. Запольская; Г. И. Зверева; В.И. Карасик; А.В. Кирилина; М.В. Крапивкина; Г.Е. Крейдлин; А.М. Кузнецов; Н.Л. Пушкарева; О.В. Рябов; И.Г. Серова; М. В. Томская; И. И. Халеева; Ж. В. Чернова.

В Кыргызстане вопросу изучения гендера обращались Бутешова А.Р., Алиярова М.Ю., Ашимова М.Р., Шадыманова Ж.Ж., Межакова И.В., проблемы гендера в языке изучали К.З. Зулпукаров, З.К. Караева, А.А. Акматова, А.М. Жороева и др.

Символично-семантическая теория, разработанная такими пионерами языкознания, как Якоб Гримм и Вильгельм фон Гумбольдт, стала одной из первых попыток объяснить влияние гендера на язык. Эта теория заложила основу для дальнейших исследований влияния гендера на языковые особенности.

В своей статье «Гендерная проблематика в языкознании» Е.И. Горошко подчеркивает, что включение гендерного анализа в лингвистику произошло сравнительно поздно – во второй половине XX века. Это объясняется общими тенденциями развития гуманитарных наук, где гендерные исследования начали активно развиваться лишь в последние десятилетия.

Современная гендерная лингвистика стремится рассмотреть этот комплекс факторов в своем взаимодействии, чтобы получить более полное и адекватное представление о взаимосвязи языка и гендера. Анализ включает изучение гендерных стереотипов, отраженных в языке, а также исследование способов социальной конструкции гендера с помощью языковых средств [1, с. 98].

Научное направление, занимающееся исследованиями гендера в лингвистике получило название гендерная лингвистика или лингвистическая гендерология. Гендер, являясь продуктом культуры, образуется в словесности, письменности. С давних времен на формирование и усвоение представлений о женщинах и мужчинах влияет устное народное творчество [2, с. 669].

Устное народное творчество являлось ключевым способом передачи опыта и знаний между поколениями. Фольклор развивался в рамках народной культуры, удовлетворяя нужды общества и, главным образом, выполняя информационную функцию. В этих текстах отразились представления людей о социальном устройстве, семейных традициях и взаимоотношениях между мужчинами и женщинами.

Принцип бинарности характерен почти для всех народов:

- для славянского мира: еще в языческие времена сформировались представления о *Матери-земле* и *Отце-небе*, любовь которых создала все живое на земле, а для фольклора упоминание образа

Матушки-земли стало обязательным.

- принятие кыргызами мусульманской веры изменило восприятие небесного *Отца* (Тенир), однако почитание *Матери-земли* (Жер-Эне) прочно закрепилось в сознании кыргызов; до сих пор мы используем в своей речи фразы, в которых упоминается земля (*Байлыктын атасы — эмгек, энеси — жер* - Отец богатства — труд, мать — земл, *Жер байлыгы — эл байлыгы*- Богатство земли — это богатство народа; *Жер кулагы жети кат* - У земли семь колосье; *Дыйкандын даңкын — жер билет* - Земля знает славу земледельца) и т.п.

Следовательно, человек – плод высшей, сакральной любви. Каждая семья – отражение божественного союза, а в мужчинах и женщинах сохраняется частица великой созидательной силы.

Изучение мифологии народов мира демонстрирует, что развитие общества происходило через противопоставление природы и культуры. Это означает, что социальные начала утверждались путем подчинения и освоения природных элементов [3, с. 599].

Интерес людей к своим «корням», особенностям той культуры, в которой они живут и развиваются, вполне закономерен. А одним из источников этих «корней» являются **народные сказки**, в которых, по словам ряда специалистов, зашифрованы важнейшие послания предков, позволяющие человеку лучше понять самого себя и других, сориентироваться в происходящем и осмыслить то, как можно решать те или иные жизненные задачи [4, с. 139]. В этих зашифрованных посланиях из поколения в поколение транслируются различные информационные матрицы, среди которых можно выделить и матрицу этнической и гендерной идентичности, то есть стереотипы, иллюстрирующие специфику восприятия этноса «изнутри» [4, с. 146].

Бытовая сказка представляет собой отражение основных ценностей народа и его взглядов на роли мужчин и женщин в обществе, а также их место в социальной среде. Она служит инструментом для анализа современных гендерных отношений, включая бытовой аспект человеческой деятельности. В данном исследовании под бытовой сказкой подразумевается текст, который сформировался в результате адаптации мифологических повествований к новым историческим условиям [5, с. 51], где мифологические рассказы – это «особый, своеобразный жанр фольклора, заключающий в себе богатейший нравственно-этический, педагогический и художественный опыт народа» [4, с.162].

Народная сказка является одним из средств эффективного формирования гендерных представлений. Благодаря сказке мы познаем окружающий мир, овладеваем разнообразным полоролевым репертуаром, особенностями взаимоотношения полов. Сказки обучают и создают эмоциональную положительную модель гендерного поведения. Народные сказки – своеобразные первые учебники жизни в семье, в них аккумулировалась педагогическая культура народа.

Фольклорные материалы предоставляют возможность изучить представления о бытовых ролях мужчин и женщин в рамках архаичного жизненного уклада, а также оценить значение гендерных отличий, запечатленных в мировоззрении наших предков. Именно эти различия послужили основой для формирования гендерных стереотипов — принципов поведения, присущих представителям разных полов. Они, в свою очередь, влияют на формирование национального менталитета и передают народное восприятие окружающего мира [5, с. 54]. Эти тексты интересны для современных исследователей потому, что «выражают сознание народа на разных ступенях его исторического развития в разных формах... В эпосе огромный исторический опыт народа обобщается в художественных образах необычайной силы» [6].

К примеру, большой пласт кыргызского фольклора представлен героическим эпосом, включающим в себя мифы, сказки и исторические песни. На материале эпических фольклорных текстов, отражающих идеальную действительность, мы можем рассмотреть, как функционировали в

древнем обществе представления о социальной роли мужчины и женщины. Эпические тексты были предназначены исключительно для мелодического исполнения и посвящались подвигам батыров, ханов. Следовательно, здесь на первый план выходит мужчина, причем исключительно как *воин*, *защитник*. В первую очередь, герои эпических сказаний наделяются большой физической силой, однако им также присущи *мудрость*, *рассудительность*.

Национально-культурные аспекты лингвистической гендерологии кыргызов отражаются, прежде всего, в гендерных стереотипах, гендерных ролях, традиционно закрепленных за мужчинами и женщинами. Так, например, мужчина-кыргыз наделяется ролью «главы семьи», «добытчика», «кормильца», «защитника» и «советчика». Следует отметить, что авторитет *мужа/отца* очень высок. Так, в пословицах большое внимание уделяется положению мужчин в обществе, авторитарности их поведения, а также незаменимости мужчин в семье: *Алган эри жарашса, кара катын ак болот* - Если муж хорош, то и рябая жена станет красивой; *Эри сүйбөс катынга эндик-упа не пайда?*- Зачем наводить косметику жене, если мужу это не по себе?; *Аялдын чачы узун болгон менен акылы кыска* - Волосы у женщины длинные, а ум короткий; *Эрге жаккан аял элге да жагат*- Женщина, которая нравится мужчине, нравится и народу и т.п.

Как видно из данных примеров, превосходство мужчин над женщинами подтверждается, а порой выступает как неопровержимая, вечная истина.

Традиционная система гендерных стереотипов кыргызов построена на жесткой нормативности. Выполнение мужчинами женских обязанностей вызывает со стороны окружающих негативное отношение, осуждение, следуя наделенными обществом гендерными ролями, мужчины и женщины должны строго их соблюдать. Особенно ярко гендерные стереотипы проявляются в ритуализированном этикете, где мужчина и женщина должны строго следовать предписанному сценарию [7, с. 34]. Заметим, что по сравнению с Россией и странами Европы гендерные стереотипы явно прослеживаются в традиционной культуре кыргызов и в современном обществе.

Исходя из вышеизложенного, видится целесообразным рассмотрение проистекающих из архетипов мифологических образов, к коим относятся и сказочные образы, в качестве одной из составляющих гендерного программирования. Таким образом, ценности и представления, касающиеся роли и места женщины и мужчины в обществе, и связанные с ними гендерные стереотипы и социальные установки регулируются на глубинном ментальном уровне общественного сознания и передаются из поколения в поколение через фольклор.

Мы полагаем, что анализ гендерной информации, заключенной в слове, мифе, сказке, фразеологизмах, пословицах позволит описать представления о мужчине и женщине, закреплённые в самосознании народа, носителя языка-культуры.

Список использованной литературы:

1. Горошко Е. Пол, гендер, язык // Женщина. Гендер. Культура. - М., 1999. - С.98-110.
2. Токтарова Т.Ж. Гендерные особенности фольклорных текстов // Успехи современного естествознания. 2014. № 12-5. С. 669-671
3. Connell R. W. The big picture: Masculinities in recent world history // *Theorie & Society*, 22, 1993. P. 597-623.
4. Назиров Р. Г. Генезис и пути развития мифологических сюжетов // Фольклор народов России. Русский фольклор Башкортостана в его межэтнических отношениях: Межвузовский научный сборник. Уфа: Башкирский университет, 1995. С. 138-166.
5. Костарнова О. С. Специфика объективации гендерных ролей в современных английских и итальянских бытовых сказках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. №1 (843). С.51-56

6. Субакожоева Чолпон Темирбековна Традиции и современность в бытовании эпоса “Манас” // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2020. №3 (64).
7. Здравомыслова Е., Темкина А. Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. Сб. научн. статей / Под ред. Центр независимых социальных исследований. Труды. Вып. 4. - Санкт-Петербург, 1996. 200 с.

©Абдыкадырова С.Р., Медетбек к.А., 2025

Ашрапова Азизахон Икромжоновна,
магистрант второго курса факультета восточных языков
ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова»

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ ОРАТОРОВ И ТУРИСТОВ ИЗ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Социально-экономические последствия многогранны, представляя как возможности (экономический стимул, культурный обмен), так и проблемы (проблемы социальной интеграции, дефицит ресурсов, потенциальная зависимость) для принимающих обществ ЦА. Статья завершается подчеркиванием необходимости в тонких политических подходах в странах ЦА для эффективного и устойчивого управления этими разнообразными потоками, максимизации выгод и смягчения потенциальных негативных последствий.

Ключевые слова:

Китай, Центральная Азия, миграция, туризм, культурный обмен, дорожная инициатива.

Ashrapova Azizakhon Ikromjonovna,
a second-year master`s degree of the Faculty of Oriental Languages,
SEI “Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov”

ON THE ISSUE OF ORATORS` AND TOURISTS` MIGRATION FROM CHINA TO CENTRAL ASIA

The socio-economic impacts are multifaceted, presenting both opportunities (economic stimulus, cultural exchange) and challenges (social integration issues, resource strain, potential dependencies) for CA host societies. The article concludes by highlighting the need for nuanced policy approaches in CA countries to manage these diverse flows effectively and sustainably, maximizing benefits while mitigating potential negative consequences.

Keywords:

China, Central Asia, migration, tourism, cultural exchange, road initiative.

Введение

Центральная Азия (ЦА), регион, исторически находящийся на перекрестке цивилизаций и торговых путей, в XXI веке вновь приобретает стратегическое значение. Одним из ключевых факторов, определяющих современную динамику региона, является растущее влияние Китайской Народной

Республики (КНР). Экономический подъем Китая и его глобальные инициативы, прежде всего «Один пояс, один путь» (ОПОП), запущенная в 2013 году, привели к интенсификации экономических, политических и культурных связей со странами Центральной Азии. Неотъемлемой частью этих процессов стала миграция населения из Китая в регион.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, масштабы китайского присутствия в ЦА, включая инвестиции, торговлю и реализацию инфраструктурных проектов, неуклонно растут, что напрямую влияет на миграционные потоки. Во-вторых, китайская миграция вызывает значительный общественный и политический резонанс в странах ЦА, порождая как ожидания экономического роста, так и опасения, связанные с социальной напряженностью, конкуренцией на рынке труда и потенциальной демографической экспансией (синофобия) [1, 5]. В-третьих, несмотря на актуальность, комплексный анализ различных форм миграции из КНР (включая трудовую, предпринимательскую, образовательную и туристическую) и их последствий для региона остается недостаточным. Часто исследования фокусируются либо на экономических аспектах ОПОП, либо на проявлениях синофобии, оставляя без внимания многообразие миграционных мотиваций и адаптационных стратегий.

Методология

Настоящее исследование носит преимущественно качественно-аналитический характер и базируется на методе систематического обзора и анализа вторичных источников.

Анализ и обсуждение

2. Влияние на страны Центральной Азии:

Последствия китайской миграции для стран ЦА носят двойственный и зачастую противоречивый характер.

Экономические последствия:

Позитивные: Приток инвестиций, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры (хотя часто с привлечением китайских кредитов и подрядчиков), создание рабочих мест (однако доля мест для граждан ЦА часто является предметом споров и критики [4]), рост двусторонней торговли, развитие туризма.

Негативные: Рост долговой зависимости стран ЦА от Китая [4], конкуренция с местными производителями и предпринимателями, непрозрачность многих проектов ОПОП, потенциальная эксплуатация трудовых мигрантов (как китайских, так и местных), репатриация прибыли китайскими компаниями [3, 5].

Социальные и культурные последствия:

Вызовы: Рост социальной напряженности и синофобии, подпитываемый опасениями экономической экспансии, демографического давления, культурных различий, а также ситуацией с правами человека в СУАР [1, 5]. Проблемы интеграции мигрантов, языковые барьеры, формирование замкнутых сообществ (особенно среди рабочих на проектах). Недовольство местного населения часто связано с предполагаемой коррупцией при реализации китайских проектов и недостаточной выгодой для местных сообществ [3].

3. Проблемы и вызовы управления миграцией:

– Недостаток данных: Отсутствие точной и надежной статистики затрудняет адекватную оценку масштабов и разработку эффективной миграционной политики.

– Регулирование трудовой миграции: Необходимость обеспечения прозрачности найма, защиты прав трудящихся (как китайских, так и местных), контроля за соблюдением квот на иностранную рабочую силу.

– Социальная интеграция: Разработка программ по интеграции мигрантов (особенно тех, кто остается на длительный срок), преодолению языковых и культурных барьеров, борьбе с ксенофобией и дискриминацией.

– Информационная политика: Важность объективного освещения вопросов китайской миграции и инвестиций в СМИ для снижения уровня дезинформации и необоснованных страхов [2].

– Региональное сотрудничество: Потенциал для координации миграционной политики между странами ЦА для выработки общих подходов к взаимодействию с Китаем.

4. Туризм как особая форма мобильности:

Хотя туризм часто рассматривается отдельно от миграции, он является важной формой трансграничной мобильности с собственными драйверами и последствиями. Рост китайского туризма в ЦА (до пандемии) был обусловлен как экономическим ростом среднего класса в КНР, так и целенаправленными усилиями стран ЦА и Китая по продвижению туристических маршрутов (особенно связанных с Шелковым путем). Это создает возможности для диверсификации экономики стран ЦА, но требует инвестиций в инфраструктуру (отели, транспорт, гиды со знанием китайского языка) и мер по обеспечению устойчивого развития туризма [5].

Основные выводы исследования:

1. Миграция из КНР в ЦА носит многокомпонентный характер, включая трудовую, предпринимательскую, образовательную миграцию и туризм, причем доминирующей является трудовая миграция, связанная с проектами ОПОП и торговлей.

2. Ключевыми драйверами являются экономические стимулы, подкрепленные политической поддержкой со стороны КНР и (в разной степени) стран ЦА.

3. Последствия миграции для Центральной Азии амбивалентны: с одной стороны, она способствует экономическому росту и развитию инфраструктуры, с другой – порождает социальную напряженность, экономическую конкуренцию, риски долговой зависимости и вызывает общественные опасения (синофобию).

4. Управление миграционными потоками и их последствиями представляет собой серьезный вызов для правительств стран ЦА, требующий совершенствования законодательства, сбора данных, мер по интеграции и борьбы с ксенофобией.

Список использованной литературы:

1. Ларюэль М. Китайский «мягкий» империализм и его влияние на Центральную Азию // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 5 (97). – С. 18-32.
2. Пантуччи Р., Лин С. Центральная Азия и инициатива «Один пояс, один путь»: реакция стран региона // Центральная Азия и Кавказ. – 2017. – Т. 18, № 2. – С. 7-21.
3. Рязанцев С.В., Боженко В.В. Миграционные процессы в Центральной Азии: тенденции, проблемы, перспективы // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2017. – № 3. – С. 161-170.
4. Савин И.С. Китайские трудовые мигранты на стройках Центральной Азии: практики взаимодействия // Этнографическое обозрение. – 2015. – № 5. – С. 92-107.
5. Пейруз С. Китайские мигранты в Кыргызстане: между экономической выгодой и социальным отторжением // Центральная Азия и Кавказ. – 2013. – Т. 14, № 2. – С. 103-118.
6. Толипов Ф. Центральная Азия как пространство геополитического соперничества: взгляд из Узбекистана // Центральная Азия и Кавказ. – 2019. – Т. 20, № 1. – С. 7-17.

©Ашрапова А.И., 2025

Ибрагимова Раъно Абдушукуровна,
к.филол.н., доцент кафедры перевода и грамматики английского языка
ГОУ “ХГУ им. акад. Б. Гафурова” (Республика Таджикистан, г. Худжанд)

Тошматов Даврон,
магистрант первого года обучения факультета иностранных языков
ГОУ “ХГУ им. акад. Б. Гафурова” (Республика Таджикистан, г. Худжанд)

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

В данной статье рассматривается специфика художественного перевода, противопоставление ее общим принципам перевода. В то время как перевод в широком смысле определяется как переход от формы исходного языка к форме целевого языка через содержание, художественный перевод предполагает неразрывную связь между формой и содержанием, поскольку его главная цель — достижение эстетического воздействия на читателя.

Ключевые слова:

специфика, художественный перевод, противопоставление, общие принципы перевода.

Ibragimova Rano Abdushukurovna,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and English
Grammar, SEI “KhSU named after acad. B.Gafurov” (Tajikistan Republic, Khujand)

Toshmatov Davron,
first-year master's student, Faculty of Foreign Languages, SEI “KhSU named after acad. B.Gafurov”
(Tajikistan Republic, Khujand)

CHARACTERISTIC FEATURES OF LITERARY TRANSLATION

The given article dwells on the specific nature of literary translation, contrasting it with general translation principles. While translation is broadly defined as a transition from the source language form to the target language form via content, literary translation involves an inseparable link between form and content due to the primary goal of achieving an aesthetic impact on the reader.

Keywords:

specific nature, literary translation, contrasting, general translation principles.

Перевод является сложным процессом, так как он включает в себя не только механическую замену слов из одного языка на другой, но и понимание контекста, культурных нюансов и особенностей языка. Переводчик должен учитывать множество факторов, включая грамматику, стиль, идиомы и культурные отсылки. Перевод зависит не только от самих слов и грамматических структур, но и от контекста, в котором они используются. Внеязыковые факторы могут включать культурные особенности, исторические события, эмоциональные оттенки и даже особенности аудитории, для которой предназначен перевод. Художественный перевод является особенно сложным, потому что он требует от переводчика не только знания языка, но и способности передать авторский стиль, атмосферу и эмоциональную нагрузку текста.

Таким образом, перевод – это многогранный процесс, требующий от переводчика не только языковых навыков, но и культурной чуткости, креативности и способности к анализу. Перевод представляет собой одну из наиболее сложных форм речевой коммуникации, которая зависит от

множества как языковых, так и внеязыковых факторов. Особенно сложным является художественный перевод, так как он требует от переводчика не только глубокого знания языка, но и креативного подхода к решению задач.

Т.А. Казакова рассматривает перевод как «творческий процесс преобразования оригинального текста с применением всех доступных выразительных средств языка перевода, при этом стремясь максимально точно передать литературные особенности оригинала» [4, с. 6].

Т.А. Казакова определяет, что перевод – это не просто дословная замена слов, а процесс, в котором переводчик активно работает с текстом, чтобы создать новое произведение, которое сохраняет смысл и стиль оригинала. Здесь под подлинником подразумевается оригинальный текст, который переводится. Важно, чтобы переводчик понимал и интерпретировал его правильно. Выразительные возможности переводящего языка указывает на то, что переводчик должен использовать все доступные ресурсы и средства языка, на который он переводит, чтобы передать идеи и эмоции оригинала. Это может включать в себя выбор слов, стилистические приемы и другие языковые средства. Полная передача литературных особенностей оригинала подчеркивает, что перевод должен максимально точно передавать не только смысл, но и литературные элементы оригинала, такие как ритм, метафоры, идиомы и другие стилистические особенности [4, с. 6].

И.С. Алексеева подчеркивает, что перевод – это процесс, который включает в себя перевыражение и перекодирование текста, выполняемый переводчиком. В зависимости от типа перевода, языковых возможностей, поставленных задач и характеристик текста переводчик выбирает наиболее подходящий вариант [1, с. 29].

В.Н. Комиссаров описывает перевод как языковое посредничество, где важно сохранить коммуникативное равенство между оригиналом и переводом, т.е. по мнению В.Н. Комиссарова перевод является такой формой языкового посредничества, в процессе которого содержание оригинала передается на другой язык путем создания текста, который является коммуникативно равноценным [5, с. 211].

Н.К. Гарбовский подчеркивает, что перевод – это не просто замена слов, а сложная психофизическая деятельность, требующая глубокого понимания обоих языков, т.е. перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества, реализуемую в ходе психофизической деятельности билингва [3, с. 214].

Перевод рассматривается как переход от формы языка оригинала к форме языка перевода через содержание. В художественном тексте форма и содержание неразрывно связаны, так как эстетическое воздействие на читателя играет ключевую роль. Это отличие особенно важно, поскольку художественные тексты содержат не только логическую информацию, но и эмоциональную и эстетическую.

Таким образом, перевод – это не просто технический процесс, а творческая деятельность, где необходимо учитывать множество факторов, чтобы передать не только смысл, но и эмоциональную нагрузку оригинала.

В ходе художественного перевода переводчики имеют дело с художественными текстами, которые Ю.П. Солодуб описывает как тексты, главной функцией которых является создание эстетического воздействия на читателя или слушателя [6, с. 21].

Художественный перевод – это вид перевода, который касается произведений искусства, таких как романы, поэзия, драмы и другие литературные жанры. Переводчики в этом случае не просто передают информацию, а стремятся сохранить художественные и эстетические качества текста. Переводчики должны учитывать не только смысл слов, но и стиль, ритм, образность и эмоциональную нагрузку оригинала. Это требует от них творческого подхода и глубокого понимания как исходного, так и целевого языков.

Ю.П. Солодуб подчеркивает, что основная цель художественного текста — вызывать определенные эмоции и впечатления у читателя или слушателя. Это значит, что переводчик должен стремиться передать не только содержание, но и ту атмосферу и эмоции, которые создаются в оригинале [6, с. 21]. Художественные тексты отличаются от других типов текстов тем, что автор использует разнообразные языковые средства для передачи своего уникального восприятия окружающего мира. Для него важнее не просто информировать читателя, а вызвать у него эмоциональные и эстетические реакции. Поэтому в таких текстах особенно ценятся эмоциональность и экспрессивность. В отличие от других жанров, художественные тексты акцентируют внимание на эстетической функции и форме, в которую автор заключает свои идеи.

Художественному стилю в целом присущи следующие характеристики:

1. Слияние коммуникативной и эстетической функций;
2. Свободное применение языковых средств из других стилей;
3. Высокая образность [2, с. 116].

При переводе художественных произведений с английского на русский язык переводчики должны трезво оценивать уровень своих знаний английской грамматики. Поскольку грамматика постоянно меняется и не может быть изучена в полном объеме, переводчики обязаны непрерывно совершенствовать свои навыки. Это значительно облегчит им работу с грамматическими трансформациями и поможет сохранить выразительность оригинала. Художественный стиль сочетает в себе как передачу информации (коммуникативную функцию), так и создание эстетического впечатления (эстетическую функцию). Это значит, что в художественном тексте информация не просто сообщается, но и подается так, чтобы вызвать эмоции и впечатления у читателя. Для этого переводчики должны тщательно подбирать слова и фразы, которые соответствуют оригиналу по различным критериям — такие как тон, настроение, культурные нюансы и контекст.

Список использованной литературы:

1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004. — 352 с.
2. Бархударов, Л.С. Язык и Перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1975.
3. Гарбовский, Н.К. Теория перевода. М., 2004. — 544с.
4. Казакова Т.А. Художественный перевод: Учебное пособие. — СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002.-112с.
5. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
6. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода: Учеб. пособие для студентов лингв. фак. высш. учеб. Заведений. М.: Академия, 2005. — 304с.

©Ибрагимова Р.А., Тошматов Д. 2025

ПЕДАГОГИКА

Bayliyev Batyr, lecturer.

Yoldashov Guvanch, student.

International Horse Breeding Academy named after Aba Annaev

Bayramova Bagul, student.

Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city

Arkadag, Turkmenistan

INNOVATIVE PEDAGOGICAL APPROACHES IN TEACHING SOCIAL SCIENCES

Abstract

The teaching of social sciences in modern educational institutions must evolve beyond rote memorization of theories and historical facts. To prepare students for participation in democratic societies and complex global realities, educators are adopting innovative, student-centered approaches. This article examines contemporary pedagogical strategies in social science education, including inquiry-based learning, simulation, problem-oriented teaching, and civic engagement projects. It explores how these methods enhance critical thinking, interdisciplinarity, and social responsibility. The article also discusses challenges in assessment and curriculum reform and proposes future directions for transformative social science instruction.

Keywords:

social science education, critical pedagogy, inquiry-based learning, civic engagement, active learning, interdisciplinary teaching.

Introduction: Reimagining Social Science Classrooms

In an era of social polarization, digital misinformation, and civic disengagement, teaching the social sciences is more important—and more challenging—than ever. Traditional lecture-based instruction often fails to equip students with the analytical tools and ethical reasoning needed to understand and act on societal issues.

Modern pedagogy in social science calls for a shift toward **interactive, reflective, and socially conscious learning**. Whether in sociology, political science, anthropology, or human geography, educators now emphasize **participation, problem-solving, and real-world relevance**. This article outlines innovative methods that help students not only learn about society, but also question, critique, and improve it.

Contemporary Approaches to Social Science Instruction

Rather than receiving pre-packaged content, students explore open-ended questions such as “What causes inequality?” or “How do borders shape identity?” This approach encourages research, collaboration, and hypothesis-testing, making students active producers of knowledge. Case studies, thematic investigations, and comparative analysis foster deeper understanding and engagement.

Simulations of elections, negotiations, or court trials allow students to experience the dynamics of political and legal systems. Debates on controversial issues—like surveillance, climate justice, or immigration—develop argumentation skills, empathy, and tolerance for complexity. These methods bring abstract theories to life and develop communicative competence.

Social sciences are uniquely positioned to foster civic responsibility. Service-learning projects—such as conducting community surveys, working with NGOs, or creating public awareness campaigns—link academic content with social action. Students reflect on systemic issues and develop a sense of agency and accountability.

Documentaries, podcasts, interactive maps, and social media analysis help students engage with

current events and global trends. Combining history, politics, economics, and culture encourages a holistic understanding of social phenomena. Digital platforms (e.g., Padlet, Miro, Flip) support collaboration and expression across disciplines.

Conclusion: Teaching for Democracy and Transformation

Social science education must do more than transmit facts—it must empower students to think critically, engage ethically, and act constructively. Through inquiry, simulation, community engagement, and interdisciplinary integration, educators can cultivate informed, reflective citizens.

The challenges of standardization, assessment, and institutional inertia remain. However, by prioritizing **dialogue over delivery**, and **questions over answers**, we can transform classrooms into laboratories of democratic learning. The future of social science teaching lies not in what we cover, but in what students uncover about the world and themselves.

References

1. Freire, P. (1970). *Pedagogy of the Oppressed*. Herder and Herder.
2. Dewey, J. (1938). *Experience and Education*. Macmillan.
3. Hess, D. E., & McAvoy, P. (2014). *The Political Classroom: Evidence and Ethics in Democratic Education*. Routledge.
4. Ladson-Billings, G. (2009). *The Dreamkeepers: Successful Teachers of African American Children*. Jossey-Bass.
5. Parker, W. C. (2012). *Social Studies Today: Research and Practice*. Routledge.

© Bayliyev B., Yoldashov G., Bayramova B., 2025

Kocumova Aysoltan, student.

Turkmen National Institute of World Languages named after Dovletmamet Azadi.

Ashgabat, Turkmenistan

Bashimova Orazjema, student.

Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city

Arkadag, Turkmenistan

INNOVATIVE TEACHING STRATEGIES IN UNIVERSITY EDUCATION: FOSTERING CRITICAL THINKING AND ENGAGEMENT

Abstract

Higher education faces the challenge of preparing students for an increasingly complex and fast-changing world. Traditional lecture-based models often fail to engage learners or develop essential 21st-century skills. This article explores innovative teaching strategies in university settings, focusing on active learning, interdisciplinary instruction, digital integration, and learner autonomy. It analyzes how these methods improve student motivation, critical thinking, and real-world problem-solving abilities. The article also addresses institutional barriers to pedagogical innovation and outlines future directions for transforming higher education.

Keywords:

university teaching, active learning, critical thinking, interdisciplinary education,
digital tools, student engagement

Introduction: Rethinking University Pedagogy

Modern university students face an environment shaped by rapid technological change, global challenges, and evolving job markets. Traditional pedagogical approaches, centered on passive knowledge transfer, are increasingly insufficient. Institutions are thus called to redesign learning environments that promote analytical thinking, collaboration, and adaptability.

Innovative university teaching strategies aim to engage students not only as recipients of information, but as active participants in the construction of knowledge. This requires a shift toward flexible, student-centered learning models that integrate digital tools, real-world applications, and interdisciplinary perspectives. The following sections explore key strategies that are reshaping university education in this direction.

Core Strategies for Enhancing University Teaching

Active learning methods such as flipped classrooms, case-based instruction, and peer teaching foster engagement and deep understanding. Instead of lecturing, instructors facilitate discussions, debates, and collaborative analysis. Inquiry-based learning, where students investigate real-world problems, promotes research skills and intellectual autonomy. These methods are particularly effective in STEM, business, and social sciences.

Modern challenges rarely fall within a single academic field. Project-based learning brings together students from different disciplines to work on practical tasks—such as designing a sustainable building, developing a mobile app, or analyzing social policy. This cross-pollination of knowledge encourages systems thinking and creative problem-solving.

Digital platforms—like Moodle, Canvas, Zoom, and interactive apps—support hybrid and blended learning formats. Students can access lectures asynchronously, engage in interactive quizzes, and participate in virtual labs. Tools like Padlet, Mentimeter, and AI tutors enable more dynamic and personalized learning experiences. Technology also supports inclusivity, offering multiple pathways for engagement and assessment.

Empowering students to take control of their learning builds lifelong learning habits. Strategies include personalized learning plans, reflective journals, and open-ended assignments that allow for individual exploration. Formative assessment with constructive feedback supports growth and self-direction.

Conclusion: Transforming Higher Education Through Innovation

University teaching must evolve to meet the needs of a changing world. Innovative pedagogical strategies—rooted in active engagement, interdisciplinarity, digital fluency, and learner agency—prepare students not only to succeed academically, but to contribute meaningfully to society.

Institutions must support this transformation by investing in faculty development, revising assessment models, and fostering a culture of pedagogical experimentation. As universities adopt these approaches, they can ensure that higher education remains relevant, equitable, and intellectually vibrant.

References

1. Bonwell, C. C., & Eison, J. A. (1991). *Active Learning: Creating Excitement in the Classroom*. ASHE-ERIC Higher Education Report.
2. Biggs, J., & Tang, C. (2011). *Teaching for Quality Learning at University*. McGraw-Hill Education.
3. Salmi, J. (2017). *The Tertiary Education Imperative: Knowledge, Skills, and Values for Development*. Sense Publishers.
4. Laurillard, D. (2012). *Teaching as a Design Science: Building Pedagogical Patterns for Learning and Technology*. Routledge.
5. Freeman, S. et al. (2014). Active learning increases student performance in science, engineering, and mathematics. *PNAS*, 111(23), 8410–8415.

Muhammetgulyyev Aly, student.

Turkmen National Institute of World Languages named after Dovletmamet Azadi.
Ashgabat, Turkmenistan

Bayramberdiyeva Gulnar, student.

Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Arkadag, Turkmenistan

INNOVATIVE TEACHING PRACTICES IN HIGH SCHOOL: SHAPING CRITICAL THINKING AND PERSONAL GROWTH

Abstract

High school education plays a vital role in shaping not only academic knowledge but also cognitive, emotional, and social development. As traditional, test-oriented teaching models increasingly fall short of addressing 21st-century skills, schools are turning to innovative methods to foster critical thinking, self-awareness, and responsible citizenship. This article explores modern teaching practices in secondary education, including project-based learning, interdisciplinary instruction, emotional intelligence development, and digital literacy integration. It discusses how these approaches support deeper learning and student engagement, and it outlines the challenges and requirements for successful implementation.

Keywords:

high school education, critical thinking, project-based learning, emotional intelligence,
digital literacy, student development

Introduction: Beyond Curriculum — The Purpose of Modern High School Education

Secondary education stands at the intersection of intellectual growth and identity formation. While academic achievement remains a key focus, modern high schools are increasingly expected to nurture critical thinking, emotional resilience, and ethical awareness. However, traditional lecture-based models and high-stakes testing often limit students' ability to explore, question, and connect learning to real life.

In response, educators are adopting innovative pedagogical models that promote student agency, collaboration, and reflective thinking. These approaches not only improve learning outcomes but also prepare students for higher education, work, and civic life. This article examines strategies that shift the high school experience from passive absorption of information to active personal and intellectual development.

Core Strategies for Modern High School Instruction

Rather than memorizing content, students engage in real-world tasks that demand research, teamwork, and creative problem-solving. Whether building a model of an eco-friendly city or investigating historical injustices through interviews and data, these projects encourage deeper understanding and cross-disciplinary thinking. Teachers serve as facilitators, guiding students through the process of questioning, planning, revising, and presenting.

Structured classroom discussions—such as debates, Socratic seminars, and role-play—help students analyze ideas, identify bias, and construct evidence-based arguments. These activities develop reasoning skills and respectful communication, essential for democratic participation and lifelong learning. Questions such as “How do we know this is true?” or “Whose perspective is missing?” prompt intellectual curiosity and deeper engagement with content.

High school is also a key period for emotional development. Integrating SEL programs into the curriculum enhances students' ability to manage emotions, empathize, resolve conflict, and set goals. Daily practices like mindfulness moments, reflective journaling, and peer mentoring build resilience and foster a

healthy school climate. Educators trained in SEL support both academic achievement and mental well-being.

Technology is embedded in teenagers' lives, and classrooms must reflect this reality. Digital tools such as collaborative platforms, simulations, and educational games can deepen understanding when used purposefully. Teaching media literacy—including how to evaluate sources, detect misinformation, and navigate digital spaces responsibly—is essential for informed citizenship and academic integrity.

Conclusion: High School as a Foundation for Lifelong Learning and Integrity

Innovative teaching practices in high school are not about abandoning content, but about reimagining how students interact with knowledge and grow as individuals. By emphasizing inquiry, empathy, collaboration, and digital fluency, schools can create environments where students learn to think critically and act responsibly.

The shift toward human-centered, skills-based education requires systemic support: teacher training, flexible curricula, and an assessment culture that values process over performance. When these elements align, secondary education becomes not just preparation for adulthood—but a meaningful and transformative life stage.

References

1. Darling-Hammond, L. et al. (2019). *The Promise of Deeper Learning: Developing Students' Capacity for Knowledge, Skills, and Identity*. Harvard Education Press.
2. Wiggins, G., & McTighe, J. (2005). *Understanding by Design*. ASCD.
3. CASEL (2020). *Social and Emotional Learning Competencies and Frameworks*.
4. Zhao, Y. (2012). *World Class Learners: Educating Creative and Entrepreneurial Students*. Corwin.

© Muhammetgulyyev A., Bayramberdiyeva G., 2025

Myratdurdyev Novruz, teacher.

Chommulova Mayagozel, student.

International Horse Breeding Academy named after Aba Annaev

Jepbargulyyeva Gulalek, student.

Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Arkadag, Turkmenistan

THE ROLE OF ENGLISH IN EQUINE VETERINARY PRACTICE: COMMUNICATION, DOCUMENTATION, AND GLOBAL STANDARDS

Abstract

In the field of equine veterinary medicine, English has become the primary language of international communication, scientific research, and clinical documentation. Veterinarians, equine transport professionals, and breeders frequently rely on English terminology when discussing diagnostics, treatments, preventive care, and emergency protocols. This article examines the importance of English language proficiency for equine veterinary practitioners in a globalized context. It highlights key communication settings—including clinical consultations, international transport, and regulatory compliance—and analyzes the challenges posed by linguistic barriers. The article also explores educational strategies for improving English for Specific Purposes (ESP) training in veterinary curricula.

Keywords:

equine veterinary, medical English, horse health, international transport, ESP, clinical communication, veterinary documentation

Introduction: Veterinary English in a Global Equine Industry

Equine veterinary professionals increasingly operate across borders, providing services to international breeders, sports teams, racing stables, and transport companies. As a result, English serves as the default medium for professional communication, whether through medical records, teleconsultations, import/export documentation, or participation in international conferences.

From describing symptoms and procedures to understanding pharmacological instructions and disease control protocols, accurate use of English is vital. Misunderstanding a medication dosage or a transport regulation written in English can endanger both equine health and professional liability. Thus, veterinary English is not merely technical vocabulary—it is a critical tool for safety, efficacy, and professionalism in global equine healthcare.

In clinical settings, veterinarians often interact with international owners, grooms, and trainers. Accurate communication regarding symptoms, treatment plans, and follow-up is essential. Key terms such as *colic*, *lameness*, *laminitis*, *tendon sheath inflammation*, and *foaling complications* must be understood and clearly explained. Common phrases include:

- “The horse is showing signs of ataxia.”
- “Administer anti-inflammatories twice daily, orally.”
- “Monitor digital pulses for any increase in heat or swelling.”

Fluent use of such terminology allows for smooth interaction during examinations and ensures that treatment instructions are correctly followed.

English is the standard language used in veterinary certificates for horse export/import, health records, vaccination documentation, and drug administration logs. International regulations, such as those from the OIE (World Organisation for Animal Health) or IATA (Live Animals Regulations), are also issued in English. Equine veterinarians must be familiar with the correct terminology to complete and verify health certificates for border inspection posts.

For instance, when exporting a performance horse to Europe or the Gulf region, the vet must prepare a *pre-export health certificate*, stating:

- Date of last vaccination against equine influenza
- Test results for equine infectious anemia (Coggins test)
- Quarantine duration and location

Any ambiguity or incorrect term may delay clearance or result in the animal being denied entry.

The majority of contemporary equine medical research, case studies, and pharmaceutical guidelines are published in English. Journals such as *Equine Veterinary Journal*, *Journal of Equine Science*, and *Veterinary Record* provide evidence-based updates on diagnostics, therapies, and emerging diseases. Without English proficiency, access to this knowledge is limited.

In addition, English is the primary language of international veterinary conferences, webinars, and specialist training programs. Whether attending a workshop on ultrasound-guided injections or reading trial data on a new equine vaccine, veterinarians must understand complex terminology such as *intra-articular corticosteroids*, *degenerative joint disease*, or *endoscopic examination of the guttural pouch*.

Despite its necessity, many equine veterinarians—especially in non-English speaking countries—

receive little to no formal training in medical English during veterinary school. They may struggle with the technical language of pharmacology, abbreviations used in prescriptions (e.g., *BID, IM, IV*), or how to write concise yet clear clinical notes for international clients.

References

1. Hinchcliff, K. W., Kaneps, A. J., & Geor, R. J. (2013). *Equine Sports Medicine and Surgery*. Saunders Elsevier.
2. Savvides, M., & Smith, D. (2020). Communication in Veterinary English: Strategies for Global Practice. *Journal of Veterinary Education*, 47(3), 201–215.
3. World Organisation for Animal Health (OIE). (2022). *Guidelines for International Movement of Equines*.
© Myratdurdyev N., Chommulova M., Jepbargulyyeva G., 2025

Myratdurdyev Novruz, teacher.

Abayev Mejimeddin, student.

International Horse Breeding Academy named after Aba Annaev

Ashyrgeldiyeva Aylar, student.

Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Arkadag, Turkmenistan

THE ROLE OF ENGLISH IN INTERNATIONAL HORSE BREEDING AND EQUESTRIAN TRAVEL

Abstract

In the global horse industry, English has become the lingua franca, facilitating communication in horse breeding, trade, veterinary practice, and equestrian tourism. As the international movement of horses and professionals continues to grow, a functional command of equine-specific English is essential for breeders, trainers, veterinarians, and travelers alike. This article examines the role of English in the context of international horse breeding and travel, focusing on its use in stud management, veterinary documentation, equestrian events, and cross-border logistics. It also highlights the pedagogical need for domain-specific English training and explores challenges associated with multilingual communication in high-stakes equestrian environments.

Keywords:

equine English, horse breeding, veterinary communication, equestrian tourism,
international transport, English for Specific Purposes (ESP).

Introduction: English as a Bridge Language in Global Equine Practices

The international equestrian industry encompasses breeding, training, racing, showjumping, equestrian tourism, and global transport logistics. As this industry becomes increasingly interconnected, English has emerged as the operational language across borders. From sales catalogues to veterinary certificates, and from international horse shows to airline cargo regulations, English serves as the foundation for standardized communication.

This linguistic convergence is particularly relevant in countries where horse breeding and export are

key economic activities, such as Germany, Ireland, the United States, and the United Arab Emirates. Professionals in these regions rely on English to communicate with clients, partners, and regulators worldwide. This article explores how English functions in specific equine contexts and proposes strategies for improving communication in international horse-related domains.

Applications of English in Horse Breeding, Care, and Travel

In the realm of horse breeding, English terminology is used extensively in genetic profiling, pedigree analysis, studbook registration, and semen export documentation. Terms like *sire*, *dam*, *colt*, *filly*, *in-foal*, and *live cover* are universally applied. Breeders must understand breed standards, fertility data, and health protocols often described in English, especially when registering with international associations such as the World Breeding Federation for Sport Horses (WBFSH).

International movement of horses requires strict adherence to biosecurity and veterinary regulations. Health certificates, vaccination records, and disease testing reports are most commonly issued in English, regardless of the country of origin. Equine professionals must be fluent in terms such as *Coggins test*, *quarantine period*, *laminitis*, and *strangles*. Misunderstanding technical terminology can delay shipments, compromise animal welfare, or result in regulatory non-compliance.

At events such as the FEI World Equestrian Games or international dressage competitions, English is the official language for judging criteria, safety regulations, and athlete communication. Likewise, in equestrian tourism—from Mongolian riding expeditions to Argentine estancia stays—English acts as a bridge between local horse handlers and foreign tourists. Tour guides, instructors, and riders use simplified but specific English expressions like *mount up*, *rein in*, or *change gait* to ensure safety and coordination.

Challenges and Pedagogical Needs in Equine English Communication

Despite English's global status, not all equine professionals have equal access to domain-specific language training. Many rely on limited vocabulary or informal phrases, leading to miscommunication in veterinary emergencies or during international negotiations. Misinterpretation of a breeding contract, misunderstanding of a health regulation, or poor communication during air transport can have serious financial and welfare implications.

To address this gap, English for Specific Purposes (ESP) programs tailored to the equine industry are gaining relevance. These courses should combine technical vocabulary with practical communication exercises, roleplay (e.g., vet-client consultations), and document analysis (e.g., export permits). Online platforms, bilingual glossaries, and field-based immersion programs can further bridge linguistic gaps.

Moreover, cross-cultural competence must be integrated into language instruction. Equestrian professionalism includes understanding how respect, hierarchy, and body language differ across countries—skills that are as important as verbal fluency when working internationally.

References

1. McBane, S. (2012). *Equine Terminology: A Guide to the Language of Horses*. Trafalgar Square Books.
2. Davis, B. (2020). The Role of English in Global Equestrianism. *Journal of Applied Linguistics for Specific Purposes*, 8(2), 45–60.
3. World Breeding Federation for Sport Horses (WBFSH). *Studbook Rules and International Language Use*, 2022.
4. International Air Transport Association (IATA). *Live Animals Regulations*, 48th Edition.
5. Equine Industry Training Board. (2019). *Vocational English for Equine Professionals: Training Manual*.

© Myratdurdyev N., Abayev M., Ashyrgeldiyeva A., 2025

Myratdurdyev Novruz, teacher.

Shihmamedova Gulsona, student.

International Horse Breeding Academy named after Aba Annaev

Purmammedova Ogulshat, student.

Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Arkadag, Turkmenistan

VETERINARY TERMINOLOGY IN ENGLISH AND LATIN: LANGUAGE PRECISION IN ANIMAL HEALTH COMMUNICATION

Abstract

Veterinary medicine relies on a precise and standardized terminology system, historically rooted in Latin and increasingly shaped by English in modern global practice. The coexistence of English and Latin terms enables clarity in diagnoses, procedures, and interprofessional communication across borders. This article explores the foundations and functions of Latin and English terminology in veterinary contexts, highlighting their roles in anatomical reference, clinical documentation, and international collaboration. It also discusses pedagogical challenges and the need for structured terminology instruction in veterinary education. Understanding and applying dual-language terminology ensures both scientific accuracy and professional competence in animal health fields.

Keywords:

veterinary terminology, Latin, English, anatomical nomenclature, clinical language,
veterinary education, standardization

Introduction: Why Veterinary Professionals Must Speak Two Languages

Veterinary language is both ancient and modern. Latin, the historical language of science and medicine, remains the cornerstone of veterinary terminology, especially in anatomical and pathological contexts. English, meanwhile, dominates global clinical practice, literature, and professional communication. Together, these two linguistic systems form the backbone of veterinary discourse.

Latin provides universality—ensuring that the anatomical term *musculus biceps femoris* means the same in Berlin, Tokyo, and São Paulo. English offers functionality in day-to-day settings, where terms like *hip dysplasia*, *worming schedule*, or *vaccination protocol* guide clinical interactions. The ability to navigate both terminological systems is essential for veterinarians, technicians, and researchers working in international and academic environments.

Latin Terminology: Stability, Precision, and Scientific Tradition

Latin remains the foundational language for *Nomina Anatomica Veterinaria*, the international standard for naming animal structures. Each body part, muscle, or organ is assigned a Latin name based on location, function, or morphology. For example:

- *Hepar* – liver
- *Pulmo sinister* – left lung
- *Os femoris* – femur bone
- *Musculus extensor carpi radialis* – radial carpal extensor muscle

These terms provide consistent, unambiguous reference points for all species and are essential for anatomical charts, dissection, radiography, and surgery. Latin is also widely used in pathology and parasitology, especially for naming diseases and species (e.g., *Fasciola hepatica*, *Brucella abortus*).

Latin terms are inflected by gender, number, and case, which requires precision in usage and spelling. Errors in Latin can lead to confusion in medical records or scientific writing, making formal instruction in Latin

essential in veterinary education.

English Veterinary Terminology: Clinical Application and Communication

While Latin dominates textbooks and anatomical atlases, English is the operational language in clinical practice. It is used in patient records, client communication, diagnostic coding, and pharmaceutical labeling. For example:

- “The horse shows signs of laminitis in both forelimbs.”
- “Administer 10 mL of anti-inflammatory medication intramuscularly.”
- “Recommend radiographs of the thoracic cavity.”

English veterinary language includes both scientific terms and practical phrases needed for interacting with clients and coworkers. Veterinary English includes terms for:

- Body systems: musculoskeletal, gastrointestinal, respiratory
- Procedures: deworming, castration, vaccination
- Conditions: colic, dermatitis, anemia, septicemia
- Directions: dorsal, distal, lateral (borrowed from Latin)

It also incorporates abbreviations such as *IV*, *PO*, *BID*, and descriptive idiomatic terms such as *downer cow syndrome* or *navicular disease*.

In many non-English-speaking countries, professionals must master this English lexicon to read journals, write reports, or work in international clinics. The dual-language fluency in Latin and English thus becomes both a scholarly and professional necessity.

References

1. International Committee on Veterinary Gross Anatomical Nomenclature. (2017). *Nomina Anatomica Veterinaria* (6th edition).
2. Blood, D. C., & Studdert, V. P. (2012). *Saunders Comprehensive Veterinary Dictionary*. Elsevier.
3. Latimer, K. S., et al. (2011). *Veterinary Clinical Pathology*. Wiley-Blackwell.
4. Hediger, K. (2020). Teaching Latin in Veterinary Education: Pedagogical Challenges and Solutions. *Journal of Veterinary Medical Education*, 47(2), 155–162.
5. Meuten, D. J. (2017). *Tumors in Domestic Animals*. Wiley-Blackwell.

© Myratdurdyev N., Shihmamedova G., Purmammedova O., 2025

Pigammyradova Merjen, student.

Turkmen National Institute of World Languages named after Dovletmamet Azadi.

Ashgabat, Turkmenistan

Yoldashov Guvanch, student.

International Horse Breeding Academy named after Aba Annaev

Bayramdurdyeva Maya, student.

Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city

Arkadag, Turkmenistan

EXPERIMENTAL RESEARCH IN THE NATURAL SCIENCES: PRINCIPLES, PRACTICES, AND TECHNOLOGICAL ADVANCEMENTS

Abstract

Experimental research lies at the core of discovery in the natural sciences. By manipulating variables

under controlled conditions, scientists test hypotheses, establish causal relationships, and validate theoretical models. This article outlines fundamental principles of experimental design, including control, randomization, replication, and validity. It also examines recent advancements in laboratory instrumentation, automation, and computational modeling that have transformed scientific experimentation. Challenges such as reproducibility, data integrity, and ethical compliance are discussed, alongside the evolving role of interdisciplinary and high-throughput methods in research.

Keywords:

experimental research, natural sciences, scientific method, laboratory design, data integrity, reproducibility, instrumentation.

Introduction: The Role of Experimentation in Scientific Discovery

From Galileo's pendulum studies to modern gene editing, experimentation has been a central tool in natural science research. Through carefully structured experiments, researchers isolate variables, test predictions, and build evidence-based understanding of natural phenomena. The integrity and impact of scientific conclusions depend on the robustness of experimental design and execution.

While the core principles of experimentation remain unchanged, recent technological innovations and data science techniques are reshaping how experiments are conceived, conducted, and interpreted. This article reviews classical experimental methodology and its evolution in the era of digital labs and global research networks.

Core Principles of Experimental Methodology

A valid experiment requires control over extraneous variables. Control groups provide a baseline for comparison, while randomization minimizes bias. Replication—both within and across experiments—ensures that results are consistent and not due to chance. These elements underpin internal validity and generalizability.

Researchers manipulate independent variables to observe changes in dependent variables. For example, altering light intensity (independent) to measure photosynthesis rate (dependent) in plants. Clear operational definitions and measurement protocols are essential to maintain accuracy and comparability.

Experiments test null hypotheses using inferential statistics (e.g., ANOVA, t-tests) to determine significance levels. The choice of statistical tools must match the data type, experimental design, and research question. Increasingly, researchers are adopting Bayesian approaches for greater flexibility in probabilistic interpretation.

Technological Innovations in Experimental Science

Automated pipetting systems, robotic sample handlers, and digital assay readers accelerate throughput and reduce human error. In fields like molecular biology and chemistry, automated workflows enable parallel experimentation and consistent processing.

Advanced imaging (e.g., cryo-EM, confocal microscopy), spectroscopy (e.g., NMR, FTIR), and particle analysis tools (e.g., flow cytometry) allow precise observation at molecular and atomic scales. These technologies support hypothesis refinement and data richness.

Experiments are increasingly complemented by *in silico* models that simulate complex systems before or after wet-lab validation. Fields such as climate science, pharmacology, and materials engineering use simulations to reduce cost and optimize experimental focus.

Challenges and Ethical Considerations

A significant challenge in contemporary science is the reproducibility crisis—studies that cannot be repeated with the same results. Transparent reporting, data sharing, and use of open lab notebooks are essential to rebuild trust and scientific rigor.

Experiments generate large datasets requiring careful management. Data cleaning, storage, metadata annotation, and ethical data use (e.g., in human or animal studies) are critical components of responsible experimentation.

References

1. Montgomery, D. C. (2017). *Design and Analysis of Experiments*. Wiley.
2. Peirson, S. N., et al. (2017). Guidelines for Standardized Laboratory Protocols. *Nature Methods*, 14(8), 765–768.
3. Nosek, B. A., et al. (2015). Promoting an Open Research Culture. *Science*, 348(6242), 1422–1425.
4. Alberts, B. (2013). The Ethics of Scientific Experimentation. *Cell*, 154(5), 951–953.
5. Friedman, L. M., Furberg, C., & DeMets, D. (2010). *Fundamentals of Clinical Trials*. Springer.

© Pigammyradova M., Yoldashov G., Bayramdurdyeva M., 2025

ВЕТЕРИНАРИЯ

Chayrov Annadurdy,

teacher, dean of Horse veterinary faculty,

Tejenova Ogulshat,

student

International horse breeding academy named after Aba Annayev

Gurbandurdyeva Shemshat,

student

Pedagogical Secondary Professional School named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city

Arkadag, Turkmenistan

THE ROLE OF CHEMISTRY IN VETERINARY MEDICINE

Abstract

This article investigates the vital role that chemistry plays in veterinary pharmacology, focusing on its applications in drug formulation, dosing, therapeutic interventions, and understanding drug interactions in animal health. The exploration of the chemical principles that underpin pharmacological practices in veterinary science highlights their significance in developing effective therapies, ensuring safety, and enhancing animal welfare. Moreover, the importance of interdisciplinary knowledge in chemistry is underscored, emphasizing that veterinary professionals who engage in pharmacological research and its practical applications benefit immensely from a strong foundation in chemical principles.

Keywords:

veterinary pharmacology, chemistry, drug formulation, pharmacokinetics, pharmacodynamics.

Introduction

Chemistry serves as a cornerstone in the field of veterinary pharmacology, shaping the way medications are developed, administered, and monitored in animals to ensure their health and well-being. A comprehensive understanding of chemical interactions and processes allows veterinary professionals to optimize treatment protocols and enhance health outcomes for their patients. This article is dedicated to elucidating the intersection of chemistry and pharmacology in veterinary medicine, examining their combined implications for both diagnostic tools and therapeutic interventions. As such, the implications of chemistry in veterinary pharmacology extend beyond mere drug development, encompassing a myriad of factors that significantly influence the efficacy, safety, and overall success of treatment in a clinical setting.

The Role of Chemistry in Veterinary Pharmaceutical Development

The intricate journey of a veterinary drug commences with the identification of specific biological targets, leading to the design of unique chemical compounds that are capable of interacting effectively with those targets. The structure-activity relationship (SAR) is a critical concept in this process, as it facilitates a nuanced understanding of how variations in chemical structure can impact biological activity, thereby guiding the design of more effective veterinary drugs. Furthermore, the process of chemical synthesis employs advanced methodologies to create novel compounds while ensuring their purity and efficacy, which is essential for the development of any new pharmaceutical. Once a drug candidate has been successfully identified, formulation chemistry takes center stage, where the focus shifts to creating a stable and effective dosage form. Various excipients are incorporated into formulations to optimize the delivery of active ingredients, thereby enhancing their stability and bioavailability. The diversity of dosage forms—including oral tablets, injections, and topical preparations—requires meticulous consideration of the unique chemical properties pertinent to each formulation method.

Pharmacokinetics and pharmacodynamics constitute two essential components of veterinary pharmacology that heavily rely on chemical principles. Pharmacokinetics is concerned with the behavior of drugs within an animal's body, covering processes such as absorption and distribution, both of which are influenced by the chemical properties of the drug itself. Factors like solubility and pH dictate how efficiently a substance is absorbed into the bloodstream, while the drug's chemical nature governs its ability to cross biological membranes and reach specific target sites. Pharmacodynamics, on the other hand, delves into the actual effects a drug has on an animal, rooted in intricate chemical interactions at a molecular level. Understanding the mechanism of action, which describes how drugs engage with receptors and enzymes, is crucial for predicting their therapeutic efficacy and potential side effects. Knowledge of drug chemistry also informs the formulation of accurate dosing guidelines tailored to various animal species, ensuring that treatments are effective without posing undue risks.

An essential aspect of veterinary pharmacology is safety, which is meticulously evaluated through toxicology studies that assess the potential adverse effects of drugs. Establishing toxicological profiles allows veterinary scientists to define safe dosing limits and proactively address risks associated with toxicity, thus protecting animal health. Understanding the interactions between different drugs and biological pathways is vital for preventing harmful outcomes that may arise from concurrent therapies.

In conclusion, chemistry stands as a foundational pillar of veterinary pharmacology, influencing nearly every stage of drug development—from discovery and formulation to administration and safety assessment. Veterinary professionals equipped with a deep understanding of chemical principles are better positioned to make informed decisions that positively affect animal health and welfare.

References

1. Reynolds, D. (2018). Chemistry in Veterinary Pharmacology: Current Trends and Future Directions. *Journal of Veterinary Pharmacology*.
2. Mitchell, P., & Carter, R. (2022). *Essentials of Veterinary Pharmacology: Integrative Approach to Drug Development*. Veterinary Science Books.
3. Lewis, J., et al. (2023). Toxicological Considerations in Veterinary Drug Development. *Journal of Animal Health and Pharmacology*.

© Chayyrov A., Tejenova O., Gurbandurdyeva Sh., 2025

ПСИХОЛОГИЯ

Валуйских Юлия Васильевна
Воронежский государственный университет
г. Воронеж, РФ

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СВЯЗИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И ПРОЯВЛЕНИЙ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация

В статье анализируется проблема связи жизнестойкости и проявлений кризиса идентичности у молодых людей. Автором впервые выделены характерные проявления кризиса идентичности, влияющие на связь с жизнестойкостью. Обсуждается вклад в развитие изучения проявлений кризиса идентичности в контексте его разрешения и формирования идентичности.

Ключевые слова:

жизнестойкость, кризис идентичности, проявления кризиса идентичности.

Valuiskikh Yulia Vasilievna
Voronezh State University
г. Voronezh, RF

ANALYZING THEORETICAL CONCEPTS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN RESILIENCE AND MANIFESTATIONS OF IDENTITY CRISIS

Abstract

The article analyzes the problem of the connection between resilience and manifestations of identity crisis in young people. The author for the first time singled out the characteristic manifestations of identity crisis affecting the relationship with resilience. The contribution to the development of the study of identity crisis manifestations in the context of its resolution and identity formation is discussed.

Key words:

resilience, identity crisis, identity crisis manifestations.

В настоящее время тема жизнестойкости в психологии набирает обороты из чего можно судить по многочисленным исследованиям уже современных исследователей. Красной нитью в этой статье будет прослеживаться следующая мысль «вопрос не в том, чего мы не хотим, но в том, что мы способны пережить». Чем больше у нас соблазна, тем больше мы лишаем себя определённого счастья в будущем. К счастью или к сожалению, время меняется, но что-то остаётся неизменным. Умеренность — это то, что не достаёт нашему молодому поколению. Речь не идёт о специфике данной возрастной категории, а скорее её определённом отношении к вещам и поведению в настоящее время, которое как раз может затрагивать кризис идентичности. Предыдущими усилиями автора работы «Юношеский кризис и его предпосылки в современном обществе» были предприняты попытки осветить наиболее важные, и на первый взгляд, непримечательные проявления юношеского кризиса [1]. В связи нынешних обстоятельств наше время информационно перенасыщено и достаточно моментов рисков для развития кризиса идентичности у молодых людей. Сами проявления кризиса идентичности могут затрагивать структуру жизнестойкости, учитывая то, что С. Мадди выделяет психологическую и деятельностью сторону жизнестойкости. Деятельностная сторона предполагает действия,

направленные на осуществление цели; совладание со стрессовой ситуацией; заботу о своем здоровье; занятия, преобразующие ситуацию. Психологическая сторона предполагает изменение характера отношений — увеличение интереса к миру в целом и окружающим людям в частности. Эти два компонента формируют систему, которая оберегает людей от непомерной тревоги и утраты здоровья [4]. По мнению С. Мадди, жизнестойкость включает в себя три основные установки: вовлеченность, контроль, принятие риска. Именно жизнестойкость позволяет человеку выносить неустранимую тревогу, сопровождающую выбор будущего (неизвестности), а не прошлого (неизменности) в ситуации экзистенциальной дилеммы [4]. Согласно Д.А. Леонтьеву и Е.И. Рассказовой, несмотря на то, что компоненты жизнестойкости развиваются в детстве и отчасти в подростковой периоде, мы можем и продолжаем их развивать в юношеском возрасте [3]. На основе работы Э. Эриксона выделена главная идея о том, что при кризисе идентичности для человека — это может служить широким полем пассивного поиска экспериментирования. Отсутствие чувства безопасности мира и понимания своего места в нем является центральным элементом этой системы. Человек может отстраняться от активной деятельности, чтобы переосмыслить свою жизнь и найти новые ориентиры. **Кризис идентичности** — конфликт между сложившимися устойчивыми структурами идентичности личности и соответствующим способом вписывания ее в окружающую реальность [5]. В итоге мы имеем следующий момент, что С. Мадди выделяет жизнестойкость как явление активного поиска, а Э. Эриксон кризис идентичности, как пассивного.

Так почему между ними возможна связь? Благодаря теоретическому анализу зарубежных подходов в таких работах авторов, как С. Мадди, Э. Эриксон, Дж. Марсия, И.Кон, А. Ватерман и эмпирических исследованиях наших соотечественников таких как Н. В. Жигинас, Е. Л. Солдатова, М. Ю. Кузьмин были выделены значимые проявления кризиса идентичности [2]. Проявления кризиса идентичности — это определённые критерии того, как кризис проявляется индивидом, переживающим его.

К проявлениям кризиса идентичности можно отнести следующие пункты:

1. Смешение различных ролей и ожиданий, отсутствие четкого понимания своей социальной роли (неясное ощущение себя, как если бы человек пытался примерить разные роли, но ни одна не подходит);
2. Отсутствие чувства безопасности в мире и понимание своего места;
3. Конфликт между "Я реальным" и "Я идеальным";
4. Поиск идентичности в группе;
5. Избегание тесных межличностных взаимоотношений—изоляция;
6. Отсутствие чувства непрерывности себя во времени и пространстве;
7. Избегание вовлечённости в продуктивную работу (защищая свою идентичность бояться окунуться с головой);
8. Отсутствие экспериментов с различными идентичностями;
9. Непонимание внутреннего потенциала личности, индивидуальных способностей и склонностей (не может быть достигнутая идентичность);
10. Эмоциональные проявления (состояние одиночества, бесполезности, волнения, тревоги, повышенная чувствительность и нервозность, потеря интереса к привычным делам и увлечениям, ощущение бессилия и отчуждённости и т. д.);
11. Категоризация себя исключительно в групповых терминах («студент», «мужчина») без их оценки;

12. Маскировка с использованием масок или ролей в повседневной жизни (ложной идентичностью с присвоением чужих черт).

Автором были выбраны, по его мнению, наиболее центральные проявления для дальнейшего исследования нарушенная временная перспектива, поиск идентичности в группе и отсутствие чувства безопасности и понимания своего места. Выбор сделан автором именно на эти проявления, поскольку анализ литературы по данной теме показал, что большая часть исследователей солидарны в их наличии и этому есть простое объяснение.

Как показывает практика, люди, переживающие кризис, зачастую не могут ориентироваться на будущее. У них либо очень слабые, либо размытые представления о нём, и они не могут работать на свою перспективу. Обычно их мысли обращены в прошлое, а настоящее вызывает страх. В этом состоянии люди становятся безразличными ко всему, словно наблюдая за своей жизнью со стороны, а не являясь её центром. Ощущения отсутствия безопасности в мире и своего места в нём могут пронизывать человека, не давая ему осознанности в понимании того, что у него могут быть все ресурсы для того, чтобы выйти из данного круговорота «дня сурка». Другой из вариантов развития данной ситуации может выражаться через вкладывание ресурса посредством развития не индивидуальной, а групповой идентичности. Однако, рассматривая этот вопрос, можно прийти к выводу, что даже просто находясь в такой ситуации, мы можем приобрести опыт, необходимый для дальнейшего развития, как раз по этой причине так важна жизнестойкость.

Анализ теоретических источников показывает, что жизнестойкость играет ключевую роль в преодолении кризисных ситуаций, возникающих в студенческом возрасте. В то время как студенческий возраст характеризуется высокой динамикой развития и адаптации к новым социальным ролям и требованиям, он также сопряжен с рядом специфических стрессоров и кризисных ситуаций. Теоретические модели жизнестойкости, в частности концепция С. Мадди, подчеркивают, что компоненты вовлеченности, контроля и принятия риска позволяют личности более эффективно справляться с неопределенностью и воспринимать сложные жизненные ситуации как вызов, а не как угрозу. Тяжесть и характер проявлений кризиса во многом зависят от уровня развития жизнестойкости личности. Стоит отметить, что далеко не все студенты обладают достаточным набором таких ресурсов и даже если обладают, то не всегда знают о них и применяют на практике. Именно такие молодые люди склонны воспринимать трудные жизненные ситуации как неразрешимые и чаще испытывают дезадаптацию. В целях минимизации последствий необходимо продолжать мониторинг и изучать проявления кризиса идентичности, чтобы помочь молодым людям разрешить кризис и сформировать идентичность.

Список использованной литературы:

1. Валуйских Ю.В. Юношеский кризис и его предпосылки в современном обществе. // Вестник студенческой научной сессии факультета философии и психологии / [отв. ред. Ю. А. Бубнов]; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2024. – Вып. 18. С 204.
2. Кузьмин М.Ю. Эмпирическое изучение критериев кризиса идентичности студентов старших и младших курсов / М.Ю. Кузьмин, И.А. Конопак // Известия Иркутского государственного университета. Серия "Психология". - Иркутск, 2014. - Т. 8. - С. 45-55.
3. Леонтьев Д.А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. М.: Смысл, 2006.
4. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ. / Пер. с англ. СПб., 2002.
5. Эриксон Э.Х. Идентичность: юность и кризис // Москва, 1996. – С. 340.

© Валуйских Ю.В., 2025

УДК 159.937

Мередов М.

Преподаватель

Туркменский государственный университет имени Махтумкули
г. Ашхабад, Туркменистан**ПСИХОЛОГИЯ ЦВЕТА: КАК КРАСКИ ВЛИЯЮТ НА НАШИ ЭМОЦИИ И ВОСПРИЯТИЕ****Аннотация**

Данная работа исследует глубокое и многогранное влияние цвета на человеческие эмоции, когнитивные процессы и общее восприятие окружающего мира. Рассматриваются психологические ассоциации, связанные с различными цветами, их воздействие на настроение, поведение и принятие решений. Анализируются культурные и индивидуальные различия в восприятии цвета, а также практическое применение знаний о психологии цвета в таких областях, как дизайн, маркетинг, искусство и терапия. Работа представляет собой обзор современных исследований и теорий, раскрывающих силу цвета как мощного инструмента воздействия на человеческую психику.

Ключевые слова:

психология цвета, влияние цвета, эмоции, восприятие, цветовые ассоциации, настроение, поведение, принятие решений, культурные различия, индивидуальные различия, дизайн, маркетинг, искусство, цветотерапия.

Цвет, казалось бы, обыденное явление, пронизывает каждый аспект нашего существования, от ярких красок заката до тонких оттенков повседневной одежды. Однако его влияние простирается далеко за пределы эстетического восприятия, глубоко укореняясь в сфере наших эмоций, когнитивных процессов и общего взаимодействия с окружающим миром. Психология цвета, как научная дисциплина, исследует эти невидимые нити связи, стремясь раскрыть механизмы, посредством которых различные оттенки способны вызывать определенные чувства, формировать наше мнение и даже влиять на наше поведение.

На протяжении всей истории человечества цвет наделялся символическим значением, обрастая культурными кодами и ассоциациями. В древних цивилизациях определенные пигменты были связаны с божествами, ритуалами и социальным статусом. Красный цвет, часто ассоциируемый с кровью и огнем, мог символизировать как жизненную силу и страсть, так и опасность и агрессию. Синий, цвет неба и моря, нередко олицетворял спокойствие, мудрость и духовность. Эти укоренившиеся культурные значения продолжают оказывать влияние на наше подсознательное восприятие цвета и сегодня.

Современные исследования в области психологии цвета выходят за рамки культурных интерпретаций, изучая нейробиологические и физиологические реакции, вызываемые различными длинами волн света, воспринимаемыми нами как цвет. Научные эксперименты показывают, что определенные цвета могут активизировать различные участки мозга, вызывая выброс гормонов и нейромедиаторов, которые, в свою очередь, влияют на наше настроение и физическое состояние. Например, яркие и теплые цвета, такие как красный и желтый, могут повышать уровень возбуждения и энергии, в то время как холодные оттенки, такие как синий и зеленый, часто оказывают успокаивающее воздействие.

В сфере маркетинга и дизайна понимание психологии цвета является ключевым инструментом воздействия на потребителя. Компании тщательно подбирают цветовую гамму своих брендов,

логотипов и рекламных материалов, стремясь вызвать определенные эмоции и ассоциации у своей целевой аудитории. Например, использование зеленого цвета может ассоциироваться с природой, здоровьем и экологичностью, в то время как черный цвет часто воспринимается как символ элегантности, власти и эксклюзивности.

В искусстве цвет выступает не только средством выразительности, но и мощным инструментом передачи эмоционального состояния художника и создания определенной атмосферы в произведении. Художники сознательно используют палитру для того, чтобы вызвать у зрителя определенные чувства, подчеркнуть ключевые элементы композиции и передать свое видение мира. Насыщенные и контрастные цвета могут создавать ощущение динамики и напряжения, в то время как приглушенные и гармоничные оттенки могут способствовать созерцанию и умиротворению.

Психология цвета находит свое применение и в терапевтических целях. Цветотерапия, или хромотерапия, использует различные цвета для воздействия на физическое и эмоциональное состояние человека. Считается, что каждый цвет обладает определенными вибрациями и энергетическими свойствами, которые могут способствовать исцелению и восстановлению баланса в организме. Хотя научные доказательства эффективности цветотерапии все еще находятся на стадии изучения, многие люди сообщают о положительном влиянии определенных цветов на их самочувствие.

Однако важно помнить, что восприятие цвета является субъективным и может варьироваться в зависимости от индивидуального опыта, культурного контекста и личных предпочтений. То, что один человек воспринимает как успокаивающий синий, другой может считать холодным и отстраненным. Поэтому при применении знаний о психологии цвета необходимо учитывать многогранность человеческого восприятия и избегать обобщений.

Тем не менее, общие тенденции и закономерности в эмоциональном и когнитивном воздействии цвета остаются значимыми и заслуживают дальнейшего изучения. Понимание этих закономерностей может обогатить наше понимание человеческой психики и открыть новые возможности для применения цвета в различных областях нашей жизни, от улучшения пользовательского опыта в дизайне до создания более гармоничной и эмоционально насыщенной среды обитания.

Заключение

Исследование психологии цвета продолжает развиваться, обогащаясь новыми научными данными и междисциплинарными подходами. Нейронауки, когнитивная психология и социология вносят свой вклад в наше понимание того, как цвет воспринимается мозгом, как он влияет на наши мысли и чувства, и как он формирует наше взаимодействие с окружающим миром.

Список использованной литературы:

1. Фридман, П. (2012). Психология цвета. Как цвет влияет на разум и тело. Издательство "Питер".
2. Люшер, М. (2005). Тест Люшера. Цветовой тест. Издательство "АСТ".
3. Эткинсон, Р.Л., Эткинсон, Р.С., Смит, Э.Е., Бем, Д.Дж., & Нолен-Хуксема, С. (2007). Психология Хилгарда. Издательство "Питер". (В данном издании могут быть разделы, посвященные восприятию, включая цветовое).
4. Арнхейм, Р. (2007). Искусство и визуальное восприятие. Издательство "Архитектура-С". (Хотя книга посвящена визуальному восприятию в целом, цвет является важной его частью).
5. Гёте, И. В. (2016). Учение о цвете. Издательство "Азбука-Аттикус". (Классический труд, заложивший основы изучения субъективного восприятия цвета).

©Мереев М., 2025

УДК 141.209

Сапарова Дж.

Преподаватель

Туркменский государственный институт финансов

г. Ашхабад, Туркменистан

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ РАЗУМА У ИБН СИНЫ И АЛЬ-ФАРАБИ, И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТЕОРИЮ ПОЗНАНИЯ

Аннотация

Данная работа посвящена сравнительному исследованию фундаментальных концепций разума (*акль*) в философских трудах двух выдающихся мыслителей исламского мира – Ибн Сины (Авиценны) и Аль-Фараби. Анализируются различные уровни и функции интеллекта, выделяемые каждым из философов, включая потенциальный, актуальный, приобретенный и активный разум. Особое внимание уделяется выявлению сходств и различий в их подходах к определению природы и роли каждого из этих уровней в процессе человеческого познания. Исследуется влияние разработанных ими концепций разума на их эпистемологические теории. Рассматривается вопрос о происхождении знаний, способности разума к постижению универсальных истин и роли чувственного опыта в интеллектуальном познании. Проводится сравнительный анализ их взглядов на интуицию, логическое мышление и возможность достижения достоверного знания.

Ключевые слова

Ибн Сина, Аль-Фараби, разум, акль, интеллект, теория познания, эпистемология, уровни разума, активный разум, потенциальный разум, познание, истина, чувственный опыт, интеллектуальное познание, философия сознания.

В богатом интеллектуальном наследии исламской философии особое место занимают труды Ибн Сины (Авиценны) и Аль-Фараби – двух гигантов мысли, чьи идеи оказали глубокое влияние на развитие не только восточной, но и западной философской традиции. Их вклад в различные области знания, включая метафизику, логику, этику и медицину, неоспорим. Среди множества исследованных ими вопросов особое значение занимает проблема природы разума (*акль*) и его роли в процессе познания.

Ибн Сина и Аль-Фараби, опираясь на античное философское наследие, прежде всего на труды Аристотеля, разработали сложные и многоуровневые концепции интеллекта, стремясь объяснить способность человека к мышлению, пониманию и постижению истины. Их учения о разуме стали краеугольным камнем их эпистемологических систем, определяя их взгляды на происхождение, природу и границы человеческого знания.

Актуальность сравнительного анализа их концепций разума обусловлена не только историческим значением их философских систем, но и непреходящей важностью вопросов, которые они поднимали. Проблема природы сознания, способности к абстрактному мышлению и источников знания продолжает оставаться в центре внимания современной философии и когнитивных наук. Изучение классических подходов к этим вопросам может обогатить наше понимание современных дискуссий и предложить новые перспективы для дальнейших исследований.

Целью данной работы является проведение детального сравнительного анализа концепций разума (*акль*) у Ибн Сины и Аль-Фараби. Мы стремимся выявить как общие черты, так и существенные различия в их понимании структуры и функций интеллекта, а также проследить, как эти концепции

влиять на их теории познания. Особое внимание будет уделено исследованию различных уровней разума, выделяемых каждым из философов, и их роли в процессе постижения универсальных истин.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных задач. Во-первых, следует тщательно изучить и систематизировать основные положения учений Ибн Сины и Аль-Фараби о разуме, опираясь на их ключевые философские труды. Во-вторых, необходимо выявить и проанализировать сходства и различия в их определениях и классификациях различных видов интеллекта. В-третьих, важно проследить, каким образом их концепции разума определяют их подходы к вопросам о происхождении и природе знания.

В-четвертых, необходимо рассмотреть влияние античной философии, в частности аристотелевской психологии и теории познания, на формирование их идей о разуме. Наконец, следует оценить вклад Ибн Сины и Аль-Фараби в развитие философской мысли и их значение для последующей интеллектуальной традиции в контексте понимания природы разума и познания.

Методологической основой исследования является сравнительно-философский анализ. Этот метод позволит выявить общие и специфические черты в философских концепциях Ибн Сины и Аль-Фараби, а также проследить эволюцию и взаимовлияние их идей. Использование историко-философского подхода позволит contextualize их учения в рамках интеллектуальной традиции своего времени и выявить их связь с предшествующей и последующей философской мыслью.

Продолжая наше исследование, следует отметить, что различия в социально-политическом контексте, в котором жили и творили Ибн Сина и Аль-Фараби, также могли оказать влияние на формирование их философских взглядов. Аль-Фараби, живший в период расцвета Аббасидского халифата, имел возможность более глубоко погрузиться в изучение греческой философии и науки. Ибн Сина, напротив, жил в более нестабильное время и занимал высокие государственные должности, что могло наложить отпечаток на его философские интересы и акценты.

Несмотря на различия в их биографиях и историческом контексте, оба мыслителя разделяли глубокое уважение к античному философскому наследию и стремились интегрировать его в рамки исламской интеллектуальной традиции. Их работы свидетельствуют о тщательном изучении трудов Платона и Аристотеля, чьи идеи о разуме и познании послужили отправной точкой для их собственных философских построений. Однако они не просто повторяли античные концепции, но и творчески переосмысливали и развивали их, адаптируя к своим религиозным и культурным убеждениям.

Важным аспектом сравнительного анализа является рассмотрение метафизических оснований их учений о разуме. Как Аль-Фараби, так и Ибн Сина разрабатывали сложные космологические системы, в которых разум занимал важное место в иерархии бытия. Учение Аль-Фараби об эманации, посредством которой из Первого Эманата последовательно возникают различные уровни интеллектов, оказало значительное влияние на последующую философскую мысль. Ибн Сина, с его концепцией необходимого и возможного бытия, также помещал разум в определенный космологический контекст, связывая его с божественным интеллектом.

Влияние концепций разума Ибн Сины и Аль-Фараби на последующую философскую мысль трудно переоценить. Их идеи о природе интеллекта, его уровнях и функциях, а также их эпистемологические взгляды оказали глубокое воздействие на развитие как исламской, так и западной философии. Их труды переводились на латынь и изучались в средневековых европейских университетах, способствуя формированию схоластической философии и развитию теории познания.

Таким образом, сравнительный анализ концепций разума у Ибн Сины и Аль-Фараби представляет собой важную задачу для понимания эволюции философской мысли и выявления как преемственности, так и новаторства в их учениях. Исследование их взглядов на природу интеллекта и его роль в познании позволяет не только углубить наше знание об истории философии, но и обогатить

наше понимание фундаментальных вопросов о человеческом разуме и его способности постигать истину.

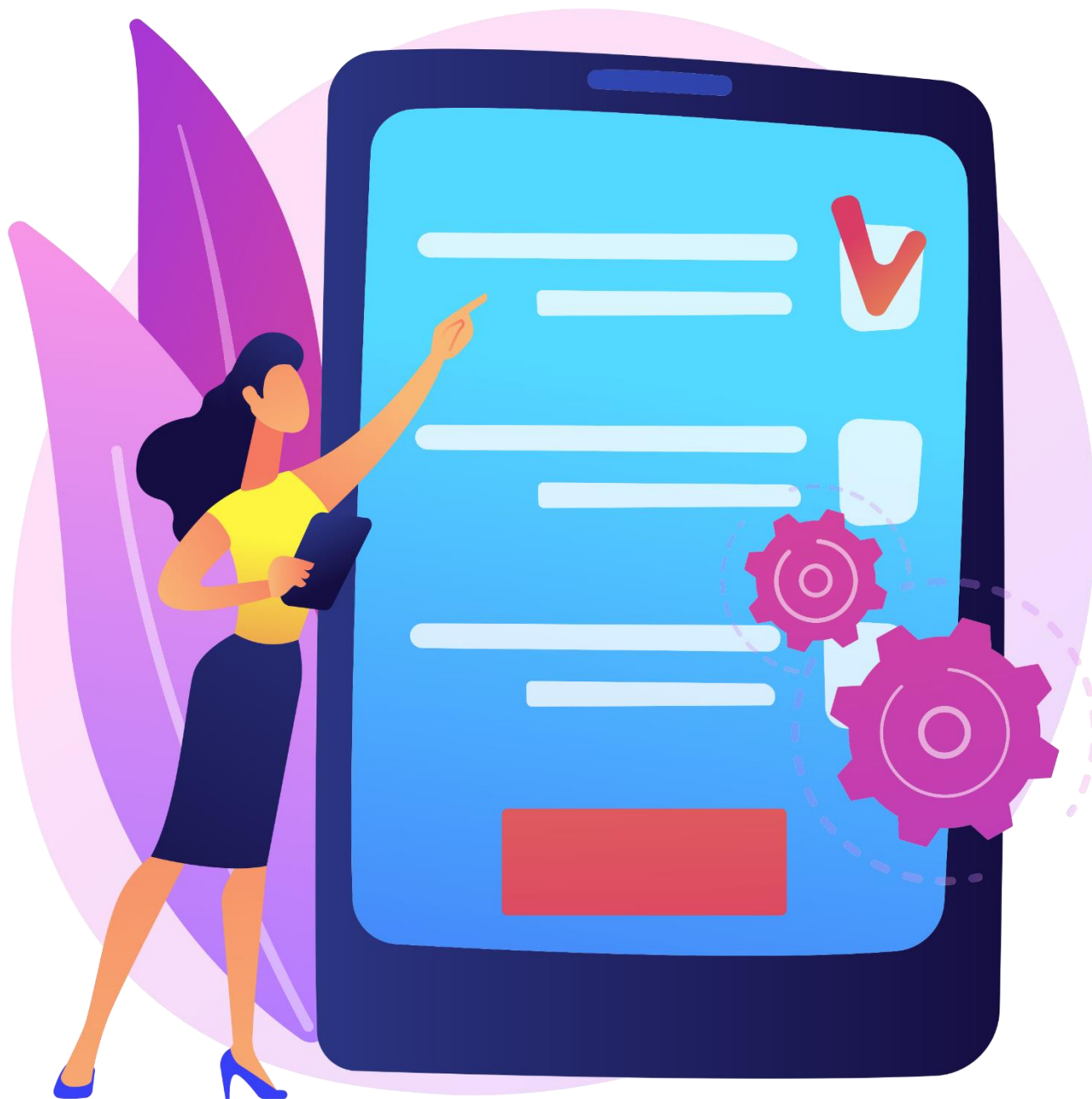
Заключение

Исследование философских концепций разума у Ибн Сины и Аль-Фараби открывает новые перспективы для понимания интеллектуального наследия исламского мира и его влияния на развитие мировой философской мысли. Их глубокие и оригинальные идеи о природе интеллекта и процессе познания продолжают вдохновлять и стимулировать философские дискуссии и сегодня.

Список использованной литературы:

1. Аль-Фараби. (2005). Трактат о взглядах жителей добродетельного города. Издательство "Канон+".
2. Ибн Сина (Авиценна). (2004). Книга знания. Издательство "АСТ".
3. Гардинер, П. (2003). Теории познания. Издательство "Прогресс-Традиция". (Может содержать разделы, посвященные влиянию исламской философии на эпистемологию).
4. Наср, С. Х., & Лейман, О. (2010). История исламской философии. Издательство "Академический Проект". (Предоставляет широкий контекст для понимания идей Аль-Фараби и Ибн Сины).
5. Дэ Анси, А. (2018). Ибн Сина. Издательство "Молодая гвардия". (Биографический очерк, включающий обзор философских идей).

© Сапарова Дж., 2025

СОЦИОЛОГИЯ

Bayliyev Batyr, lecturer.

Yoldashov Guvanch, student.

International Horse Breeding Academy named after Aba Annaev

Bayramgulyyeva Ogultach, student.

Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city

Arkadag, Turkmenistan

THE ROLE OF SOCIAL SCIENCES IN ADDRESSING CONTEMPORARY GLOBAL CHALLENGES

Abstract

Social sciences play a critical role in understanding and responding to complex global challenges such as inequality, migration, climate change, and political instability. By analyzing human behavior, institutions, and social systems, disciplines like sociology, political science, anthropology, and economics offer insights that inform policy, guide interventions, and shape public discourse. This article explores the importance of social sciences in today's world, highlighting their interdisciplinary potential, methodological diversity, and societal impact. It also addresses the undervaluation of social research in global development agendas and calls for stronger integration between social science and public policy.

Keywords:

social sciences, global challenges, policy-making, inequality, interdisciplinarity, evidence-based research.

Introduction: Understanding Society to Change It

While technology and natural sciences often dominate headlines, the root causes and solutions to most global issues are social. Climate inaction, public health crises, education gaps, and rising authoritarianism cannot be fully addressed without understanding human behavior, institutional dynamics, and cultural norms. Social sciences provide this crucial lens.

In a world increasingly shaped by interconnected crises, the role of social scientists becomes indispensable. They not only interpret patterns of inequality or conflict but also contribute to designing inclusive policies and evaluating their outcomes. This article examines how social sciences contribute to solving global problems and argues for greater support and visibility of their role in development and governance.

Contributions of Social Sciences to Global Problem-Solving

Sociology and economics reveal structural inequalities in income, access to education, gender, and race. Through household surveys, social mobility studies, and institutional analysis, researchers uncover the mechanisms that reproduce poverty or discrimination, enabling targeted policy design.

Anthropology and political science analyze migration patterns, integration challenges, and cross-cultural dynamics. By studying how migrants navigate identity and belonging, social scientists help policymakers craft humane and effective immigration policies.

Behavioral sciences inform how societies perceive and respond to climate change. Studies on public trust, risk perception, and policy compliance are essential for crafting climate interventions that resonate with communities and encourage sustainable behaviors.

Political scientists study how institutions work—or fail. Their research helps strengthen democratic resilience, identify threats like disinformation or populism, and promote citizen engagement.

Challenges and Future Directions

Despite their relevance, social sciences often face marginalization in global decision-making. Funding

bodies may prioritize "hard science" metrics, and policy-makers may overlook complex social dynamics in favor of technical fixes. Overcoming this requires:

- **Interdisciplinary collaboration** between social scientists and engineers, climate scientists, or health experts.
- **Communicating research in accessible language**, engaging with media, civil society, and decision-makers.
- **Reinforcing ethical and participatory approaches**, ensuring that affected communities are not just studied, but included in shaping solutions.

The future lies in transdisciplinary, locally informed, and globally networked social research that bridges academic insight and public action.

References

1. Giddens, A. (2009). *Sociology*. Polity Press.
2. Sen, A. (1999). *Development as Freedom*. Oxford University Press.
3. Castles, S., de Haas, H., & Miller, M. J. (2013). *The Age of Migration*. Palgrave Macmillan.
4. Ostrom, E. (2005). *Understanding Institutional Diversity*. Princeton University Press.
5. Flyvbjerg, B. (2001). *Making Social Science Matter*. Cambridge University Press.

© Bayliyev B., Yoldashov G., Bayramgulyyeva O., 2025

Berdiyev Kerven, student.

Turkmen National Institute of World Languages named after Dovletmamet Azadi.
Ashgabat, Turkmenistan

Amanov Muhammet, student.

International Horse Breeding Academy named after Aba Annaev

Aylyyeva Gulshirin, student.

Pedagogical secondary vocational school named after Berdimuhamed Annaev of Arkadag city
Arkadag, Turkmenistan

MODERN RESEARCH METHODOLOGIES IN THE SOCIAL SCIENCES: INTEGRATING QUALITATIVE AND QUANTITATIVE APPROACHES

Abstract

Research in the social sciences increasingly demands methodological diversity to capture the complexity of human behavior and societal systems. This article explores modern trends in research methodology, focusing on the integration of qualitative and quantitative approaches in mixed-methods designs. It examines how researchers combine statistical data with in-depth interviews, ethnography, and case studies to gain comprehensive insights. The article also highlights challenges in data triangulation, ethical considerations, and methodological rigor, emphasizing the importance of reflexivity and context in social inquiry.

Keywords:

research methodology, social sciences, mixed methods, qualitative research,
quantitative analysis, data triangulation, reflexivity

Introduction: Rethinking Rigor and Relevance in Social Research

In contemporary social science, the boundary between qualitative and quantitative research is increasingly porous. Questions about identity, power, inequality, education, or migration often require a synthesis of numerical analysis and narrative understanding. As researchers face more complex and multi-layered social phenomena, methodological pluralism has become both a necessity and a strength.

Traditional divides between objectivity and subjectivity, measurement and meaning, are being replaced by designs that value both precision and depth. This article discusses how mixed methods can yield richer interpretations, and what competencies are required to design, conduct, and evaluate such research rigorously.

Key Approaches and Tools in Contemporary Research

Mixed-methods research intentionally combines qualitative and quantitative elements within a single study. Common designs include:

- *Explanatory sequential*: collecting and analyzing quantitative data first, followed by qualitative exploration of the results.
- *Exploratory sequential*: beginning with qualitative inquiry to inform the development of quantitative tools.
- *Concurrent triangulation*: collecting both types of data simultaneously to cross-validate findings.

For example, a study on educational inequality may analyze standardized test scores (quantitative) and then conduct interviews with teachers and students (qualitative) to understand disparities.

Social researchers increasingly use software such as NVivo for qualitative coding, SPSS or R for statistical analysis, and Gephi for social network visualization. Digital ethnography, online surveys, and text mining expand the scope and scalability of research.

Ensuring methodological rigor requires attention to internal validity (are we measuring what we think we are?), reliability (are results consistent?), and reflexivity (how do the researcher's perspectives affect the study?). Transparency in data collection, triangulation, and ethical approval processes also contribute to trustworthy research.

Conclusion: Toward Methodological Fluency and Innovation

Modern social science research thrives on flexibility, creativity, and methodological literacy. By thoughtfully integrating different methods, researchers can better understand the dynamic nature of society. Universities and research institutions should promote interdisciplinary collaboration, advanced methodological training, and ethical sensitivity to support impactful research. The future of social inquiry lies in combining the depth of qualitative perspectives with the generalizability of quantitative findings.

References

1. Creswell, J. W., & Plano Clark, V. L. (2017). *Designing and Conducting Mixed Methods Research*. Sage.
2. Silverman, D. (2016). *Qualitative Research*. Sage.
3. Babbie, E. (2020). *The Practice of Social Research*. Cengage Learning.
4. Tashakkori, A., & Teddlie, C. (2010). *Mixed Methodology: Combining Qualitative and Quantitative Approaches*. Sage.
5. Saldaña, J. (2015). *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. Sage.

© Berdiyev K., Amanov M., Aylyyeva G., 2025

АРХИТЕКТУРА

Ishanov Maksat, lecturer.
Atayev Dovlet, lecturer.
Charyyeva Saadat, lecturer.
Bashimov Myrat, student.

Turkmen State Institute of Architecture and Construction
Ashgabat, Turkmenistan

HIGH ARCHITECTURE IN THE 21ST CENTURY: INNOVATION, IDENTITY, AND URBAN EXPRESSION

Abstract

High architecture, often associated with iconic, avant-garde design and monumental urban statements, has played a significant role in shaping the cultural and spatial identity of cities. In the 21st century, high architecture is being redefined by digital technologies, sustainability imperatives, and the tension between global aesthetics and local context. This article examines the evolving concept of high architecture, exploring its theoretical foundations, technological innovations, and the sociocultural meanings embedded in architectural form. Through case studies of landmark buildings and analysis of current architectural discourse, it also reflects on the challenges of balancing artistic ambition, environmental responsibility, and urban functionality.

Keywords:

high architecture, iconic design, digital fabrication, sustainability, urban identity, contemporary theory.

Introduction: Reinterpreting High Architecture in a Global Age

High architecture has traditionally been defined by its artistic ambition, formal experimentation, and ability to provoke discourse—standing in contrast to standard or utilitarian buildings. From the works of Le Corbusier and Frank Lloyd Wright to the sculptural creations of Zaha Hadid and Santiago Calatrava, high architecture embodies cultural aspirations and intellectual complexity. However, in the context of globalization, urban overgrowth, and climate urgency, the concept of high architecture is undergoing significant transformation.

While iconic buildings remain tools of cultural branding and national prestige, architects today must also respond to demands for environmental performance, digital integration, and social inclusivity.

Technological Innovation and the Digital Revolution in Design

One of the defining features of contemporary high architecture is the integration of advanced digital technologies into the design and construction process. Parametric modeling, algorithmic design, and digital fabrication have expanded the boundaries of form and structure, allowing architects to produce complex geometries once deemed impossible. Tools like Grasshopper and Rhino, along with AI-assisted design, enable highly responsive architecture that adapts to site-specific data such as sun paths, wind flows, and urban density.

For example, projects like the Elbphilharmonie in Hamburg or the Heydar Aliyev Center in Baku demonstrate how digital tools can produce fluid, sculptural forms that express movement and lightness, even in massive constructions. These buildings are not only aesthetic statements but also technological achievements that blend engineering precision with artistic vision.

Material innovation also plays a crucial role. The use of responsive materials, smart glass, carbon fiber, and 3D-printed structural components allows architects to experiment with transparency, flexibility, and environmental adaptability—qualities that redefine how high architecture interacts with its surroundings.

Cultural Identity, Symbolism, and Urban Expression

High architecture often functions as a cultural artifact—a statement about values, identity, and history. In global cities, landmark buildings act as visual signifiers, drawing tourists, attracting investment, and reinforcing civic pride. Yet the pursuit of “starchitecture” has also raised concerns about alienation, aesthetic overload, and loss of contextual sensitivity.

To address this, many contemporary architects strive to embed cultural narratives within their designs. For instance, the National Museum of Qatar, designed by Jean Nouvel, draws inspiration from the desert rose crystal, intertwining natural geometry with national heritage. Similarly, Kengo Kuma’s designs often incorporate traditional Japanese materials and joinery techniques into modern forms, creating a dialogue between innovation and vernacular culture.

This balance between universal appeal and local specificity is central to the evolving ethics of high architecture. Architects must now ask not only whether a building is visually striking, but also whether it contributes meaningfully to its environment—socially, symbolically, and spatially.

Conclusion: Toward a Responsible and Reflective High Architecture

High architecture in the 21st century remains a powerful tool for shaping urban identity and architectural discourse. However, it is no longer sufficient for such works to serve as aesthetic spectacles or symbols of wealth and power. Instead, high architecture must engage with ecological realities, technological possibility, and cultural nuance.

Future high architecture will be judged not only by its visual impact but by its ability to foster community, reduce environmental harm, and adapt to the changing needs of urban populations. This requires a rethinking of architectural authorship, moving from isolated genius to collaborative design, from formal experimentation to integrated systems thinking.

References

1. Picon, A. (2010). *Digital Culture in Architecture: An Introduction for the Design Professions*. Birkhäuser.
2. Jencks, C. (2005). *The Iconic Building: The Power of Enigma*. Frances Lincoln.
3. Koolhaas, R. (1995). *S, M, L, XL*. Monacelli Press.
4. Leatherbarrow, D., & Mostafavi, M. (2002). *Surface Architecture*. MIT Press.
5. Sudjic, D. (2008). *The Edifice Complex: How the Rich and Powerful Shape the World*. Penguin Books.

© Ishanov M., Atayev D., Charyyeva S., Bashimov M., 2025

Ishanov Maksat, lecturer.

Ozbekov Narbay, lecturer.

Kakabayeva Mahri, lecturer.

Bazarova Mahri, student.

Turkmen State Institute of Architecture and Construction
Ashgabat, Turkmenistan

INNOVATIVE CONSTRUCTION OF SMART BUILDINGS: INTEGRATING TECHNOLOGY, EFFICIENCY, AND HUMAN-CENTRIC DESIGN

Abstract

Smart buildings represent a transformative advancement in the built environment, combining

architectural design, construction innovation, and digital technology to create adaptive, efficient, and responsive spaces. This article explores the core components and construction strategies that define smart buildings, focusing on automation systems, data-driven infrastructure, and sustainable materials. It analyzes how Building Information Modeling (BIM), the Internet of Things (IoT), and AI-based systems are reshaping construction practices and building performance. Furthermore, it discusses the integration of user-centered design principles to enhance comfort, productivity, and health. The article also addresses implementation challenges and future trends shaping the smart building landscape.

Keywords:

smart buildings, digital construction, automation, IoT, BIM, sustainability, user-centered design.

Introduction: The Evolution of Intelligent Spaces

The emergence of smart buildings marks a critical intersection between architecture, engineering, and information technology. Unlike traditional structures, smart buildings are embedded with systems that sense, analyze, and respond to internal and external stimuli in real time. These environments can adjust lighting, ventilation, temperature, and security dynamically to optimize resource use and occupant experience.

With rising demands for sustainability, occupant well-being, and operational efficiency, the architecture and construction industry is transitioning from static models toward intelligent and adaptive systems. This article investigates the innovations that underpin smart building construction and how these developments are influencing the future of architecture and urban life.

Technological Foundations and Construction Innovations

At the heart of smart building construction is the integration of Building Information Modeling (BIM). BIM enables architects, engineers, and contractors to collaborate within a digital environment, streamlining design, visualization, cost estimation, and project coordination. It allows real-time updates and data sharing across disciplines, reducing errors and delays while improving decision-making.

IoT-based sensors and automation systems are another cornerstone. Sensors embedded in HVAC, lighting, and security systems collect and transmit data, allowing centralized control and predictive maintenance. For example, motion detectors can reduce energy consumption by dimming lights or adjusting air flow in unoccupied rooms. AI-powered systems process these data streams to optimize building performance, forecast energy loads, and automatically adjust to user behavior and weather patterns.

Construction methods are also evolving. Modular construction and prefabrication accelerate building timelines while ensuring precision and quality control. Smart building components—such as energy-efficient façades with integrated photovoltaic panels or intelligent glass that adjusts transparency—are manufactured off-site and assembled with minimal disruption. These innovations reduce construction waste, shorten project durations, and improve energy performance from the start.

Human-Centric Design and Sustainability Integration

While technology is central to smart buildings, the ultimate goal is to enhance human well-being. User-centered design ensures that smart systems adapt to the diverse needs of occupants. Smart buildings incorporate biometric access, personalized environmental controls, and even mood-responsive lighting systems. Data analytics inform building managers about comfort preferences, usage patterns, and indoor air quality, leading to continuous improvement of the built environment.

Sustainability is deeply embedded in the concept of smart buildings. Intelligent systems optimize energy and water use, reduce emissions, and extend building life cycles. Smart metering enables real-time tracking of resource consumption, empowering both occupants and operators to make environmentally responsible choices. Green roofs, rainwater harvesting systems, and eco-sensors further reduce ecological impact.

Health and productivity are also prioritized. Smart materials with antibacterial properties, circadian lighting, and noise-absorbing architectural elements contribute to healthier indoor environments. During the COVID-19 pandemic, smart buildings demonstrated their potential with features such as automated air filtration and

References

1. Ghaffarianhoseini, A., et al. (2016). The Essence of Smart Buildings: A Review of Technological and Human-Centric Aspects. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 68, 1026–1037.
2. Eastman, C., et al. (2018). *BIM Handbook: A Guide to Building Information Modeling*. Wiley.
3. Jalaei, F., & Jrade, A. (2015). Integrating BIM and Green Building Certification Systems. *Building and Environment*, 85, 96–108.
4. Shadram, F., et al. (2021). Digital Twin-Enabled Smart Building Management. *Automation in Construction*, 132, 103959.
5. United Nations Environment Programme. (2020). *Smart and Sustainable Buildings: Towards a New Generation of Construction*.

© Ishanov M., Ozbekov N., Kakabayeva M., Bazarova M., 2025